

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

О. В. СУХОБОКОВ

**СЛАВЯНЕ
ДНЕПРОВСКОГО
ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ**

(роменская культура
и ее предшественники)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКОВА ДУМКА»
КИЕВ-1975

902.7
С91

В монографии рассматриваются проблемы этноисторического развития населения Днепровского Левобережья накануне образования Древнерусского государства. На материалах археологических и письменных источников, привлекая данные антропологии и топонимики, автор характеризует раннеславянские памятники Левобережья, на основании которых освещаются вопросы социально-экономического развития, делается попытка выяснения генезиса этих древностей и их соотношения между собой, исторических судеб северян и их роль в начальный период становления Киевской Руси.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
профессор *В. И. Довженок*

Рецензенты:
доктор исторических наук *С. А. Симонович*,
кандидат исторических наук *М. П. Кучера*

Редакция истории и археологии

С $\frac{10602-354}{M221(04)-75}$ 80—75

© Издательство «Наукова думка», 1975

ВВЕДЕНИЕ

В истории народов Восточной Европы особое место принадлежит второй половине I тысячелетия н. э. Именно в этот период происходит формирование этнической основы, созревание социально-экономических и политических предпосылок образования древнерусского государства.

Свидетельства древних авторов повествуют о славянах под именем венедов еще на рубеже нашей эры, называя их в числе других народов Европы [166, с. 230—232]. При всей скудности и фрагментарности этих известий они дают возможность говорить о славянах как самостоятельном этническом образовании, существовавшем в начале I тысячелетия н. э. Данные источников IV—VII вв. позволяют в общих чертах наметить территорию обитания славян (антов), дают основания судить о хозяйственной, политической и духовной жизни славянских племен, о военном искусстве славянских дружин, потрясавших Византийскую империю, а также говорить о характере общественной организации славянских народов [166, с. 230—280].

Письменные источники недостаточно отражают все стороны жизни славян, а многие вопросы раннеславянской проблематики вообще не

находят в них никакого освещения. Мы не имеем данных, позволяющих судить об уровне социально-экономического развития венедских племен. Письменные источники не дают возможности четко определить территорию, которую занимали древние славяне, установить отношения венедов к славянам более позднего времени. Они не отражают процесса образования трех групп славянства, равно как и время появления каждой из них в тех или других районах Центральной и Восточной Европы.

В связи с этим особое значение приобретают археологические источники, отражающие особенности материальной и духовной культуры. Анализ совокупности этих особенностей наряду с привлечением материалов антропологии о физическом типе населения определенной территории и лингвистических данных о его языке позволяет выявить специфические черты данной этнической общности [13; 45; 247; 281; 126; 127; 73; 20].

Археологические исследования последних лет, как в нашей стране, так и за рубежом, дали возможность выявить значительное количество памятников славян догосударственного периода. В результате их изучения сложилось представление

о культуре славян рассматриваемого времени как единой и монолитной от Одера и Вислы до Волги и Дона [139; 144]. Хотя мы наблюдаем на славянских памятниках второй половины I тысячелетия н. э. определенные общие черты (топография и характер поселений, тип жилищ, погребальный обряд, керамика и т. д.), нельзя не видеть различий между отдельными группами археологических памятников в раннем средневековье.

При интерпретации славянских древностей часто забывают, что, хотя рассматриваемый период и был временем, когда благодаря росту производительных сил и вызреванию социально-политических предпосылок древнерусского государства усилились культурные связи, приведшие к образованию общих черт в материальной культуре различных восточно-славянских племен, это все же не вызвало полной нивелировки, а относительная культурная однородность была достигнута далеко не сразу. В этом отношении показательна археологическая картина на Днепровском Левобережье, проблема раннесредневековых памятников которого признается одной из важнейших в истории восточных славян догосударственного периода.

Значительную часть раннеславянских памятников составляют поселения и могильники роменско-боршевской культуры. Тем не менее и теперь, спустя более семи десятилетий с момента открытия Н. Е. Макаренко роменских поселений на Левобережной Украине, состояние их изучения все еще нельзя признать удовлетворительным. Например, из известных в настоящее время сотни с лишним роменских и

боршевских поселений раскапывалось не более двадцати, и только два исследованы полностью [141, 170]. Это, несмотря на важность полученных исследователями материалов, все же недостаточно для выяснения всех сторон жизни населения, оставившего памятники роменской культуры.

Изучение памятников середины и третьей четверти I тысячелетия н. э. только начато. Однако мы вправе на основании имеющихся материалов говорить о существовании на Днепровском Левобережье во второй половине I тысячелетия нескольких культурно-хронологических групп памятников, отражающих, по-видимому, определенные этапы исторического развития оставившего их населения.

Задачи нашей работы прежде всего требуют значительного расширения археологической карты Днепровского Левобережья, ввиду того что составленная И. И. Ляпушкиным сводка в настоящее время уже не соответствует накопившимся за последние годы археологическим материалам. Поэтому предлагаемая вниманию читателей работа, составленная на основании новейших публикаций и информации, отчетных и архивных материалов, призвана расширить и дополнить круг славянских древностей догосударственного периода.

В свете последних исследований становится очевидным факт существования на Левобережье памятников следующих культурно-хронологических групп: 1) поселений и могильников типа Курган Азак — Кветунь — Артюховка, связываемых с памятниками колочинского типа и относящихся к середине — началу третьей четверти I тысячелетия н. э.; 2) поселений и могильников волын-

цевского типа (VII—VIII вв.); 3) городищ и курганных могильников роменской культуры (VIII—X вв.). Характеристика и анализ памятников указанных культурно-хронологических групп, наряду с выяснением их соотношений, составляет один из вопросов раннесредневековой истории Левобережной Украины.

Как уже отмечалось, дискуссионным остается вопрос о происхождении роменской культуры. Исследователи сходятся во мнении, что своими корнями она уходит в общеславянский мир [283, с. 250 и ел.; 240, с. 128]. Значительные разногласия существуют по вопросу ее генетической связи с предшествовавшими и последующими памятниками. По мнению некоторых археологов, роменская культура «а украинском Левобережье является пришлой (И. И. Ляпушкин, В. В. Седов). Другие считают ее автохтонной, возникшей в процессе длительного и непрерывного развития местного населения на протяжении всего I тысячелетия н. э. (Д. Т. Березовец). Рассмотрение вопроса о происхождении роменской культуры и ее отношении к памятникам предшествующего времени является одной из задач предлагаемой работы.

Очень важной представляется проблема взаимоотношения левобережных славян с иноэтничными образованиями рассматриваемой территории.

В настоящее время некоторыми специалистами поднимается вопрос о правомерности употребления тер-

мина «роменско-боршевская культура», как не отвечающего современному состоянию изучения памятников славян Левобережья и Подонья (А. Н. Москаленко, Д. Т. Березовец).

На новом этапе изучения раннесредневековых памятников Левобережной Украины появляется возможность наметить какие-то хронологические отрезки в общей датировке роменской культуры, поскольку очевидно неодновременное существование данных поселений в рамках VIII—X вв.

Освещению основных сторон хозяйственной деятельности населения Левобережного Поднепровья накануне образования Киевской Руси уделяли внимание И. И. Ляпушкин, Д. Т. Березовец, Б. А. Шрамко и др. [141, с. 211—226; 147, с. 133—153; 145, с. 21&—242; IV, с. 87 и ел.; 314, с. 292—315; 311; 313]. Теперь появляется возможность не только подробнее охарактеризовать экономику раннеславянского населения Левобережья, но и конкретизировать ее методом палеоэкономического моделирования [41]. Наконец, совершенно неразработанным является вопрос о месте роменской культуры в формировании культуры Древнерусского государства и исторических судьбах носителей этой культуры — северян.

Перечисленные вопросы обусловили выбор темы и определили направление их разработки, составив задачу данного исследования.

Глава I

ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКОВ

В пределы рассматриваемой территории входят собственно Левобережная Украина и некоторые прилегающие к ней области Российской Федерации. Очерченная территория представляет собой две различные в физико-географическом отношении зоны: восточное Полесье, включающее лежащие на Днепро-Деснинской низменности Брянскую и Черниговскую области, и левобережную часть Лесостепи, которая охватывает частично Курскую, Белгородскую области РСФСР, а также Харьковскую, Сумскую и Полтавскую области УССР. В географическом отношении украинское лесостепное Левобережье является переходной зоной между Полесьем и Степью (карта 1, II).

Северная граница изучаемых памятников совпадает с северной границей Брянской области; северо-западным рубежом служит правый приток Десны — р. Судость, западным — Днепр. Северо-восточная граница проходит по линии Витемля — Севск — Ратманово. Восточная граница лежит на линии Ратманово — Мохнач. Юго-восточная и южная границы очерчиваются линией Задонецкое — Решетняки — Жовнин, в общем совпадая с границей Степи и Лесостепи (карта 1).

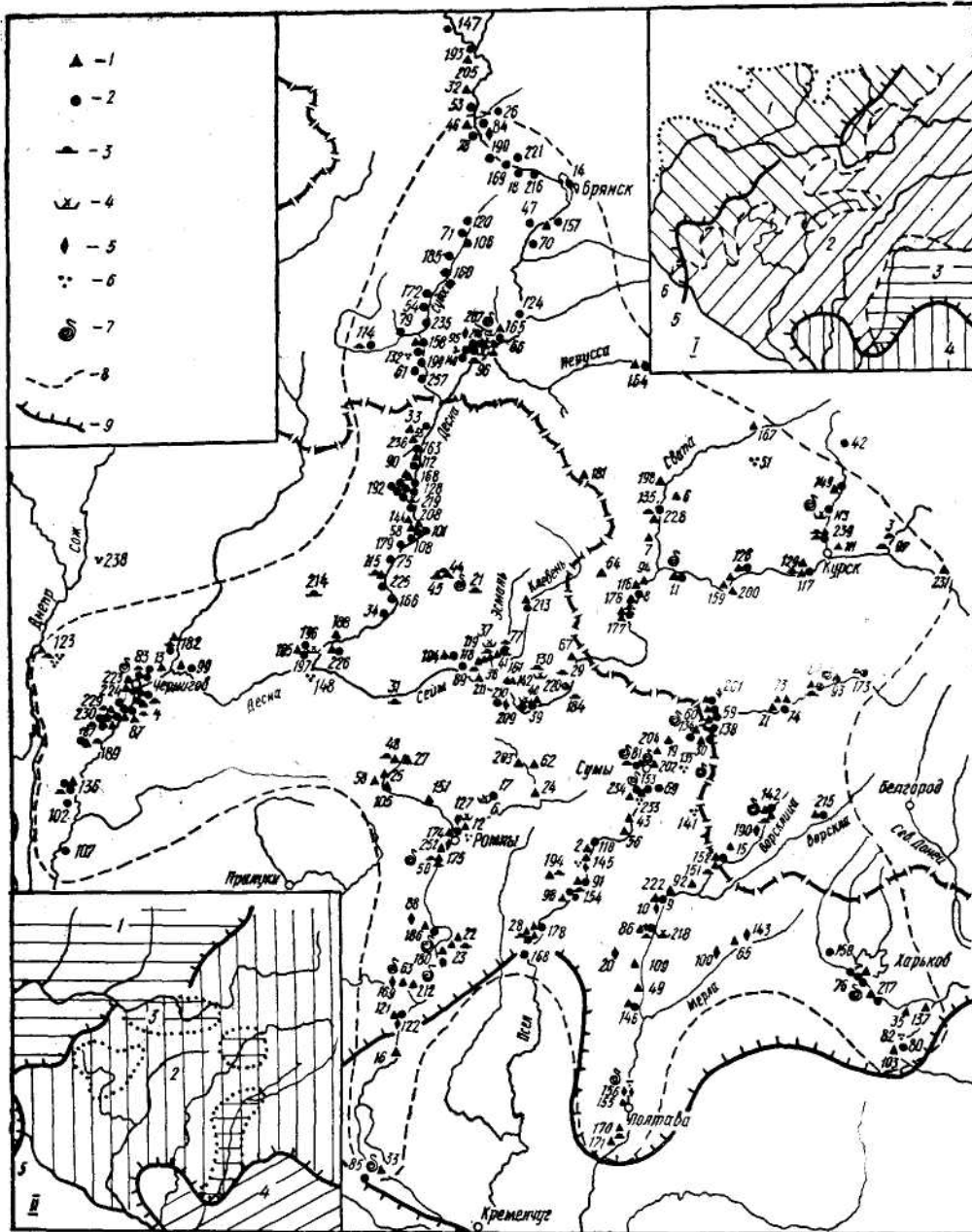
В рамках данной территории Полесье охватывает район Подесенья по линии Киев — Нежин — Глухов. Здесь же лежит нижняя граница подзолистых почв и сплошной лесной растительности [79, с. 104, карта]. Эта линия вместе с тем определяет северную границу Лесостепи; ее южная граница находится на линии Кременчуг — Решетняки — Змиев [168, с. 179; 79, с. 113—114].

По своему рельефу Днепро-Левобережье характеризуется общей равнинностью, сильно эрозированной территорией и водораздельными пространствами платообразного типа, склоны которых изрезаны облесенными ветвящимися балками [168, с. 172].

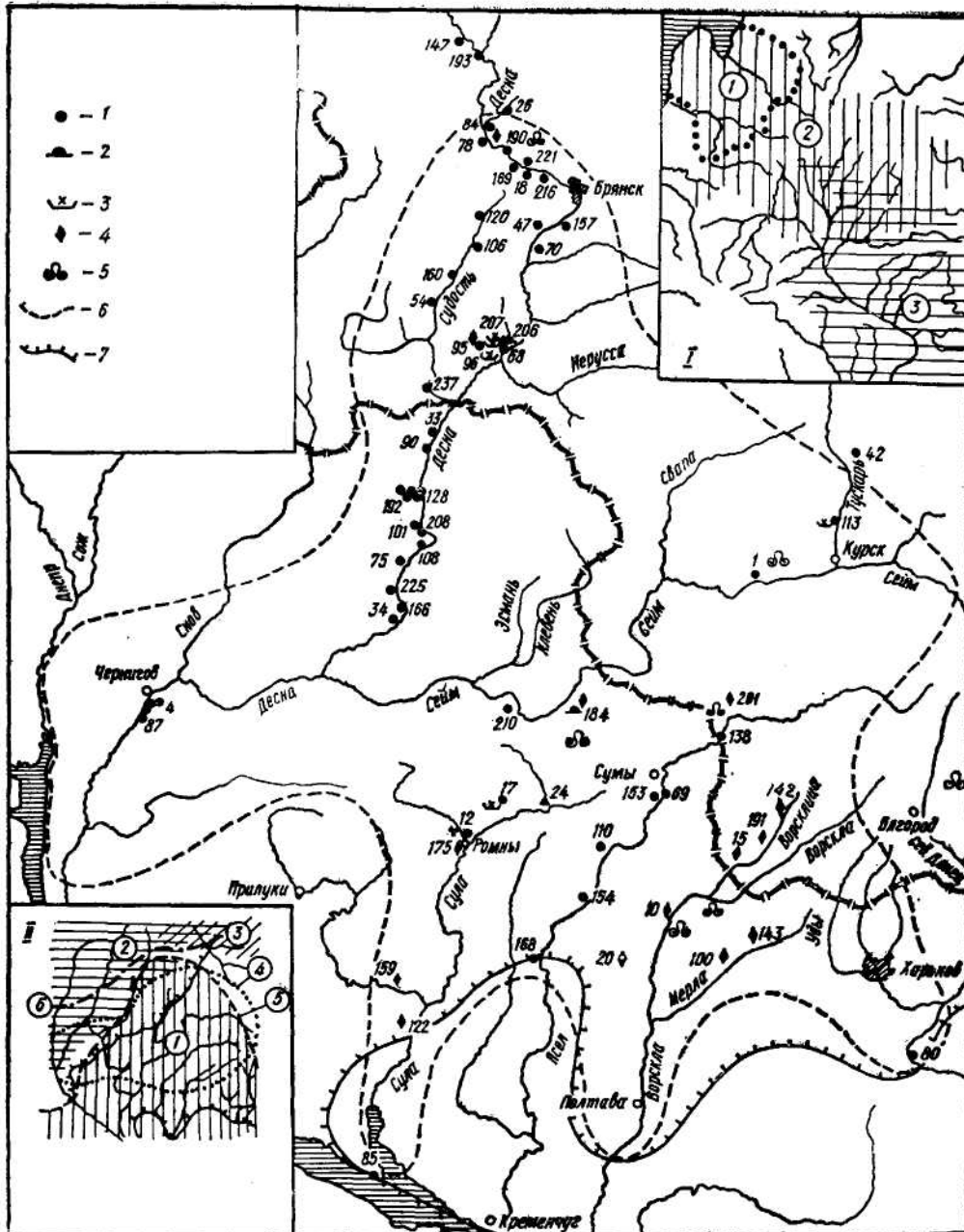
В почвенном отношении лесостепное Левобережье неоднородно, представляя собой чередование выщелоченных черноземов с оподзоленными и тучными грунтами [168, с. 185, 187] (карта 1, I).

Климат Днепро-Левобережья, как и всей восточной части Европы в I тысячелетии н. э., по мнению климатологов, характеризуется общей засушливостью с редкими периодами увлажнения в самом начале его, а затем в VIII—X вв. [48, с. 93].

В границах изучаемой территории рассматриваемые нами древнос-

Карта 1. Памятники второй половины I тысячелетия н. э. на Днепровском Левобережье:
 1 — городище; 2 — селище; 3 — курганный могильник; 4 — грунтовой могильник; 5 — вещевой клад; 6 — монетный клад; 7 — спиральные височные кольца; 8 — границы памятников роменской культуры; 9 — границы Лесостепи.
 I — карта почв: 1 — дерново-подзолистые почвы (песчаные, супесчаные, перегной); 2 — черноземы глубокие на лессе; 3 — черноземы глубокие среднелугмусные на лессе (тяжелосуглинистые); 4 — черноземы южные на лессе; 5 — граница Лесостепи; 6 — южные границы подзолистых почв.
 II — карта растительности: 1 — сосновые и широколиственные леса; 2 — луговые степи; 3 — острова Лесостепи; 4 — ковыльно-разнотравные степи (северный вариант); 5 — границы Лесостепи.

Карта 2. Памятники середины I тысячелетия н. э. на Днепровском Левобережье:
 1 — селище; 2 — курганный могильник; 3 — грунтовой могильник; 4 — вещевой клад; 5 — биспиральные височные кольца; 6 — границы памятников роменской культуры; 7 — границы Лесостепи.
 I — гидропонимика Поднепровья: 1 — современная территория прибалтийских народов; 2 — гидропоним бальтского происхождения; 3 — иранские гидропонимы.
 II — гидропонимические ареалы в соотношении с ареалами антропологических типов: 1 — иранская гидропонимика; 2 — бальтская гидропонимика; 3 — угро-финская гидропонимика; 4 — ареал долихокранного узколицего типа; 5 — ареал иранской гидропонимии; 6 — долихокраний среднеличий тип.

Таблица I

Культурно-хронологическая характеристика памятников второй половины I тысячелетия н. э. в бассейне реки Десня

№ на карте	Наименование памятника	Городище	Селище	Курганный могильник	Бескурганый могильник	Монетный клад	Вещевой клад	Культурные отложения по периодам			
								V—VII	VII—VIII	VIII—X	X—XII
4	Анисово Черниговской обл.		XXX		X			X			X
13	Брусилы Черниговской обл.	X								X	X
14	Белокаменка Брянской обл.		X					X			
33	Витемля Черниговской обл.		X					X			
34	Вишенки Черниговской обл.		X					X			
32	Владимировка Брянской обл.	X							X		
46	Вшиж Брянской обл.	X	X							X	X
47	Выгоничи Брянской обл.		X					X			X
54	Голяжье Брянской обл.		X					X			
55	Горицы Черниговской обл.	X	X							X	
58	Горки Черниговской обл.	XX	X							X	
66	Городцы (Верхние) Брянской обл.	X	X	X				X		X	X
75	Долинское Брянской обл.		X					X			
83	Желвинки Черниговской обл.		XXX		X				X		X
84	Жуковка Брянской обл.		X				X	X			
87	Ивановка Черниговской обл.	X	X	X				X			X
90	Камень Черниговской обл.		X					X			
95	Кветунь Брянской обл.			X	X		X	X	X		
96	Кветунь Брянской обл.	X	X				X			X	X
99	Козероги Черниговской обл.		XX						X		X
101	Колодезный Бугор Черниговской обл.		X						X		
102	Коропье Черниговской обл.		X						X		
108	Кудлаевка Черниговской обл.		X					X	X	X	

Продолжение табл. 1

№ на карте	Наименование памятника	Городище	Селище	Курганный могильник	Бескурганный могильник	Монетный клад	Вещевой клад	Культурные отложения по периодам			
								V—VII	VII—VIII	VIII—X	X—XII
112	Лавриков Лев (уроч.) Черниговской обл.		×					×	×		
114	Левинки Брянской обл.		×		×					×	×
115	Леньково Черниговской обл.	×			×					×	×
123	Любеч Черниговской обл.	×			×	×					×
128	Мамекино (устье р. Смяч)		×					×			
132	Медведово Брянской обл.						×			×	×
136	Моровск Черниговской обл.	×	×		×					×	×
140	Нижние Новоселки Брянской обл.					×				×	
144	Новгород-Северский Брянской обл.	×	×							×	
148	Парястовский Черниговской обл.					×				×	
157	Полужье Брянской обл.		×		×			×	×		
158	Посудичи Брянской обл.		×		×				×		×
160	Почел Брянской обл.		×					×			×
163	Пушкари Черниговской обл.	×	×							×	×
164	Радогощ Брянской обл.	×	×							×	
165	Радчино Брянской обл.	×								×	
166	Разлеты Черниговской обл.		×							×	
169	Речица Брянской обл.		×					×		×	
172	Рогово Брянской обл.		×					×		×	
179	Свердловка Черниговской обл.	×								×	
181	Севск Брянской обл.	×								×	×
182	Седнев Черниговской обл.	×	×		×					×	×
187	Слабино Черниговской обл.	×	×	×	×			×	×	×	×

Продолжение табл. 1

№ на карте	Наименование памятника	Городище	Селище	Курганный могильник	Бескурганный могильник	Монетный клад	Вещевой клад	Культурные отложения по периодам			
								V-VII	VII-VIII	VIII-X	X-XII
188	Сметнов Черниговской обл.	×							×		
189	Смолино Черниговской обл.	×	×		×			×	×	×	
190	Смольянь Брянской обл.		×				×				
192	Смяч-Мамекино Черниговской обл.		×	×			×				
195	Сосница (оз. Буромка) Черниговской обл.	×						×	×		
196	Сосница (ур. Лан) Черниговской обл.		×		×			×			
197	Сосница (ур. Медвежье) Черниговской обл.		×					×			
205	Тихая Пристань Брянской обл.	×							×		
206	Трубчевск Брянской обл.	×	×						×		×
207	Усох Брянской обл.			×	×				×		×
208	Форостовичи Черниговской обл.		×				×	×			
214	Холоденев Черниговской обл.			×					×		
219	Целиков Бугор (уроч.) Черниговской обл.		×		×		×		×		×
223	Чернигов	×		×					×		×
224	Чернигов (ур. Еловщина)	×	×						×		×
225	Чулатово (ур. Еловщина)		×				×				
226	Шабалинов Черниговской обл.	×	×						×		×
229	Шестовицы Черниговской обл.	×	×	×	×			×			×
230	Шестовицы (ур. Коровель)	×	×	×					×		×
235	Юдиново Брянской обл.		×						×		×
236	Юхново Черниговской обл.	×							×		×
237	Яковлевичи Черниговской обл.				×			×	×		
238	Яриловичи Черниговской обл.				×			×	×		

Таблица 2

Кольчурно-хронологическая характеристика памятников второй половины I тысячелетия н.э. в бассейне реки Сейм

№ на карте	Наименование памятника	Городище	Селце	Курганный могильник	Бескурганный могильник	Монетный клад	Вещевой клад	Культурные отложения по периодам			
								V-VII	VII-VIII	VIII-X	X-XII
1	Авдеева Курской обл.		×					×	×	×	×
2	Александровка » »			×						×	×
5	Арбузово » »	×								×	×
8	Асмолово » »	×	×							×	×
7	Артюшково » »	×								×	×
11	Баниши » »	×	×							×	×
21	Богданова Сумской обл.				×					×	×
29	Бунякино » »	×			×					×	×
31	Выривка » »				×					×	×
37	Волокитино (ур. Старый Кирпичный завод)			×	×				×	×	×
38	Волокитино (ур. Высокое поле)	×	×		×				×	×	×
39	Волынцево (ур. Курган)	×							×	×	×
40	Волынцево (ур. Стан)		×	×					×	×	×
42	Воробьевка Курской обл.					×		×	×	×	×
41	Воргол Сумской обл.		×						×	×	×
44	Воронеж (ур. Крученое болотце и ур. Черные Лозы)			×	×				×	×	×
45	Воронеж » »						×		×	×	×
52	Гнездилово Курской обл.					×			×	×	×
57	Горки Сумской обл.	×							×	×	×
64	Городище Курской обл.	×	×						×	×	×
77	Дорошевка Сумской обл.				×				×	×	×
89	Камень » »	×							×	×	×
94	Капыстичи Курской обл.	×							×	×	×
97	Клюква » »				×				×	×	×
104	Красное Утро Сумской обл.	×	×						×	×	×
111	г. Курск	×							×	×	×
113	Лебяжье Курской обл.		×		×			×	×	×	×
116	Лещиновка » »	×	×						×	×	×
117	Липино Курской обл.	×	×		×				×	×	×
118	Литвиновичи Сумской обл.	×							×	×	×
119	Литвиновичи » »	×							×	×	×
126	Макаровка Курской обл.	×							×	×	×
129	Маслово » »	×							×	×	×
130	Марьяновка Сумской обл.			×	×				×	×	×
135	Моисеево Курской обл.					×			×	×	×
133	Мирополье Сумской обл.	×				×			×	×	×
149	Переверзево (Кобзево) Курской обл.	×	×						×	×	×
161	Путивль Сумской обл.	×	×						×	×	×
162	Путивль (ур. Никольская горка) Сумской обл.	×							×	×	×
167	Ратманово Курской обл.	×							×	×	×

Продолжение табл. 2

№ на карте	Наименование памятника	Городище	Селце	Курганный могильник	Бескурганый могильник	Монетный клад	Вещевой клад	Культурные отложения по периодам			
								V—VII	VII—VIII	VIII—X	X—XII
176	Рыльск Курской обл.	×							×	×	
177	Рыльск (уроч. Подмонастырская слободка)	×			×				×	×	
184	Сетнов Сумской обл.				×			×	×	×	
198	Старый Город Курской обл.	×			×				×	×	
200	Сугрово Курской обл.	×							×	×	
209	Харивка Сумской обл.		×				×	×	×	×	
210	Харивка » »						×	×			
211	Хижки » »	×				×			×		
213	Ховзовка » »	×	×						×	×	
220	Чаплище » »	×	×								
228	Шатуновка Курской обл.	×					×		×		
231	Шуклинка » »	×	×						×		

ти представляют собой памятники широкого хронологического диапазона, охватывающего вторую половину I и начало II тысячелетия н. э.

Все эти древности рассматриваются по культурно-хронологическим группам, которые определяются следующими рамками: первая — V—VII вв., вторая — VII—VIII вв., а третья охватывает конец и начало I тысячелетия н. э. (VIII—XI вв.). Необходимо заметить, что распределение этих памятников крайне неравномерно: около половины их сосредоточено в системе Десна — Сейм. Это в равной степени относится ко всем группам древностей, но особенно к памятникам V—VII вв. Действительно, на бассейны этих рек приходится около 30 поселений этого типа (из 50 на всем Днепровском Левобережье), что наглядно иллюстрируется таблицами культурно-хронологических характеристик памятников бассейнов рек (табл. 1; 2).

Среди этих памятников значительный интерес представляют такие, как Белокаменка, Жуковка, Форостовичи. Смяч и другие на Десне; Авдеево, Чаплище и другие на Сейме; Артюховка, Беседовка, Большие Будки на Суле; Груновка, Курган Азак, Низы на Пеле; Задонецкое на Северском Донце, материалы позволяют датировать их серединой I тысячелетия н. э. (карта 2).

Названные памятники неоднородны, представляя сочетания элементов северного (колочинского) в верховьях Сулы, Сейма, Подесенье и южного (пеньковского) происхождения в бассейнах Ворсклы, среднего течения Пела, Северского Донца [69, с. 102—106].

Помимо поселений, среди памятников первой группы известны и могильники. Таковы бескурганые погребения близ с. Кветунь на Десне и с. Артюховка на Суле, первое из которых датируется по бронзо-

Таблица 3

Культурно-хронологическая характеристика памятников второй половины I тысячелетия н. э. в бассейне реки Сулы

№ на карте	Наименование памятника	Городище	Селище	Курганный могильник	Бескурганный могильник	Монетный клад	Вещевой клад	Культурные отложения по периодам			
								V—VII	VII—VIII	VIII—X	X—XIII
6	Артюховка Сумской обл.			×				×			
12	Басовка (городище) »	×				×		×			
17	Беседовка » »	×						×	×		
16	Бербеница Полтавской обл.	×									
22	Бодаква (ур. Панское) »	×								×	×
23	Бодаква (ур. Козача Гора) »	×								×	×
24	Большие Будки Сумской обл.	×			×			×			
36	Воинская гребля Полтавской обл.	×			×					×	×
50	Глинск (ур. Замчище) Сумской обл.	×								×	×
63	Городище Полтавской обл.	×								×	×
85	Жовнин Черкасской обл.		×					×	×		
88	Ивахники (Яхники) Полтавской обл.						×			×	
105	Красный Колядин Черниговской обл.	×								×	×
121	Лубны Полтавской обл.	×	×							×	×
122	Лубны (окрестности) Полтавской обл.	×					×			×	
127	Малые Будки Сумской обл.		×						×		
131	Медвежье Сумской обл.	×								×	×
159	Поставмуки Полтавской обл.						×			×	
174	Ромны Сумской обл.	×	×							×	×
175	Ромны (окрестности) »						×			×	
180	Свиридовка Сумской обл.	×	×							×	×
183	Сенча Полтавской обл.	×	×							×	×
186	Скоробогатки » »	×	×		×					×	×
194	Снятин » »	×	×		×					×	×
203	Терны (ул. Медведка) Сумской обл.	×								×	
212	Хитцы Полтавской обл.	×	×		×					×	×
232	Шумск Сумской обл.	×								×	

вым украшениям серединой I тысячелетия н. э.

За исключением р. Псел, где В. А. Ильинской была выявлена группа открытых поселений, аналогичных деснинским, на остальных левых притоках Днепра в пределах лесостепной Украины памятники се-

редины I тысячелетия представлены кладами — так называемыми древностями антов («русов»), сводка которых приведена в табл. 3—5. Эти последние составляют половину памятников указанного периода в бассейнах Сулы, нижнего течения Пела, Ворсклы и Северского Донца.

Таблица 4

Культурно-хронологическая характеристика памятников второй половины I тысячелетия н. э. в бассейне реки Псел

№ на карте	Наименование памятников	Городище	Селище	Курганный могильник	Бескурганный могильник	Монетный клад	Вещевой клад	Культурные отложения по периодам			
								V—VII	VII—VIII	VIII—X	X—XIII
2	Азак Сумской обл.	×							×	×	
19	Битица » »	××						×			
28	Броварки Полтавской обл.	×	×		×				×	×	
30	Великая Рыбица Сумской обл.	×	×						×	×	
43	Ворожба Сумской обл.	×	×						×	×	
56	Горка » »	×	×?						×	×	
59	Горналь Курской обл.	×	×					×	×	×	
60	Горналь » »	×	×					×	×	×	
67	Гочово » »	×	×		×			×	×	×	
69	Груновка Сумской обл.		×					×			
72	Долгий Колодец (ур. Вышний) Курской обл.	×							×		
73	Долгий Колодец (ур. Наволочки) Курской обл.	×							×		
74	Долгий Колодец (ур. Стрелица) Курской обл.	×							×		
81	Зеленый Гай (ур. Стар. Крейдище) Сумской обл.	×	×		×				×	×	
91	Каменное » »	×	×		×				×	×	
93	Картамышево Курской обл.	×							×		
98	Кнышевка Полтавской обл.	×							×		
110	Курган Азак Сумской обл.		×				×				
134	Могрица » »	×	××						×		
138	Низы Сумской обл.		×				×				
141	Нижняя Сыроватка »					×			×		
155	Новотроицкое » »		×				×				
153	Писковка » »		×				×				
154	Плешивец » »		×				×				
168	Рашевка Сумской обл.		×				×				
173	Рождественское Курской обл.	×				×			×	×	
178	Сары Полтавской обл.	×	×		×				×	×	
201	Суджа Курской обл.						×				
202	г. Сумы	×							×	×	
204	Тополи Сумской обл.	×	×						×	×	
233	Шпилевка » »	××	×						×	×	
234	Шпилевка » »					×			×	×	

Относительно упомянутых кладов все еще нет единого мнения среди исследователей [109, с. 61—82; 144, с. 184—186; 327, с. 153; 69,

с. 101; 240, с. 48—53], несмотря на почтенную давность вопроса [254, с. 149, 192]. Примечательно, что эти вещи (единичные или в составе кла-

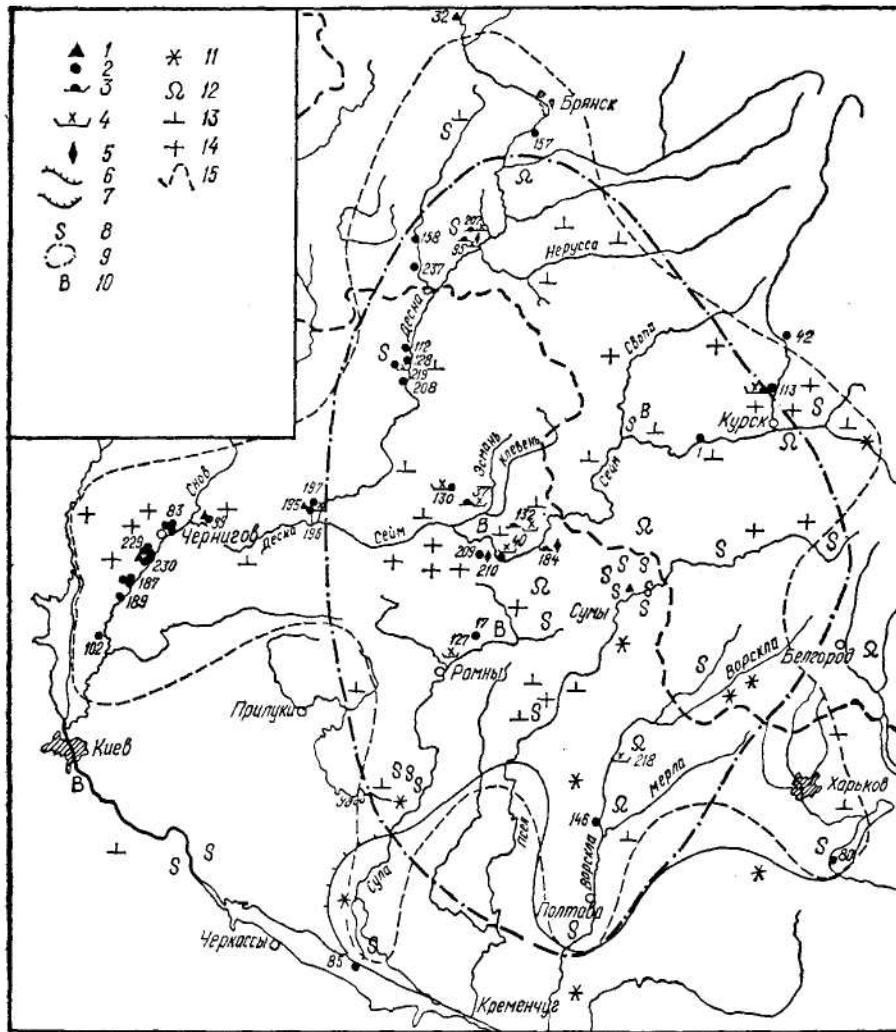
Таблица 5

Культурно-хронологическая характеристика памятников второй половины I тысячелетия н. в. в бассейне реки Ворсклы

№ на карте	Наименование памятника	Городище	Селище	Курганный могильник	Бескурганный могильник	Монетный клад	Вещевой клад	Культурные отложения по периодам			
								V—VII	VII—VIII	VIII—X	X—XIII
9	Ахтырка Сумской обл.	×					×	×		×	×
√10	Ахтырка » »						×	×			
√15	Березовка Полтавской обл.						×	×			
√20	Блажки Полтавской обл.						×	×			
49	Глинск Полтавской обл.	×××								×	×
65	Городное Харьковской обл.	×								×	
86	Журавное Сумской обл.	××	×	×						×	×
92	Каменка Сумской обл.	×								×	
√100	Козьевка Харьковской обл.						×	×			
109	Куземирн Полтавской обл.	×	×							×	×
142	Ницаха Сумской обл.	××	×	×						×	×
√143	Новая Одесса Харьковской обл.						×	×			
146	Опошня Полтавской обл.		×						×	×	
151	Петровское (Кукуевское) Сумской обл.	×	×							×	×
152	Петровское (ныне Заречное) Сумской обл.	×	×	×						×	×
155	Полтава	×	×							×	×
156	Полтава					×	×	×		×	×
170	Решетняки Полтавской обл.	××								×	
171	Решетняки (ур. Городок) Полтавской обл.	×			×					×	
√191	Смородино Белгородской обл.						×	×			
215	Хотмыжск Курской обл.	×	××	×						×	×
218	Хухра Сумской обл.								×		
222	Чернетчина » »	×?								×	

дов) находят среди пойм, на дюнах, в долинах рек, иными словами, их местонахождения расположены именно там и в тех условиях, что и синхронные им поселения. На карте памятников V—VII вв. Левобережной

Украины наглядно видно, что клады и единичные находки украшений с эмалью тяготеют к известным поселениям открытого типа и синхронны им (карта 2). Мы считаем, что данное обстоятельство

Карта 3. Памятники третьей четверти I тысячелетия н. э. и ираноязычный субстрат:

1 — городище; 2 — селище; 3 — курганный могильник; 4 — грунтовой могильник; 5 — вешевой клад; 6 — ареал памятников роменской культуры; 7 — границы Лесостепи; S — северянские височные кольца; 9 — границы северян в XI—XIII вв.; 10 — памятники волянецкого типа; 11 — клады и случайные вещи VI—VII вв.; 12 — биспиральные височные кольца; 13 — мезокраний среднеликий антропологический тип; И — гидронимы иранского происхождения; 15 — границы республик.

говорит в пользу предположения Г. Ф. Корзухиной. Таким образом, древности середины I тысячелетия в виде открытых поселений, грунтовых могильников и кладов, содер-

жащих украшения с эмальями, представлены, пусть и в неравной степени, на всем Днепровском Левобережье. Подобная неравномерность распределения памятников объясня-

ется, видимо, не только различной степенью изученности отдельных районов, но и, вероятно, более густой заселенностью бассейнов Десны, и Сейма в середине тысячелетия.

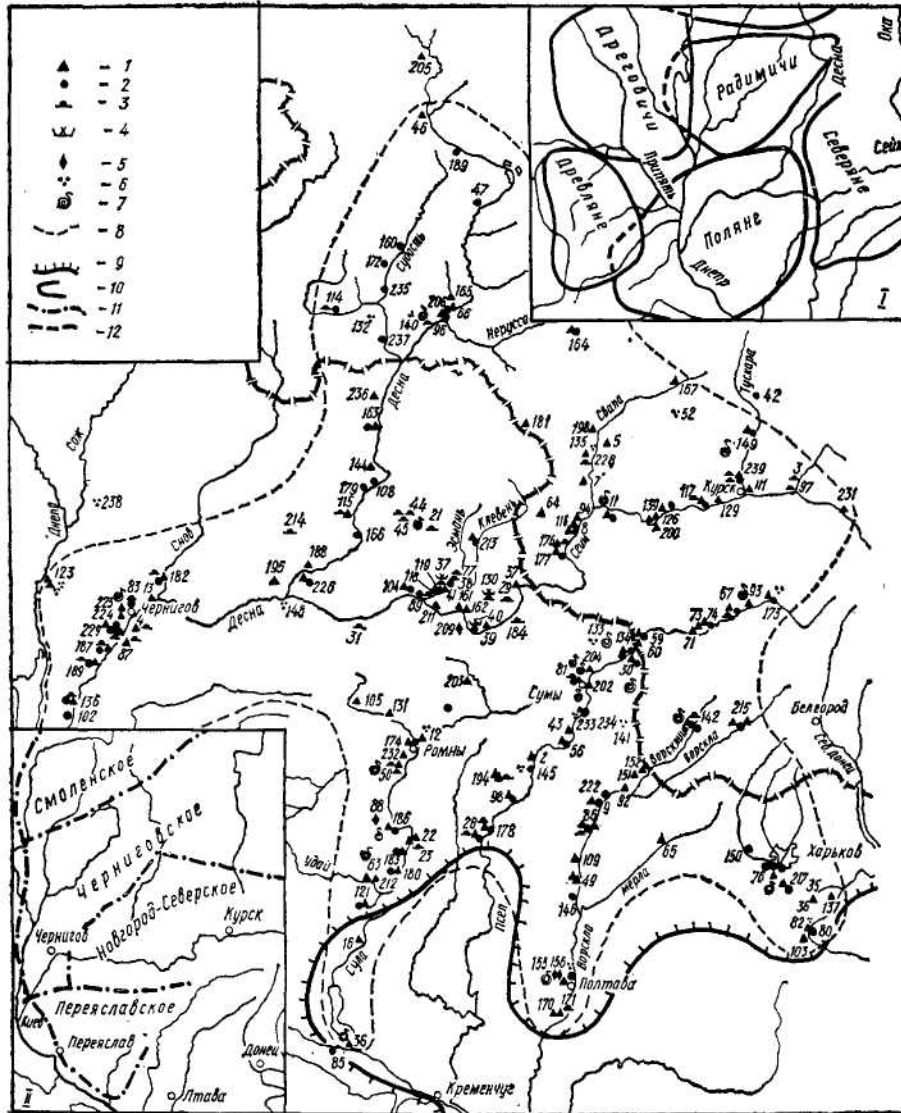
Памятники VII—VIII вв. также многочисленны: около тридцати (карта 3). Они распределяются по бассейнам левых притоков Днепра так же неравномерно, как и памятники-предшественного периода. В большинстве своем названные древности лучше всего представлены в Черниговском Подесенье и Посеймье. Поселения этой группы расположены в тех же топографических условиях, которые свойственны и поселениям предшествующей поры. Таковы поселения у сел Полужье, Кудлаевка, г. Сосницы и другие в бассейне Десны; Авдеево и Волынцево в бассейне Сейма; Задонецкое и Пересечное на Северском Донце и т. д. Наряду с открытыми поселениями в это время появляются и искусственно защищенные, обнаруженные, как в бассейне Десны, так и других рек Левобережья (Владимировское, Шестовицы). Хорошо датированные вещи с этих памятников позволяют предполагать существование жизни на них в VII—VIII вв.

Памятники второй культурно-хронологической группы представлены также на всем Левобережье, однако в бассейнах Десны и Сейма их больше, чем на других притоках Днепра (23 пункта из 30). На лесостепном Левобережье эти памятники распределяются следующим образом: на Суле, Ворскле и Северском Донце по два пункта, на Пеле — один. За исключением Сосницкого и Волынцевского могильников да нескольких трупосожжений в урнах близ сел Малые Будки [153, с. 50—54] и Хухры в поречье р. Ворсклы, других погребальных

памятников мы не знаем. Все указанные могильники бескурганные, хотя это и оспаривалось И. И. Ляпушкиным [146, с. 60—62]. Тем не менее, есть основания предполагать существование погребений VII—VIII вв. в могильниках, считающихся типично роменскими. Таковы, например, некоторые захоронения близ сел Волокитино (урочище Старый Кирпичный Завод), Марьяновки, Сетнова, в которых обнаружены близкие волынцевским формы керамики. Относительно могильников дороменского времени на Десне следует отметить, что в этот период (VII—VIII вв.) наряду с грунтовыми захоронениями появляются погребения под насыпью (Кветунь, Усох). С меньшей уверенностью можно говорить о курганах на грунтовом могильнике вблизи с. Усох, которые не раскапывались. Однако наличие материалов VII—VIII вв. на близлежащем поселении у с. Верхние Городцы и территориальная близость этого могильника к Кветуни, видимо, позволяют предполагать аналогичную картину [184, с. 132—135].

Таким образом, древности VII—VIII вв. имеют, при всей немногочисленности известных памятников, довольно широкое распространение на всей территории Левобережья, будучи представлены как поселениями, так и могильниками.

Памятники роменского типа (VIII—XI вв.) широко представлены на всей территории Днепровского Левобережья, но, как и в предшествующее время, их больше в системе Десна — Сейм, на которые приходится около 90 пунктов (карта 4). Они представлены городищами и курганными могильниками. От памятников середины третьей четверти, I тысячелетия н. э.

Карта 4. Памятники роменской культуры:

I — границы племенных союзов: 1 — городище; 2 — селище; 3 — курганный могильник; 4 — грунтовой могильник; 5, 6 — вещевой и монетный клады; 7 — височные кольца северян; 8 — границы роменской культуры; 9 — границы Лесостепи; 10 — границы племенных союзов; 11 — границы княжеств; 12 — границы союзных республик.
II — границы феодальных княжеств на Левобережье.

они отличаются топографией, занимаемая господствующая над местностью мысовые выступы правых коренных берегов рек и высокие останцы, глубоко вдающиеся в пойму. Исключение составляют так называемые болотные городища, находящиеся на невысоких всхолмлениях пойм, заболоченных низинах, образованных реками или озерами. Они имеют кольцевидную систему укреплений, что дало основание И. И. Ляпушкину отнести их к древнерусским поселениям *. Однако, на наш взгляд, сама топография «болотных» городищ, с одной стороны, и наличие на них укреплений — с другой, скорее говорят в пользу включения этих памятников в число ранних поселений роменского типа, что находит свое подтверждение и в их материалах.

Относительно самостоятельных открытых поселений с материалами роменской культуры следует заметить, что большинство из них также находится в бассейне Десны, количественно уменьшаясь по мере распространения к востоку и юго-востоку. Кстати, в этом же направлении увеличивается и количество «болотных» городищ (одно — в бассейне Десны, два — на Сейме, пять — в Посулье). На Ворскле И. И. Ляпушкин указывает в качестве селищ два пункта: Чернетчину и поселение в г. Полтаве. Если же принять во внимание условия местности, которые не могут быть использованы для возведения укреплений в виде валов и рвов (например, поселение у с. Чернетчина расположено на песчаной дюне в пойме реки), то приходится признавать, что указанные условия исключают

* Например, Гиревка (ныне Шевченко), Грицевка, Большой Самбор, Сенча и др.

сохранность каких-либо оборонительных сооружений.¹ С другой стороны, поселение в г. Полтаве (на Красной площади), по-видимому, также имело укрепления, что вытекает из характера местности (мыс коренного берега); эти укрепления, вероятно, были уничтожены позднейшими застройками [148].

Можно предполагать однотипность поселений роменского типа на очень широкой территории как по топографии, так и по своему характеру.

Для роменской культуры характерны курганные могильники с захоронением останков трупосожженных на стороне в урнах, помещаемых в верхней части насыпи [IV, с. 11]. Такого рода могильники известны на всей территории распространения роменской культуры.

Следует заметить об еще одной категории памятников роменского времени — монетных кладах (табл. 6).

Определяя северную границу роменской культуры в районе Верхнего Подесенья, мы считаем возможным расширить ареал памятников I тысячелетия н. э. к востоку и югу за счет включения таких пунктов, как Задонецкое на р. Северский Донец, а также Воинская Гребля и Жовнин на Суле, имеющие в своих отложениях раннеславянскую керамику. Это обстоятельство дает основания перенести границу роменских памятников приблизительно на 60—70 км к востоку, и на 100—120 км к югу (карта 4) [34, с. 21; 144, с. 217].

Большинство памятников второй половины I тысячелетия н. э. имеют много слоев (табл. 1—7). Приводя стратиграфическую характеристику различных памятников в бассейнах левых притоков Днепра, мы не при-

Таблица 6
*Распределение памятников второй половины I тысячелетия н. в. на территории Днепрового Левобережья**

Река	Культурно-хронологические группы*																								Общее количество			
	V—VII						VII—VIII						VIII—X						X—XIII									
	Городище	Селище	Курганный могильник	Бескурганый могильник	Монетные клады	Вещевые клады	Городище	Селище	Курганный могильник	Бескурганый могильник	Монетные клады	Вещевые клады	Городище	Селище	Курганный могильник	Бескурганый могильник	Монетные клады	Вещевые клады	Городище	Селище	Курганный могильник	Бескурганый могильник	Монетные клады	Вещевые клады				
Десна	23						18						35						27						63			
	2	21	3	2	—	2	5	19	2	7	—	2	22	21	—	12	6	—	20	19	—	7	—	—	—	—	—	—
Сейм	6						7						49						27						52			
	1	3	2	—	—	—	—	3	4	2	—	1	31	15	—	17	3	—	23	11	—	6	—	—	—	—	—	—
Сула	7						2						22						26						31			
	1	2	1	—	—	—	—	1	1	—	—	—	20	4	—	3	1	1	15	11	—	3	—	—	—	—	—	—
Псел	8						1						23						14						30			
	1	6	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	20	14	—	6	3	1	14	11	—	2	—	—	—	—	—	—
Ворскла	6						2						17						7						24			
	—	—	—	—	—	6	1	—	1	—	—	—	14	5	—	4	1	1	7	4	—	2	—	—	—	—	—	—
Северский Донец	1						2						8						3						8			
	—	1	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	5	4	—	—	—	—	3	2	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	5	35	6	3	—	9	7	25	8	9	—	3	112	67	—	42	14	3	82	52	—	20	—	—	—	—	—	—

* В данную таблицу включены лишь те памятники, культурно-хронологическая принадлежность которых не вызывает сомнений.

Таблица 7

Культурно-хронологическая характеристика памятников второй половины I тысячелетия н. э. в бассейне реки Северский Донец

№ на карте	Наименование памятника	Городище	Селище	Курганный могильник	Бескурганный могильник	Монетный клад	Вещевой клад	Культурные отложения по периодам					
								V—VII	VII—VIII	VIII—X	X—XIII		
35	Водяное Харьковской обл.												
76	Донецкое (ст. Карачевка) Харьковской обл.	×	×××								×		
80	Задонецкое Харьковской обл.	×	×								×		
82	г. Змиев Харьковской обл.					×					×		×
103	Коробов Хутор Харьковской обл.	×									×		×
137	Мохнач Харьковской обл.	×									×		
150	Пересечное Харьковской обл.	×	×								×		×
217	Хорошево Харьковской обл.	×	×								×		×

нимали во внимание культурных отложений ранее середины I тысячелетия н. э., поскольку это выходит за хронологические рамки нашей работы. Укажем лишь, что подстилающие слои (субстраты) на памятниках рассматриваемого времени относятся к раннему железному веку: юхновская культура в бассейне Десны и нижнем течении Сейма и культура позднескифского времени на украинском лесостепном Левобережье и Курском Посеймье. На большинстве рассматриваемых па-

мятников жизнь продолжалась и во II тысячелетии н. э., в пользу чего говорит наличие древнерусских слоев на этих поселениях.

Такая стратиграфическая пестрота делает затруднительным выделение памятников, относящихся к определенным культурно-хронологическим группам, что усугубляется недостаточностью археологических исследований на Днепровском Левобережье вообще и памятников I тысячелетия н. э. в частности.

Глава II

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

Еще сравнительно недавно, говоря о славянских древностях второй половины I тысячелетия н. э. на территории Левобережного Поднепровья, имели в виду исключительно памятники роменского типа, то есть времени конца тысячелетия. Раннесредневековых памятников, типологически им предшествующих, долгое время не удавалось обнаружить, что способствовало утверждению гипотезы об отсутствии славянского населения и оседлой жизни вообще на Левобережном Поднепровье вплоть до момента образования древнерусского государства. Согласно такой точке зрения, между древностями зарубинецкой культуры и достоверно славянскими памятниками роменского типа имеется разрыв в несколько столетий. Неоднократно предпринимались попытки заполнить эту культурно-хронологическую лауну. Так, в 30-х годах была выдвинута гипотеза о более ранней хронологии роменской культуры, которая связывалась при этом с античными древностями. В 50-х годах отмечается попытка возродить мысль В. В. Хвойки о преемственности между зарубинецкой и черняховской культурами. При этом последняя рассматривалась в качестве основного источника культуры древнерусского государства [162, с. 231—

250; 215, с. 337; 221, с. 92 и ел.; 276, с. 107—110, 146—185]. И в том и в другом случае скудность археологических материалов приводила к умозрительности выводов. В силу этого все попытки устранить хиатус между роменской культурой и памятниками первой половины тысячелетия следует признать неудачными.

Последние изыскания на территории Днепровского Левобережья показали ошибочность точки зрения тех исследователей, которые утверждали полное отсутствие славянских древностей до VIII в. н. э. на Левобережье.

Древности середины I тысячелетия н. э.

Топография поселений. Исследователи деснинских селищ середины и начала второй половины I тысячелетия отмечают их расположение на сниженных участках надпойменных террас и на слегка возвышающихся площадках или задернованных дюнах в пойменных долинах рек. В таких условиях обнаружены позднезарубинецкие (по терминологии П. Н. Третьякова) [282, с. 63, ел.; 283, с. 225] или почепские (по А. К. Амброзу) [7, с. 56, ел.] открытые поселения в Верхнем Подесенье.

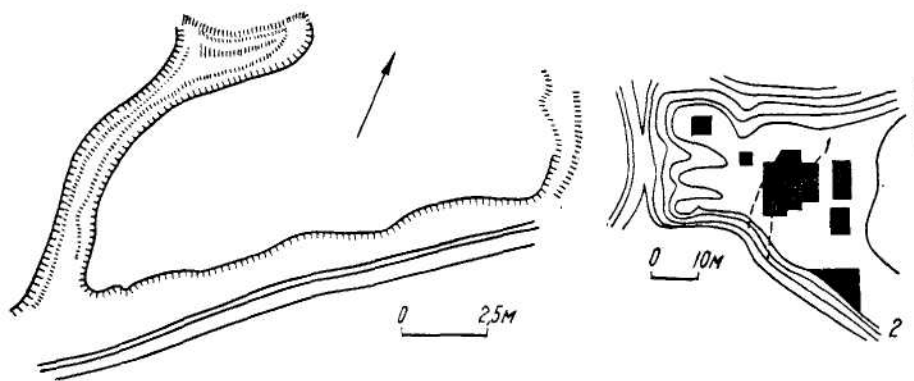

Рис. 1. Планы раннесредневековых поселений:
1 — Макча; 2 — Форостовтши.

Примером может служить селище в урочище Макча [182, с. 208, сл.] (рис. 1, 1). Аналогичные по топографии поселения выявлены близ сел Посудичи [283, с. 269] и Жуковка [92, с. 188], в низовьях Десны [271, с. 87 и сл.], а также на поселениях в бассейнах Псла и Сейма. Указанное топографическое расположение раннесредневековых памятников, датируемых серединой тысячелетия, наряду с неукрепленным характером поселений, считается характерной чертой этого рода древностей.

Жилища. Другой характерной чертой раннеславянских поселений рассматриваемого времени являются прямоугольные в плане углубленные в землю жилища-полуземлянки. Подобные жилые сооружения выявлены при исследованиях большинства памятников данной культурно-хронологической группы.

Размеры жилищ колеблются в пределах от 12 до 16—20 м, при глубине 0,5—0,7 м от поверхности в зависимости от залегания материкового грунта, служившего полом. Вдоль стен полуземлянок прослежены ямки от столбов, а в отдель-

ных жилищах обнаружены остатки плетня, обмазанного глиной (Смольянь). Обычно жилища на поселениях были ориентированы по сторонам света (рис. 2).

В каждом из жилищ, в одном из углов или в центре, находился очаг, представлявший собой ровную, часто овальной формы площадку, обожженную до глубины 0,1—0,15 м. Иногда под такого очага выстилался обломками сосудов (Смольянь, Авдеева) [10, с. 68, сл.].

Аналогичные жилища-полуземлянки выявлены и в других пунктах Подесенья (Макча, Целиков Бугор) [66, с. 58; 67, с. 62] (рис. 2, 2—4).

Хозяйственные сооружения. К числу хозяйственных сооружений на поселениях раннего средневековья относятся располагавшиеся близ жилищ хозяйственные ямы, круглые в плане и колоколовидные или грушевидные в разрезе, глубиной 0,5—0,9 м. Такие ямы, по мнению П. Н. Третьякова, составляют характерную черту раннеславянских поселений [284, с. 67, сл.] и в большом количестве встречаются на селищах этого времени. Так, на поселении близ с. Вишенки было об-

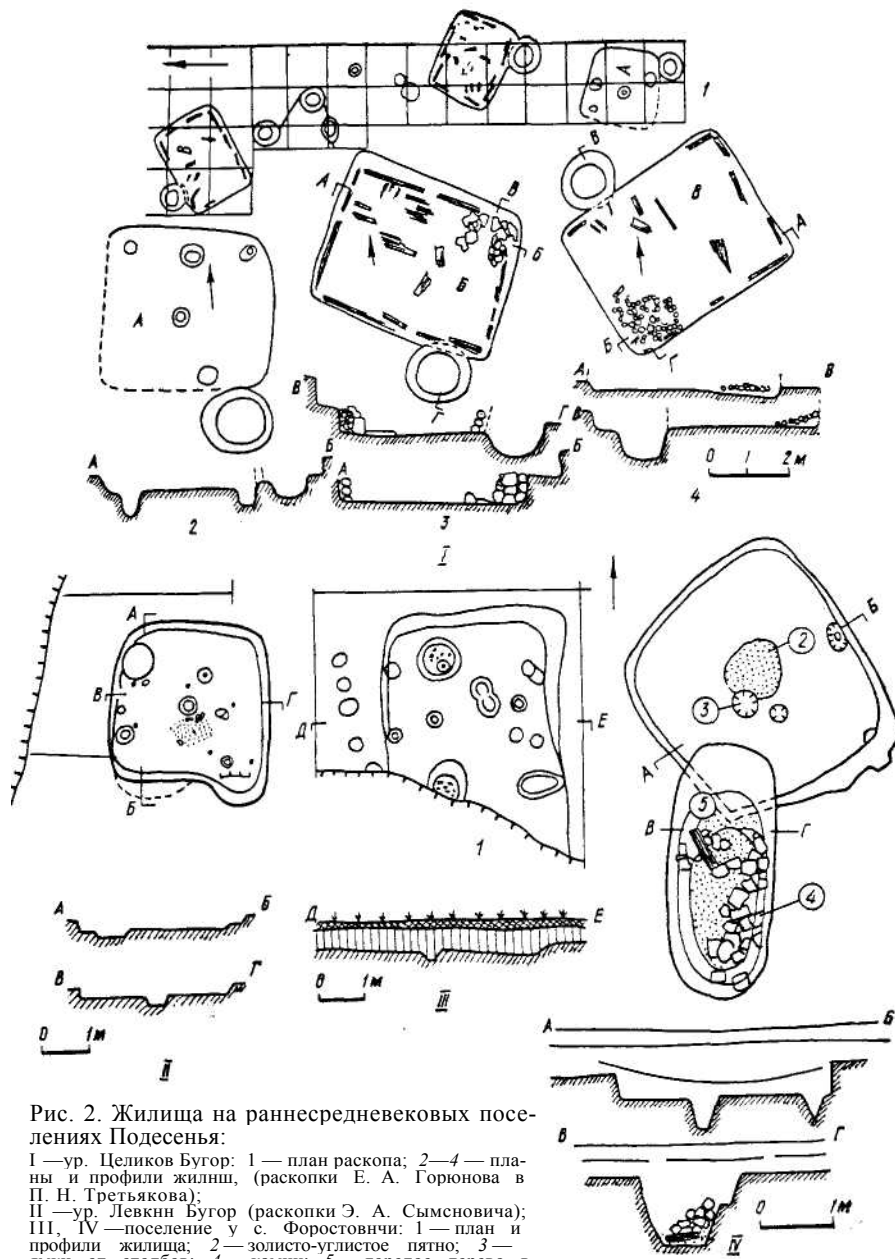
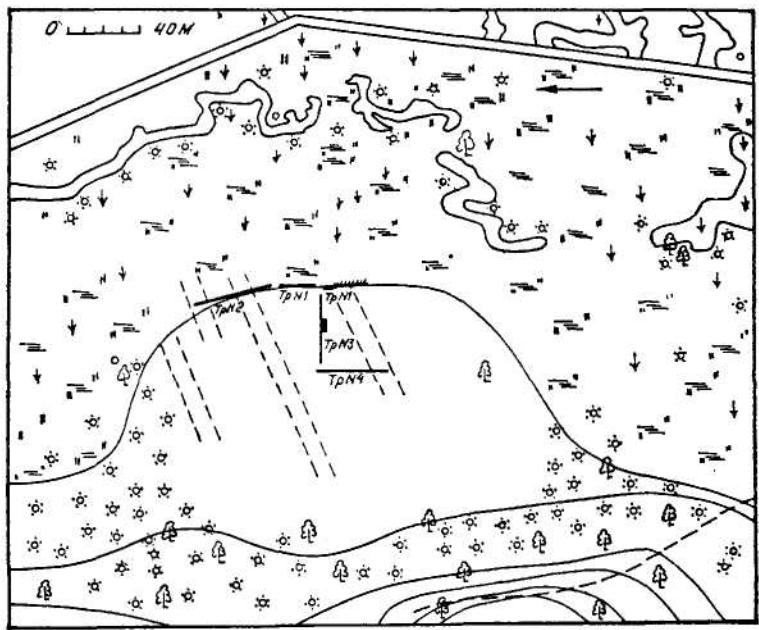
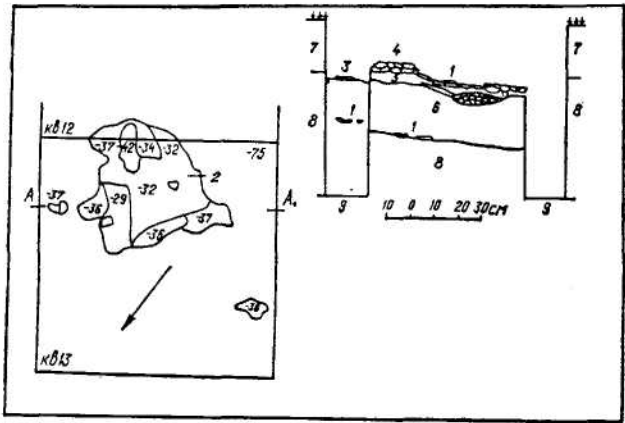

Рис. 2. Жилища на раннесредневековых поселениях Подесенья:
 I — ур. Целиков Бугор: 1 — план раскопа; 2—4 — планы и профили жилищ, (раскопки Е. А. Горюнова в П. Н. Третьякова);
 II — ур. Левкын Бугор (раскопки Э. А. Сымновича);
 III, IV — поселение у с. Форостовнычи: 1 — план и профили жилища; 2 — золисто-углистое пятно; 3 — ямки от столбов; 4 — камни; 5 — горелое дерево в хозяйственном сооружении.

I

II

Рис. 3. Раннесредневековое поселение в ур. Вишневом у с. Курган Азак Сумской области:
 I — ситуационный план поселения; II — план и профиль очага в траншее N1 (раскопки автора 1968 г.). 1 — обломки керамики; 2 — площадка обожженной глины; 3 — обломок глиняной лепешки; 4 — комья светлой глины; 5 — зола; 6 — чернозем с золой; 7 — «дерновой» слой; 8 — культурный слой; 9 — матрак.

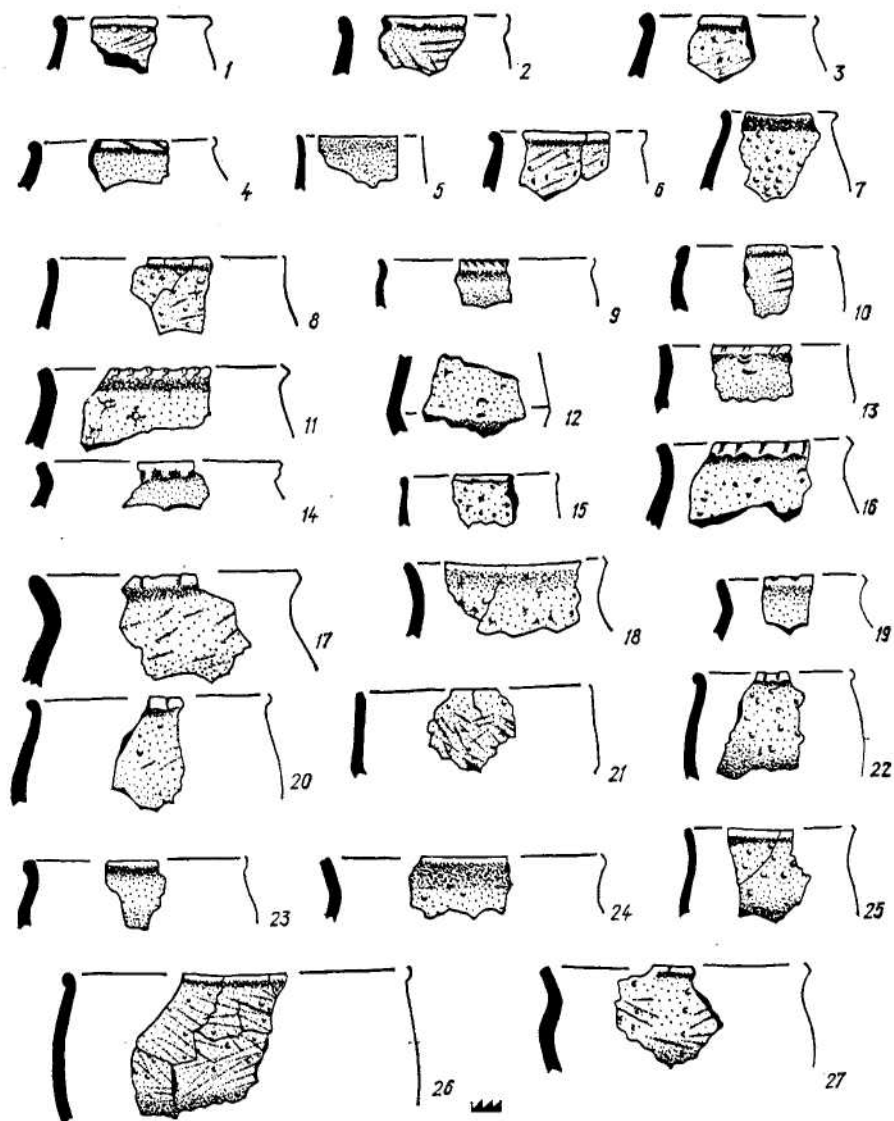

Рис. 4 Образцы грубой лепной керамики из раскопок поселения у с. Курган Азак (1-27).

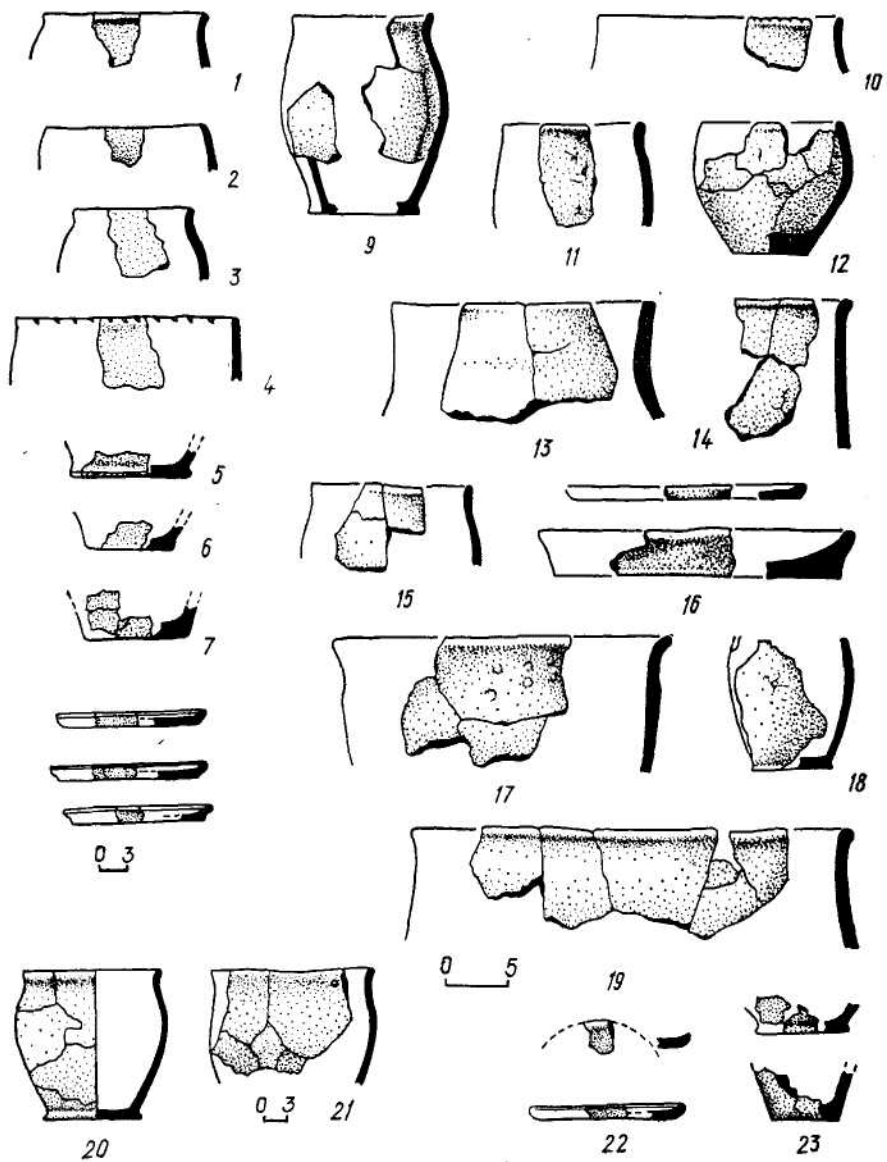

Рис. 5. Образцы посуды с раннесредневековых поселений Подсенья:
 1—8 — Форостовичи; 9—19 — Целиков Бугор; 20—23 — Левкин Бугор (По материалам
 Е. А. Горюнова, П. Н. Третьякова, Э. А. Симоновича).

наружено 15 таких сооружений [286]. Известны они и на других поселениях бассейна Десны.

Жилые и хозяйственные сооружения наряду с местоположением поселений, оставленных населением Подесенья середины тысячелетия, обнаруживают близкое сходство с памятниками славян VI—VII вв. бассейна Среднего Днепра (Пеньковка, урочище Молочарня) [32, с. 142, ел.], равно как и других районов Украины.

Поселение близ с. Курган Азак. Для характеристики памятников середины тысячелетия на территории лесостепного украинского Левобережья необходимо рассмотреть материалы поселения близ с. Курган Азак Лебединского района Сумской области.

Находящееся в урочище Вишневом на правом берегу Пела открытое поселение впервые было обследовано В. А. Ильинской в 1966 г. Позднее нами были проведены небольшие раскопки [261, с. 229, рис. 1] (рис. 3). Заложенные на его площадке траншеи и шурфы общей площадью около 300 м² выявили нарушение культурного слоя, явившееся результатом современных земляных работ (окопы периода Великой Отечественной войны, ирригационные каналы и т. п.).

Культурный слой селища в некоторых местах достигает мощности 0,6—1,0 м. Нарушение стратиграфии проявляется в смешанности разновременных керамических остатков, среди которых имеются обломки посуды эпохи бронзы, раннего железного века и раннеславянского времени. Основными керамическими комплексами являются позднескифский и раннеславянский, при явном преобладании последнего (рис. 4, 1—27). Керамика скифского време-

ни представлена обычными горшкообразными сосудами, орнаментированными по венчику пальцевыми защипами или насечкой по обрезу и сквозными проколами ниже него.

Раннеславянский комплекс состоит из двух групп сосудов, первую из которых составляют округлобокие или цилиндрические крупные горшки с грубой, бугристой из-за примесей шамота поверхностью рыжеватого цвета с серыми пятнами от неравномерного обжига. Широкая горловина таких сосудов (диаметр 0,2—0,35 м), переходящая в едва намечающуюся шейку и расширяющееся тулово, резко контрастирует с узким дном. Верхняя часть этих сосудов обычно имеет цилиндрическую или скошенную вовнутрь форму; ее диаметр меньше диаметра средней части тулова, который в два — два с поло-

Рис. 6. Керамика с поселения в ур. Макча: 1—5 — фрагменты раннесредневековой посуды; 6 — горшок VI—VII вв. (раскопки В. А. Падши).

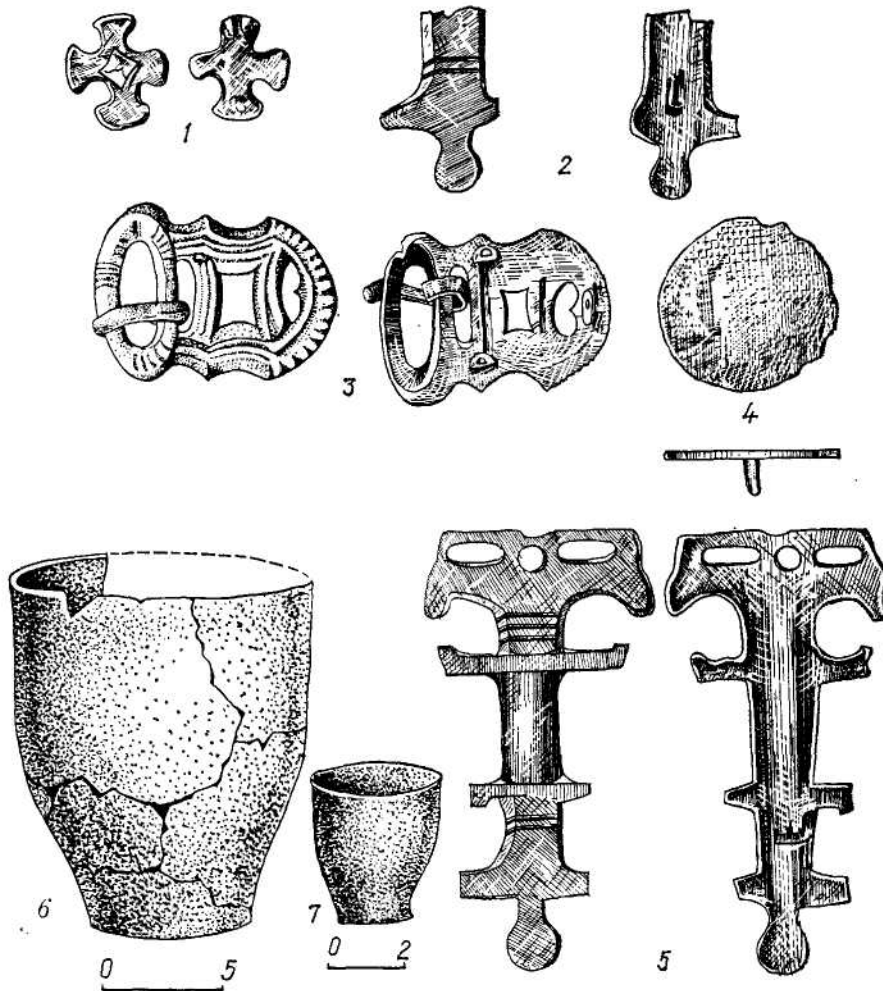

Рис. 7. Вещи из могильника у с. Кветунь (1—7).

виной раза больше диаметра днища (рис. 4, 1, 5, 8, 10, 13, 26). Край венчика всегда утолщен и горизонтально срезан. В некоторых случаях край венчика орнаментирован пальцевоногтевыми защипами или редкой кривой насечкой (рис. 4, 11, 17, 20, 22). Эта группа сосудов имеет аналогии в керамике поселений у с. Большие Будки [102, рис. 2 (1—3)] и урочища Целиков Бугор

(рис. 5, 10), урочища Макча (рис. 6, 1—5), а также Кветунского могильника (рис. 7, 6). Днища сосудов этой группы в большинстве случаев имеют характерный прилив — закраину (рис. 8, 3, 4, 5, 7, 10—11). На отдельных экземплярах отчетливо видны следы обработки каким-то острым предметом (рис. 8, 10). Говоря об аналогиях этой группе сосудов, следует указать на

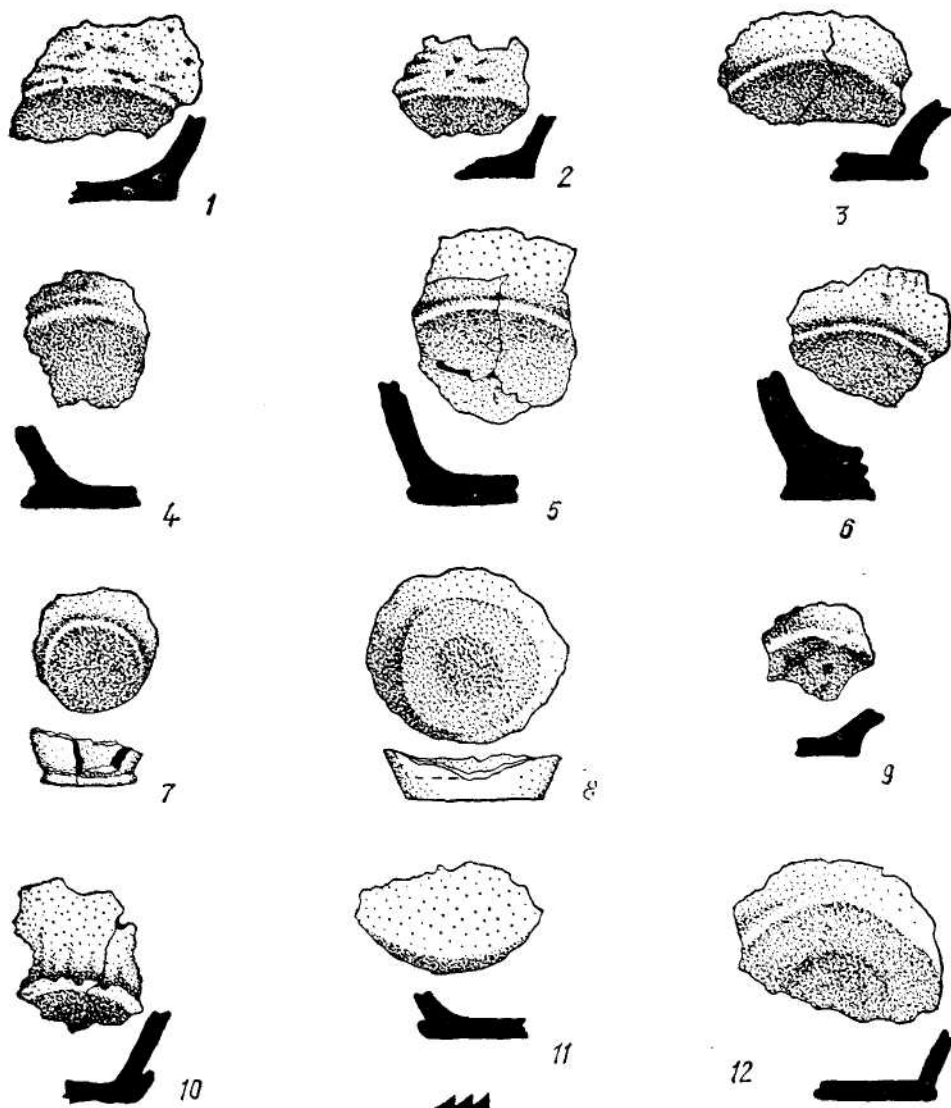

Рис. 8. Обломки дниц сосудов с раннесредневекового поселения у с. Курган Азак (1-12).

экспонированный в Конотопском краеведческом музее горшок с широкой цилиндрической верхней частью (диаметр 24 см; высота сохранившейся части 16 см), изготовленный из глины с большим содержа-

нием шамота в тесте. Поверхность сосуда бугриста, имеет темно-серый с бурыми пятнами цвет снаружи, в изломе и изнутри — черный. Нижняя часть его обломана таким образом, что излом проходит чуть ниже

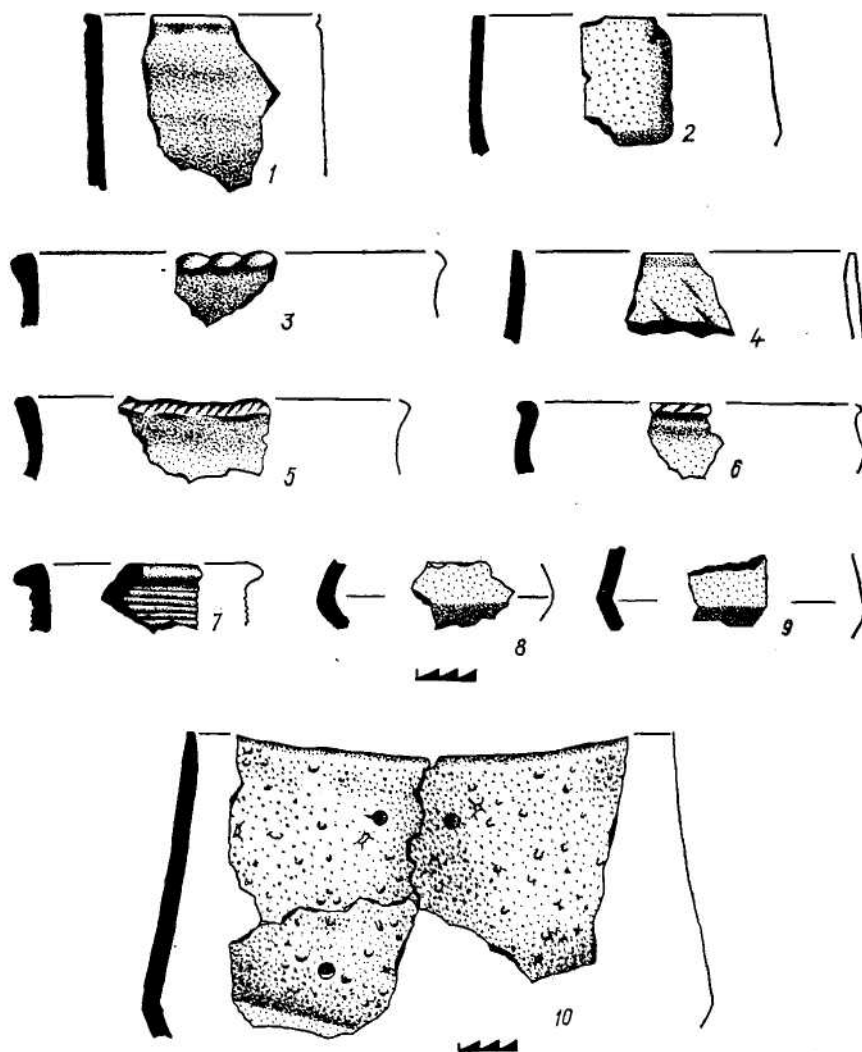

Рис. 9. Фрагменты лепных сосудов с лощеной и заглаженной поверхностью из раскопок поселения у с. Курган Азак (1—10).

мягко выраженного ребра *. Судя по форме и составу теста, аналогичным керамике поселения Курган Азак, можно говорить о его принад-

лежности к раннеславянскому керамическому комплексу.

Другую группу керамики раннеславянского времени составляют горшки почти тех же форм, но с другой фактурой. Различие в форме состоит в том, что большинство

* Конотопский краеведческий музей, инв. № 1316/402.

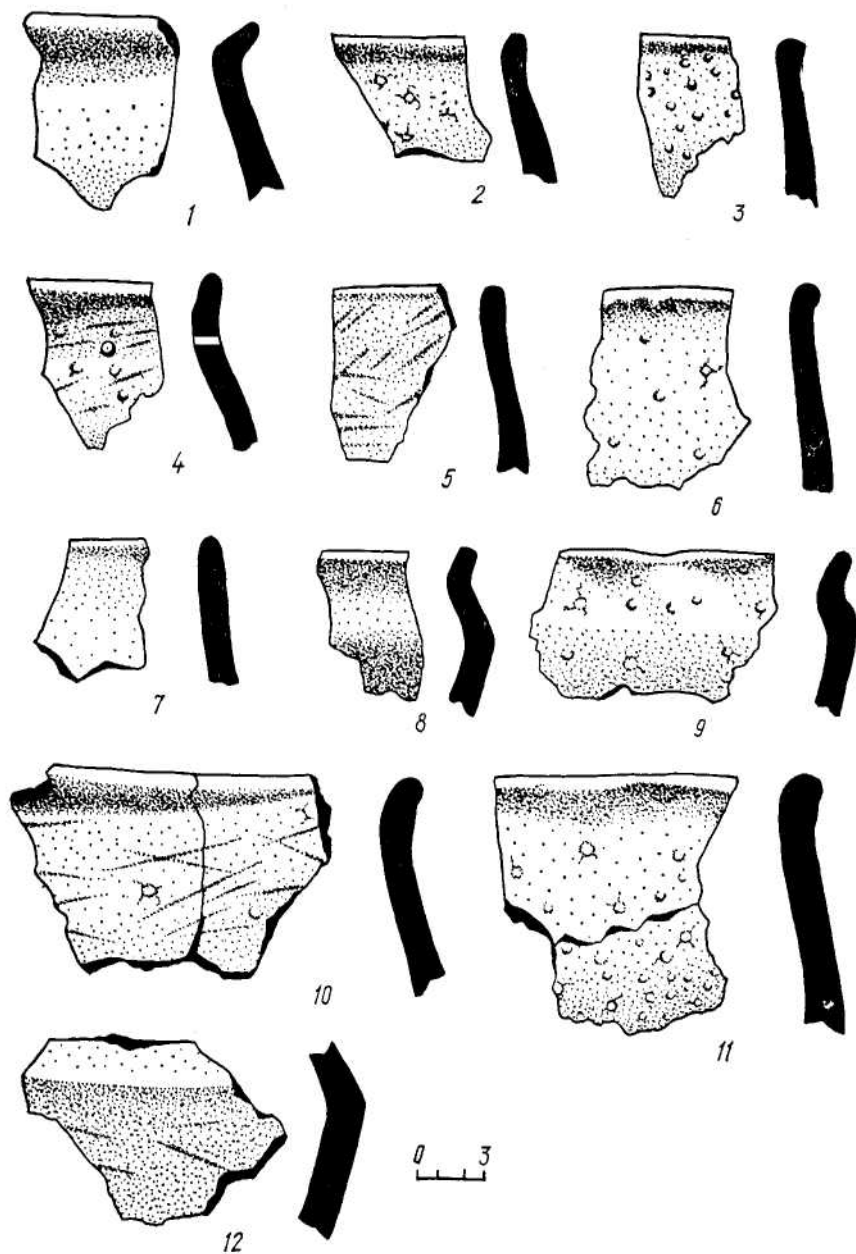

Рис. 10. Обломки раннесредневековой посуды из раскопок поселения у с. Волынцево (раскопки Д. Т. Березовца 1948—1950, 1965—1966 гг.) (1—12).

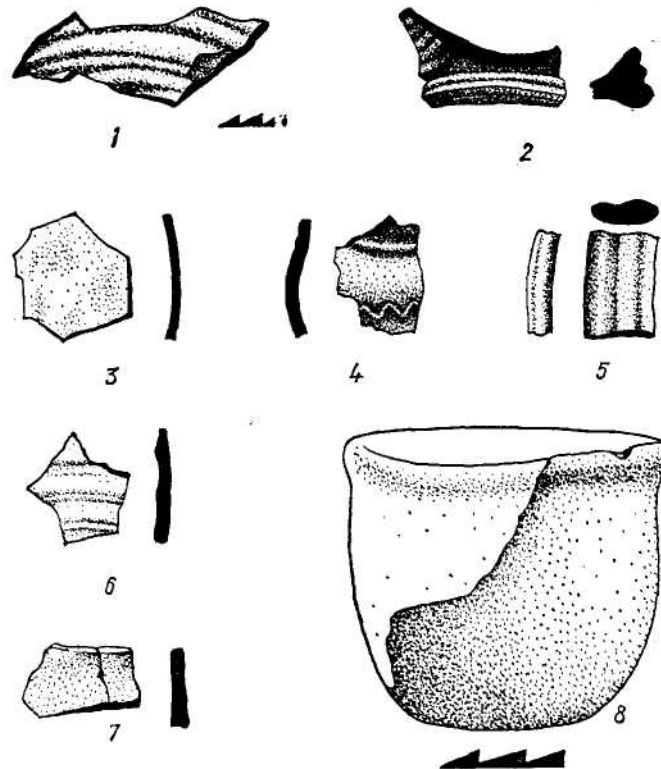

Рис. 11. Обломки гончарной (1—6) и чернолощеной керамики (7, 8) из раскопок поселения у с. Курган Азак.

сосудов этой группы и имеет более выраженный перелом корпуса, хотя ребро у них и бывает сглаженным, биконичность таких горшков заметна более отчетливо (рис. 9, 2, 4, 8, 9, 10; 10, 5—7, 11). Тесто приготовлено тщательнее; поверхность их, имеющая серовато-бурый цвет, заглажена, а иногда носит следы лощения. Форма и приемы обработки поверхности сосудов этой группы роднят их с опубликованным Д. Я. Самоквасовым горшком из Волокитинского могильника, находящегося в урочище Старый Кирпичный завод [236, с. 75 и ел.]. Следует упомянуть также и опубликованный Н. Е. Макаренко в 1907 г.

один из сосудов, происходящий из могильника близ с. Малые Будки, который можно считать ближайшей аналогией горшкам вышеописанной группы с селища Курган Азак [153, с. 50]. Близки им по форме и сосуды из могильника с трупосожжениями, обнаруженного около с. Артюховка (бассейн Сулы) и поселения в урочище Макча в окрестностях Трубчевска (рис. 6, 1—5), а также керамика нижних слоев поселения у с. Волынцева.

По-видимому, к этой же группе следует относить и единичные фрагменты чернолощеной посуды тщательной выделки (рис. 9, 1, 2, 4), по форме и фактуре находящей

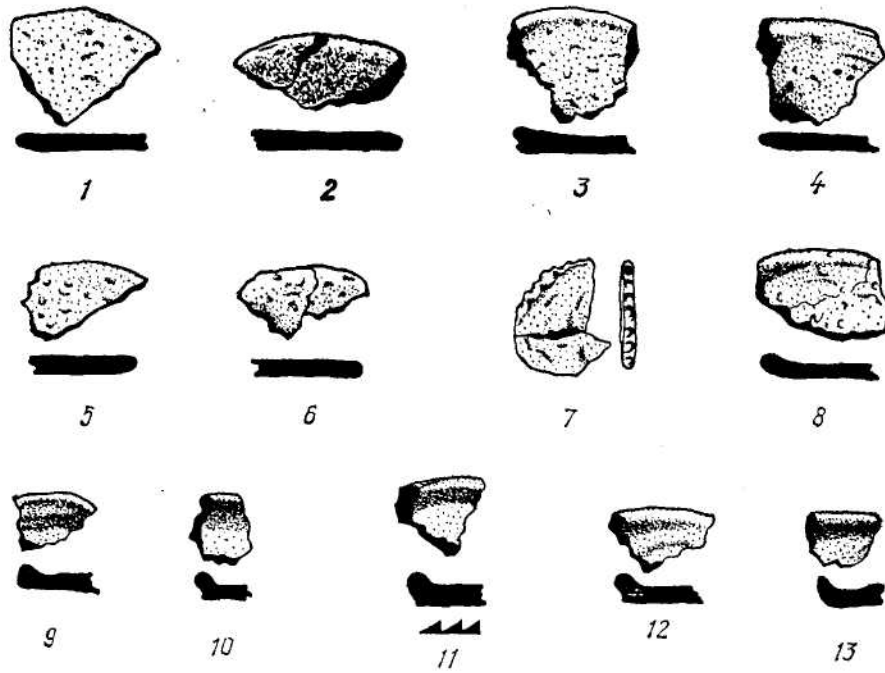

Рис. 12. Диски-«лепешечницы» и сковородки из раскопок поселения у с. Курган Азак (1—13).

аналогии среди керамического комплекса зарубинецких и позднезарубинецких памятников Подесенья и Верхнего Поднепровья.

Необходимо также упомянуть отдельные обломки гончарной посуды черняховского типа (рис. 11, 1, 2, 6).

Из других категорий посуды особый интерес представляют сковородки (рис. 12, 8—13), характерной деталью и отличием которых от аналогичных изделий более позднего времени является очень низкий бортик. На некоторых экземплярах этот бортик едва намечается (рис. 12, 8—9; рис. 13, 26—27), составляя отличие от обычных плоских глиняных дисков-лепешечниц (рис. 12, 1—6). Аналогии этой категории посуды мы находим на

раннесредневековых селищах бассейна Десны.

Среди керамических изделий обнаружены пряслица округленно-биконической формы, одно из которых было найдено при расчистке очага совместно с вышеописанной керамикой, два миниатюрных сосуда (высота до 5 см) и глиняная льячка. В качестве единичных находок выявлены железный серп (II тип по Ю. А. Краснову) [112, с. 18—19] (рис. 14), железный нож с расплюснутым обушком, значительное количество железных шлаков, половина железной крицы, проколки и ложила из костей животных (рис. 15, 1—9), обломки зернотерок, точильные камни (рис. 15, 14—16) и поделки из камня в виде полусферы (рис. 15, 10—13).

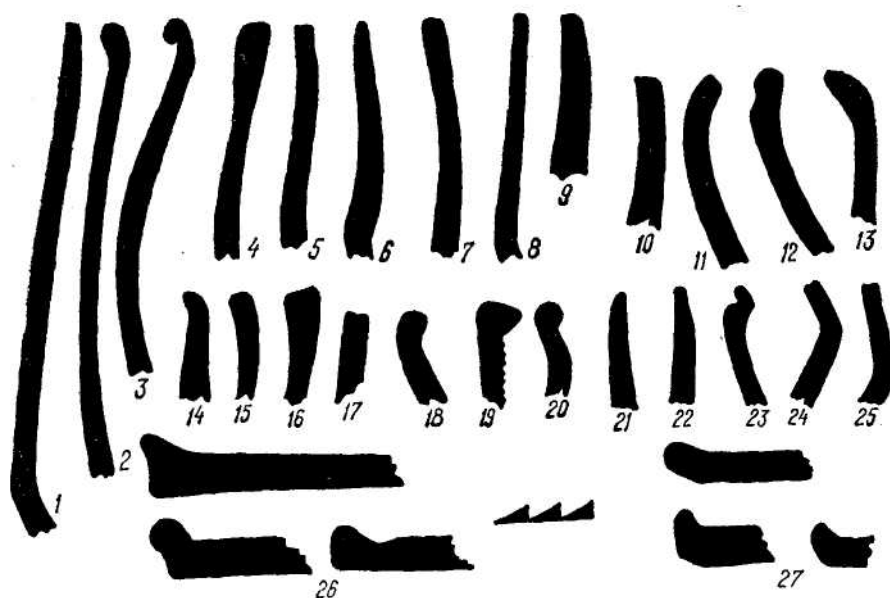

Рис. 13. Профили раннесредневековых сосудов с поселения у с. Курган Азак (1-12).

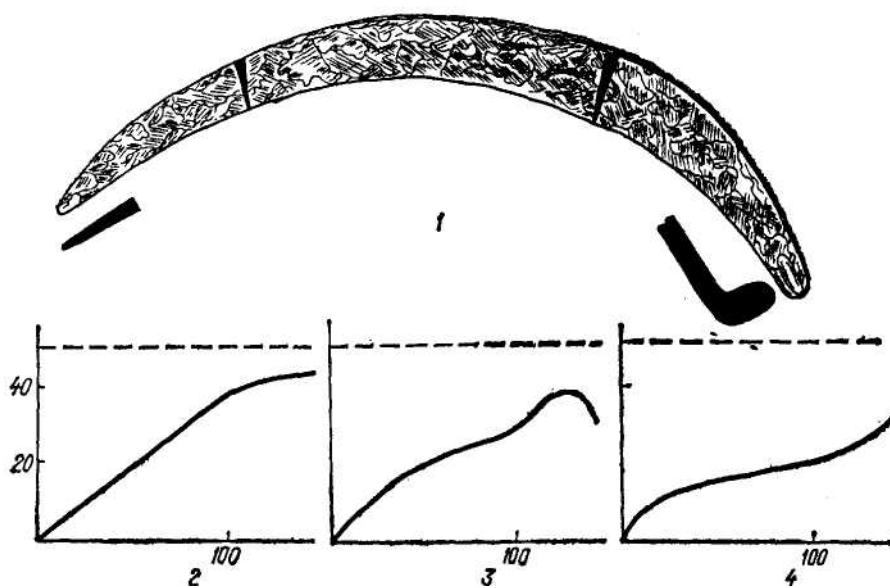

Рис. 14. Железный серп из верхних слоев поселения у с. Курган Азак (1) 2—4 — графики углов резания серпа.

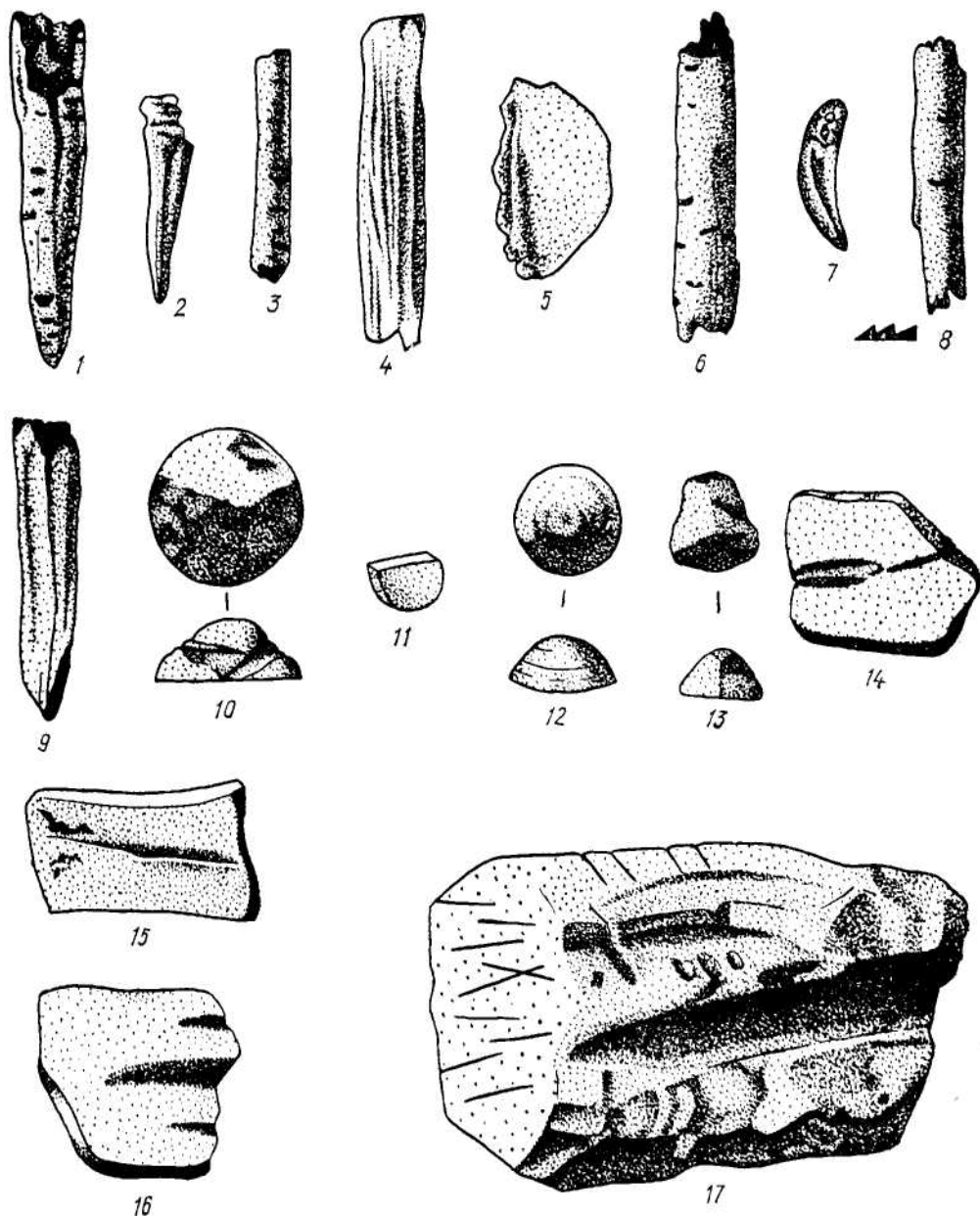

Рис. 15. Костяные поделки (1—9) и каменные изделия. (10—17) из раскопок поселения у с. Курган Азак.

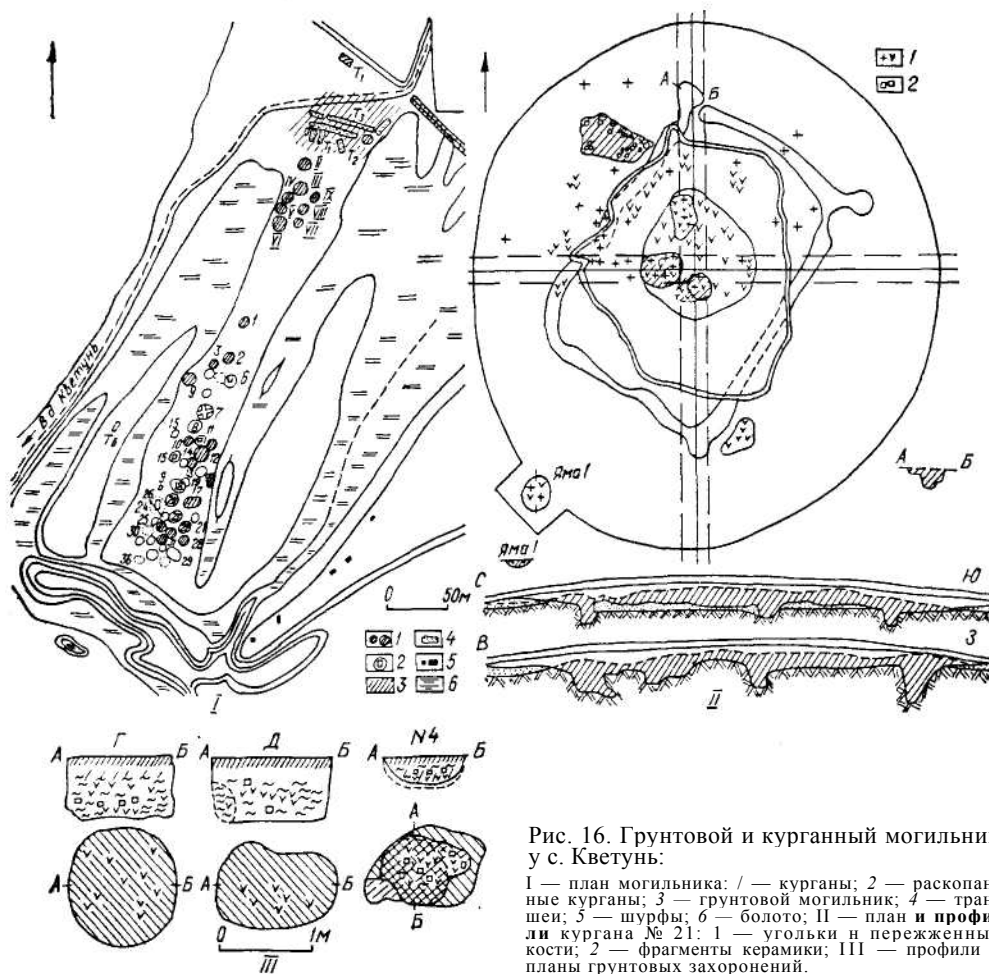

Рис. 16. Грунтовой и курганный могильник у с. Кветуль:

I — план могильника: 1 — курганы; 2 — раскопанные курганы; 3 — грунтовой могильник; 4 — траншеи; 5 — шурфы; 6 — болото; II — план и профили кургана № 21: 1 — угольки и пережженные кости; 2 — фрагменты керамики; III — профили и планы грунтовых захоронений.

При раскопках северо-восточной части поселения в траншеях были выявлены три очага, причем близ одного из них находился развал стены (?) углубленного в землю на 0,6—0,8 м сооружения. Этот развал представлял собой скопление золы, комьев обожженной глины, обломков песчаника. Общая длина развала имеет 2,5 м, при наибольшей ширине 0,5—0,75 м. Выяснить характер и назначение сооружения не уда-

лось из-за упомянутых перекопов. Тем не менее наличие близ развала очага, представлявшего собой площадку пережженной глины (длина 0,7, ширина 0,5 при толщине 0,15 ж), дает основание предполагать, что эти конструктивные остатки могли принадлежать жилищу (рис. 3, 2). В пользу этого предположения говорит и скопление костей животных вдоль развала и около очага. Более определенно судить о назначении

данных строительных остатков не представляется возможным.

Могильники. Наряду с поселениями этого времени, в бассейнах основных левых притоков Днепра обнаружены и могильники середины — третьей четверти рассматриваемого тысячелетия. Один из таких могильников исследовался Л. В. Артишевской у деревни Кветунь Трубчевского района Брянской области (рис. 16). Это бескурганый могильник, расположенный на невысоких всхолмлениях в пойме Десны, содержал погребения по обряду трупосожжения. Остатки кремированных иногда помещались в горшкообразные урны цилиндроконических или тюльпановидных форм (рис. 16, III). С юга к нему примыкал курганный могильник, состоящий из полусотни насыпей, содержащих погребения трупосожжений (рис. 16, I—II). И в том и в другом могильнике была обнаружена одинаковая лепная посуда биконических или банковидных форм. Кроме керамики, в погребениях были найдены сильно пострадавшие от огня бусы, бронзовые украшения. Среди них особо следует отметить находки с эмалью, а также бронзовые фибулы середины тысячелетия [22, с. 85 и ел.; 283, с. 256 и ел.] (рис. 4, /—5).

Близкую аналогию Кветунскому составляет грунтовой могильник около деревни Усох, в районе города Трубчевска. Могильник расположен на очень пологом склоне правого берега Десны, в сходных с местоположением Кветунского топографических условиях. Здесь В. А. Падин раскопал около 20 захоронений по обряду кремации. Останки трупосожжения вместе с угольками и золой от погребального костра ссыпались в неглубокие, округлые в плане, ямки. Несколько погребений со-

держали захоронения в лепных урнах банковидных форм. Среди сопроводительного инвентаря обнаружены вещи, позволяющие указанный могильник относить к рассматриваемой хронологической группе [184, рис. 2; 4].

Почти полную аналогию вышеописанным могильникам составляют раскопанные Е. А. Горюновым погребения в урочище Целиков Бугор неподалеку от г. Новгород-Северского, содержащие грунтовые захоронения по обряду кремации [71, с. 119 и сл.].

Итак, господствующей формой погребального обряда для памятников первой культурно-хронологической группы следует признать трупосожжение с последующим погребением останков в грунтовых могильниках в урнах или неглубоких ямках (131, рис. 1, 3, 4; 184, рис. 1; 282, с. 63 и ел.). Это наблюдение, по-видимому, справедливо и по отношению к районам собственно Левобережной Украины, где такие погребальные традиции продолжают свое существование в более поздних памятниках волынцевского типа [34, с. 6, 9].

Керамика. На поселениях и могильниках бассейна Средней Десны (Смольянь, Макча, Кветунь, Целиков Бугор, Посудичи) основными группами керамики являются грубые толстостенные горшки биконической или тюльпановидной формы, а также миски. Горшки первой группы имеют узкое дно, расширенное тулово, цилиндрическую верхнюю часть со слабо профилированным горлом (рис. 5, 14; 6, б; 7, б, 7); обычно неорнаментированы, хотя встречаются единичные экземпляры, украшенные насечкой по венчику (рис. 5, 4, 10). Высота таких сосудов колеблется в пределах

20—45 см, диаметр горловины 20—40 см, средняя часть всегда шире диаметра по венчику [283, с. 262; ср. 266, с. 236].

Несколько отличаются от средне-деснинской керамики основные формы сосудов Новгород-Северского района, из которых первый тип представлен высокими овальнобиконическими горшками с неровной бугристой поверхностью бурого цвета. Диаметр горла таких сосудов составляет 15—20 см, наиболее широкая часть приходится на половину высоты, дно — непропорционально узкое. Венчики их прямые или чуть отогнутые, края закруглены или горизонтально срезаны, изредка орнаментированы защипами или косой насечкой. Второй тип представлен небольшими горшками с отогнутыми венчиками и выпуклой верхней частью (рис. 5, 9, 20; 6, 3).

Повсеместно в Подесенье в керамическом комплексе имеются миски двух форм: реберчатые биконические и реберчатые, но с расширенной почти цилиндрической верхней частью. Миски изготавливались из глины с более тонкими примесями; некоторые экземпляры имеют заглаженную, редко — лощеную поверхность. Диаметр их верхней части 20—25 см, при высоте 15—18 см.

Особую группу посуды составляют сковородки с невысоким бортиком, имеющие диаметр 18—24 см (рис. 5, 8, 16, 22). По мнению П. Н. Третьякова, они свойственны лишь керамическим комплексам памятников Подесенья [283, с. 264]. Тем не менее они встречаются среди керамики охарактеризованного выше поселения у села Курган Азак в бассейне р. Псел.

Названные памятники бассейнов Десны и Пела сближает также наличие в керамическом материале

глиняных дисков-лепешечниц, служивших, по-видимому, и крышками для горшков.

Датировка. Основанием для датировки рассмотренных выше памятников Левобережной Украины и поречья Десны служат, помимо общих соображений относительно их характера и топографии, находимые на некоторых поселениях и могильниках вещи и украшения, датируемые V—VII вв. На Кветунском могильнике в одном из погребений была найдена щитковая фибула с перекладиной и крестообразная бляшка с красноэмалевым заполнением. В грунтовых погребениях трупопожжений этого могильника найдены целая и фрагментированная перекладчатые фибулы, оплавленные стеклянные и пастовые бусы, красноэмалевая четырехугольная бляшка и другие предметы (рис. 7, 1—5), датированные V—VI вв. н. э. [22, с. 93]. В 1963 г. в окрестностях могильника была обнаружена арбалетовидная фибула с подвязной ножкой, относящаяся к середине тысячелетия [283, с. 256 и ел.]. Подобная фибула обнаружена в Жуковке [7, с. 63 и ел.], обломок предмета, аналогичного бляшкам Кветунского могильника, найден в Посудинах [282, с. 69].

Все перечисленные памятники датируются серединой I тысячелетия н. э. как на основании вещей [78, с. 147 и ел.], так и архаичной керамики цилиндрических или биконических форм [282; с. 60]. Керамика реберчатых форм выявлена в ряде погребений Кветунского могильника и могильника близ деревни Усох. Вероятно, это обстоятельство дает основание датировать эти памятники серединой I тысячелетия. Вместе с тем наличие сосудов второй группы (округлобоких горшков

со слегка отогнутым венчиком без заглаживания) наряду с находками вещей, бытующих в V—VII вв., может указывать на датировку этим временем некоторых погребений Кветунского и Усохского могильников, а также некоторых поселений среднего и нижнего Подесенья. Так, Е. А. Горюновым на поселении в урочище Целиков Бугор раскопано две полуземлянки с аналогичной керамикой, на основании которой автор датирует их V—VII вв.

В керамическом комплексе таких поселений, как Макча и Левкин Бугор, почти не представлены сосуды реберчатых форм; преобладающими являются горшки второй группы, что, по мнению П. Н. Третьякова, свидетельствует о более позднем существовании этих памятников [282, с. 71, 73]. Уместно вспомнить также, что в одном из курганов Кветунского могильника была найдена фигурная бронзовая бляшка сложной схемы (рис. 7, 3), датируемая V—VII вв. [22, с. 89 и сл.; 78, рис. 1, с. 124; 283, с. 257]. Во время раскопок могильника близ деревни Усох В. А. Падин нашел обломок бронзового браслета с утолщенными несомкнутыми концами и трехлопастный наконечник стрелы аварского типа [184, рис. 2]. Время бытования этих вещей — VI—VII вв. [327], что дает основание для определения верхней границы существования памятников данной культурно-хронологической группы VII в.

Таким образом, хронологические рамки древностей этого периода, установленные на основании совокупности всех характерных черт и вещевых находок, определяются V—VII вв. Поселения бассейна Псла, аналогичные по своему характеру и местоположению, датируются этим же временем на основа-

нии сходных керамических материалов. Кроме этого, следует вспомнить обнаруженный с раннесредневековой керамикой на городище с. Большие Будки бронзовый браслет с расширяющимися несомкнутыми концами [103, с. 144—145]. Это городище находится неподалеку от известного Артюховского могильника, ребристый лепной горшок из которого датируется серединой тысячелетия [155, с. 119; 283, с. 272]. В лесостепной части Левобережья ближайшей аналогией этому сосуду является цилиндроконическая керамика селища Курган Азак. Полную аналогию артюховскому горшку представляет группа сосудов с поселения в урочище Макча.

Однако архаичность керамики, несколько отличающейся от сосудов из могильника у с. Малые Будки, неразвитые формы сковородок, наличие гончарной керамики черняховского типа свидетельствуют о правомерности датировки этого селища серединой тысячелетия н. э.

Древности VII — VIII вв. на Днепровском Левобережье

Топография. Памятники культурно-хронологической группы VII—VIII вв. обычно расположены на сниженных участках надпойменных террас и всхолмлениях в пойменных долинах. Так, поселения волынцевского типа располагаются на невысоких останцах в пойменных долинах. Таково местоположение селища в урочище Стан близ с. Волынцево Сумской области на берегу р. Горна (бассейн Сейма) [35, с. 242—250] (рис. 17, /). В аналогичных условиях расположено поселение в урочище Лан, в окрестностях г. Сосница Черниговской области,

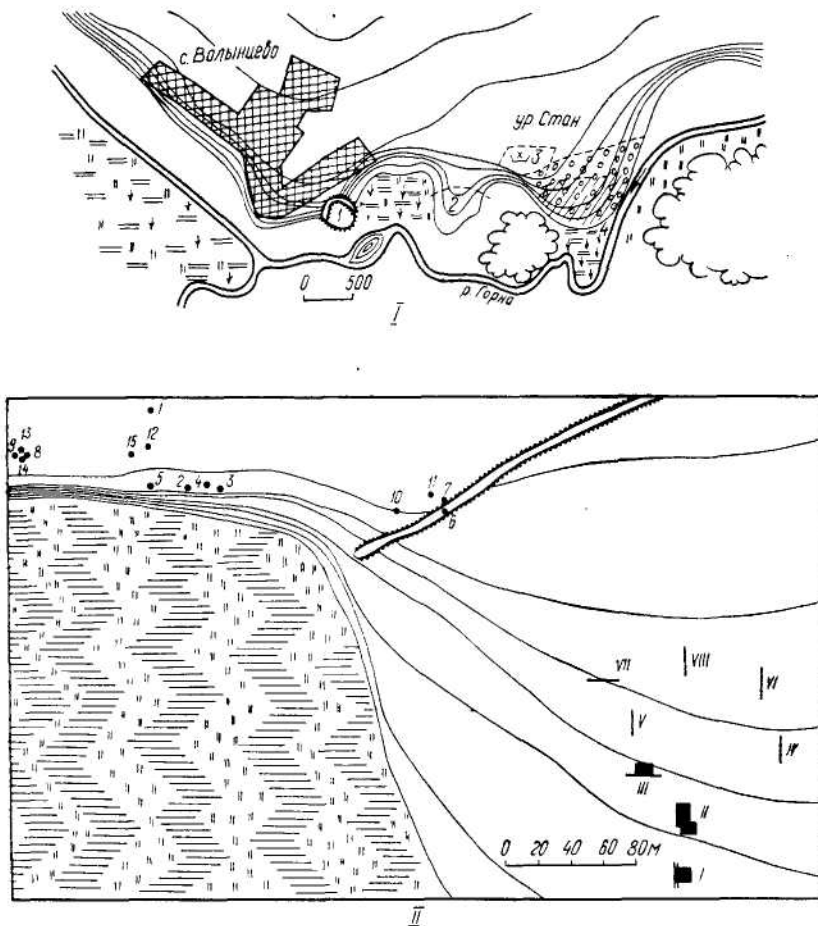

Рис. 17. Ситуационный план раннеславянских памятников у с. Волынцево (I):
 1 — городище Курган (VIII—XIII вв); 2 — поселение эпохи бронзы; 3 — грунтовой могильник П—VIII вв; 4 — раннесредневековое поселение. План раннеславянского поселения и могильника (II); 1—15 — погребения; I—VIII — раскопы и траншеи.

на правом берегу р. Убеди неподалеку от ее впадения в Десну [51, с. 50 и сл.]. На пологом склоне коренного берега Сейма находится и Авдеевское селище [9, с. 68 и сл.], относимое некоторыми исследователями к памятникам волынцевского типа [34, с. 9]. В аналогичных топографических условиях расположено большинство селищ Черниговщины

и среднего течения Десны (Полужье) [142, с. 81 и сл.].

Таким образом, местоположение памятников VII—VIII вв. ничем не отличается от топографических условий поселений предшествующего периода. Это наблюдение справедливо как для восточной части Левобережной Украины (Задонецкое), так и для памятников Подесенья.

Характер поселений. Поселения VII—VIII вв. почти исключительно представляют собой открытые селища. Памятники волынцевского типа и синхронные им селища среднего и нижнего течения Десны, расположенные на открытой местности, не имеют никаких следов оборонительных сооружений. Вряд ли можно признать убедительными предположения И. И. Ляпушкина относительно наличия укреплений на Волынцевском поселении [146, с. 61—62] (Урочище Стан). Местоположение памятника, материалы раскопок и проведенное нами обследование памятника не дают оснований для отнесения его к числу укрепленных поселений роменского времени [VII, с. 51—52].

Владимировское городище в среднем течении Десны и городище в урочище Коровель близ с. Шестовицы (рис. 18, 2) наряду с Битицким укрепленным поселением (правый берег р. Псла) не характерны для этого времени. Их расположение на высоких отрогах коренного берега, а также обнаруженные при исследованиях материалы позволяют относить возникновение укреплений на этих памятниках к иным эпохам. Так, судя по наличию керамических остатков скифского времени на Битицком городище, двойная линия укреплений на нем относится, видимо, к началу I тысячелетия н. э. [VII, с. 20—21]. Точно так же сооружение высокого (5,5—6 м) вала на Владимировском городище, исходя из наличия на этом поселении материалов юхновской культуры, можно отнести к рубежу нашей эры [21, с. 88 и сл.].

Сложная система оборонительных сооружений на городище в урочище Коровель, судя по наличию на нем киеворусской керамики и

других находок этого времени, по-видимому, была построена в эпоху древнерусского государства [258, с. 50 и сл.; 201, с. 134, рис. 2] (рис. 18, 7).

Топографические условия и явное отсутствие укреплений на поселении в урочище Макча в окрестностях г. Трубчевска также не дают возможности относить его к категории городищ [147, с. 64—65; Ср. 181, с. 109; 182, с. 208 и сл.].

Таким образом, для VII—VIII вв. на рассматриваемой территории характерным типом поселения являются селища. Необходимо заметить, что укрепленный тип поселений не свойствен славянскому населению Левобережной Украины и прилегающих областей вплоть до последних столетий I тысячелетия [83, с. 14 и сл.].

Жилища. На памятниках рассматриваемой культурно-хронологической группы изучаемой территории жилые сооружения представляют собой довольно устойчивый тип. Это углубленные в землю до 0,5—0,7 м четырехугольные в плане сооружения столбовой конструкции с печами, вырезанными в материковой глине, или же печами-каменками, а также печами в специально устроенных нишах (Волынцево, Битица). Таковы и жилые постройки на поселениях бассейна Десны. При исследованиях селища близ с. Посудичи (Брянская область) была выявлена квадратная в плане полужемлянка, ориентированная углами по странам света; в ее восточном углу находилась печь с гладким подом, сложенная из камней на глине. В заполнении жилища, наряду с типично роменской керамикой, обнаружены фрагменты раннеславянской лепной посуды с гладкой и заощенной поверхностью. Интересной

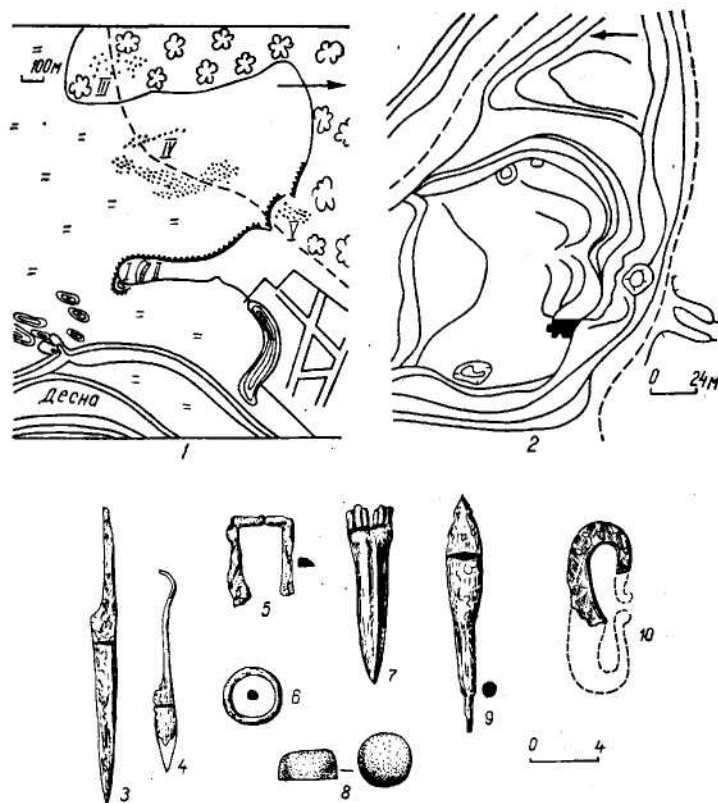

Рис. 18. Ситуационный план (1) памятников у с. Шестовицы Черниговской области (раскопки Д. И. Блительда): 1 — городище; II — селище; III—V — курганные группы. 2 — план городища и раскопа; 3—10 — находки на городище и селище.

деталью этого жилища являлась глинобитная лежанка, представляющая обычное сооружение в землянках роменского времени [92, с. 190—193]. Почти полную аналогию этой полуземлянке представляет жилище, выявленное И. И. Ляпушкиным на селище близ с. Полужье. Это сооружение столбовой конструкции квадратной формы также ориентировано углами по странам света; в его восточном углу была расположена печь, сложенная из кусков желез-

ной руды. В этой полуземлянке нет лежанки, остатки столбовой конструкции прослеживаются менее четко [143, с. 84—86] (рис. 19, III).

Жилища данного периода являются стабильными в конструктивном отношении сооружениями с четкой ориентировкой и планировкой.

Имеющиеся различия в жилищных комплексах Подесенья и Левобережной Украины касаются скорее внутреннего устройства последних.

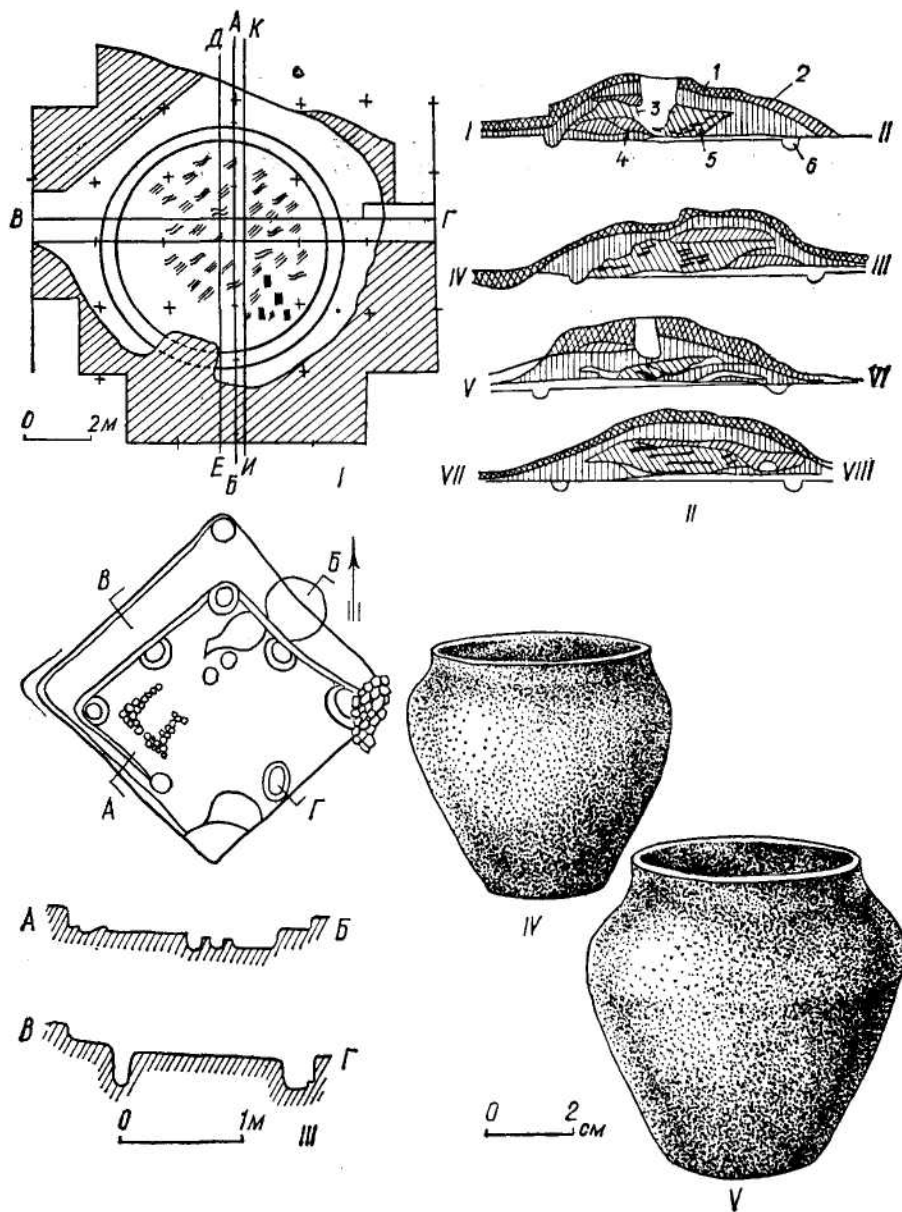

Рис. 19. Схематический план и профили раскопок «кургана» — жилища у с. Полужье Брянской области (I—III):
 1 — гумусированная почва; 2 — супесь; 3 — мешаный слой; 4 — суглинок; 5 — золисто-углистый слой; 6 — материк. IV, V — сосуды из жилища.

Хозяйственные сооружения памятников третьей четверти I тысячелетия н. э. представлены ямами различного хозяйственного назначения. На памятниках Подесенья они составляют единственную категорию этого рода сооружений. Обычно хозяйственные ямы располагаются вблизи жилищ, а иногда и в пределах их. Чаще всего это круглые в плане и колоколовидные в разрезе ямы-хранилища, размеры которых колеблются от 0,7 до 1,2 м глубины при диаметре 0,6—0,8 м вверху и 0,7—1,2 м по дну.

Подобные ямы были обнаружены на ряде поселений бассейна средней Десны (Полужье) и в ее нижнем течении в районе Чернигова (группа поселений у с. Смяч), а также на памятниках волынцевского типа.

Могильники. Для рассматриваемого времени характерны главным образом грунтовые захоронения с трупосожжениями, что сближает древности VII—VIII вв. с могильниками середины I тысячелетия на изучаемой территории. Подобные могильники близки между собой на довольно широкой территории от поречья Десны в районе г. Трубчевска до верховий р. Сулы, включая и волынцевские могильники близ г. Сосницы и с. Волынцево в нижних течениях Десны и Сейма. Так, в бассейне среднего течения Десны у одновременного поселения в урочище Макча между селами Верхние Городцы и Усох (Трубчевский район Брянской области) обнаружен могильник с трупосожжениями, аналогичный грунтовому Кветунскому могильнику. Здесь было раскопано 18 погребений, представляющих собой захоронение остатков кремированных покойников в неглубоких округлых или овальных в плане

ямах, а иногда в урнах, открытых на глубине от 15 до 40 см [184, рис. 1]. Сопровождающий эти погребения инвентарь позволяет относить их к VI—VIII вв., что дает основания для включения этих древностей в группу памятников VII—VIII вв. Кветунский могильник, наряду с бескурганными погребениями середины тысячелетия, содержал и подкурганные захоронения более позднего времени [22, рис. 2; 183, с. 97 и сл.]. Исследованные Л. В. Артишевой курганы близ с. Кветунь, наряду с керамикой середины тысячелетия, содержали сосуды, отличающиеся от биконических более округлыми формами. Они были найдены вместе с некоторыми вещами, существующими в VI—VIII вв.

По-видимому, правы те исследователи, которые относят появление курганов к третьей четверти I тысячелетия н. э. [282, с. 63; 283, с. 259 и сл.]. Тем более, что аналогичные рассмотренным выше могильникам близ сел Усох и Кветунь древности известны в смежных областях Белоруссии [242, с. 240 и сл.; 195, с. 210, р. 3] и Верхнего Поднепровья [307, с. 51 и сл.]. Известны они в это время и в Центральной и Малой Польше [326; 330].

Керамика. Керамический комплекс памятников рассматриваемой культурно-хронологической группы неоднороден. В этом плане характерно наличие на памятниках юго-восточных районов Левобережья своеобразного сочетания различных керамических традиций, в частности элементов керамического комплекса памятников пеньковского типа (Задонецкое — рис. 20)... Так, в заполнении жилищ на некоторых селищах (Полужье), наряду с типично ро-

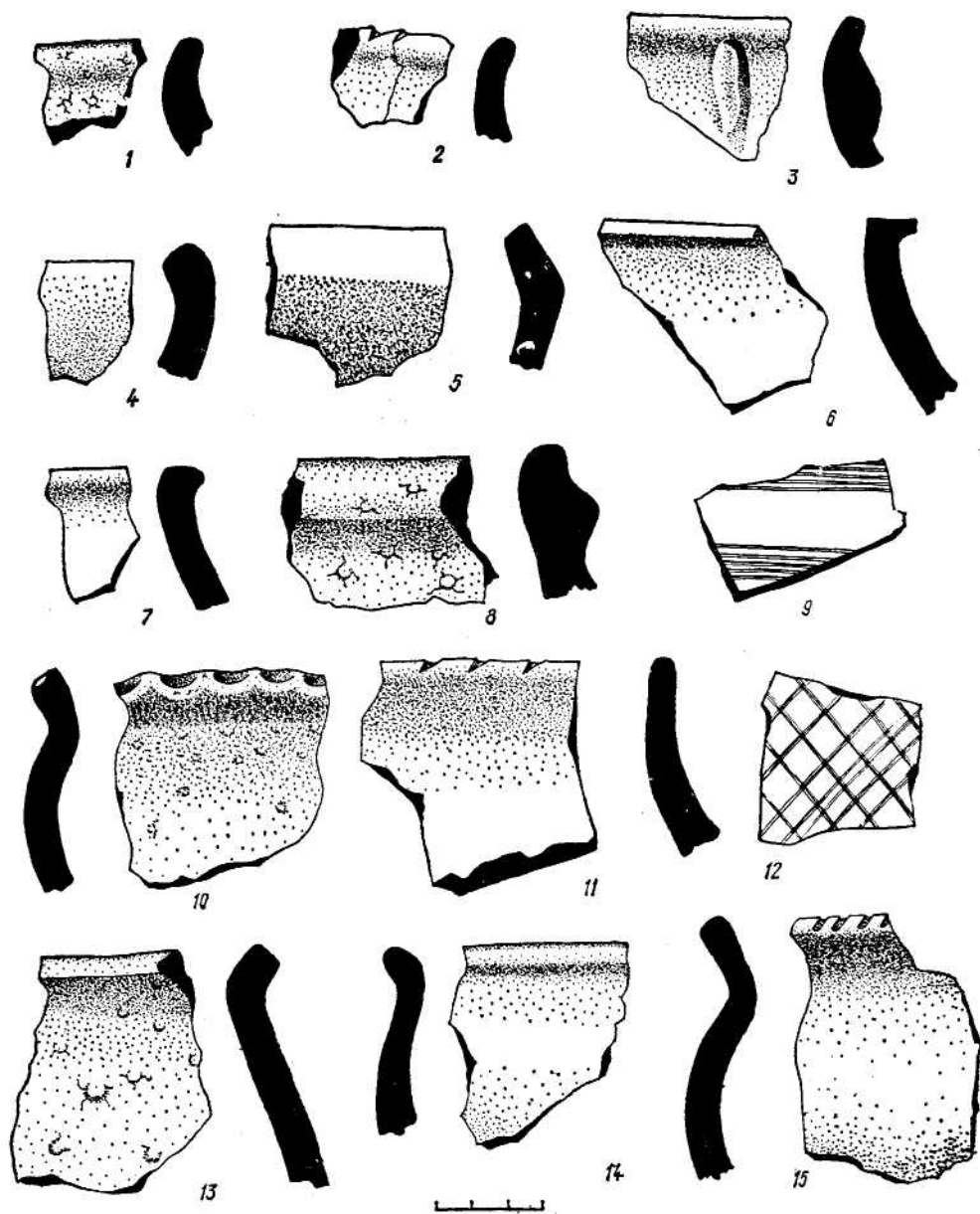
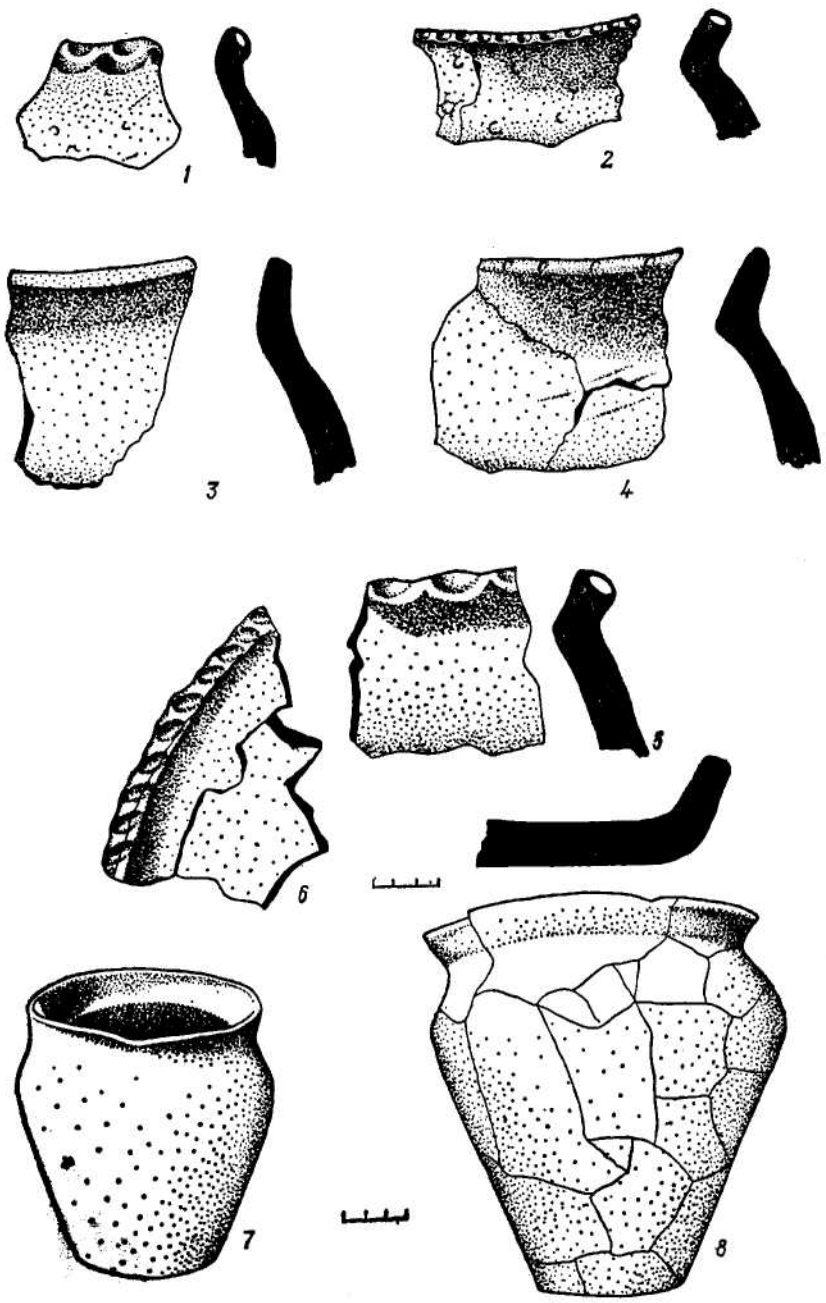

Рис. 20. Обломки сосудов середины и третьей четверти I тысячелетия с раннесредневекового селища у с. Задонецкое Харьковской области (2—7, 9—12, 14—15 — материалы Б. А. Шрамко; 1, 8, 13 — сборы автора и М. П. Кучеры в 1971 г.).

Рес. 21. Керамика из раскопок на городище и селище у с. Шестовицы (1-8).

менской, обнаружена посуда сходных с нею форм, но без характерного орнамента (рис. 19, 4—5). Дороменская керамика этих памятников украшена защипами по венчику; горшки имеют слабую расчлененность, их поверхность часто заглажена пучком травы или тряпкой, иногда подлощена [142, с. 86, 92, рис. 51]. На ряде поселений в низовьях Десны А. А. Попко собрал керамические остатки, сходные с материалами нижнего слоя городища и прилегающих селищ близ с. Шестовицы. Последние были выделены и классифицированы Я. В. Станкевич (группа А, тип II), причем датировались ею VII—VIII вв. [258, с. 52] (рис. 21, 2—5). А. А. Попко эти материалы характеризует как «раннероменские» [201, с. 134, рис. 3, 8]. Эта керамика по составу теста (примеси дресвы и песка), формам (округлобокие сосуды), обработке поверхности (заглаживание) и орнаментации не имеет аналогий в комплексе роменской посуды. Ближайшее сходство этой керамики с посудой одновременных поселений среднего течения Десны не вызывает сомнений. Эта близость прослеживается в составе теста, обработке поверхности, формах и т. д. [283, с. 262—263]. Имеющиеся отличия, в частности насечка по срезу венчика, не исключает керамику Черниговского Подесенья из общего круга керамических комплексов памятников VII—VIII вв. бассейна Десны в целом. В действительности же следует выделять лишь керамику памятников волынцевского типа, своеобразие которой требует отдельного рассмотрения.

Памятники волынцевского типа. Немногочисленная группа памятников волынцевского типа занимает особое место среди древностей ран-

неславянского времени на Днепровском Левобережье*.

Из всех памятников дороменского времени на Днепровском Левобережье памятники волынцевского типа являются наиболее изученными. Так, на Волынцевском поселении (урочище Стан) раскопано около 6000 м² (рис. 17, 2), десять полуземлянок открыто на поселении в урочище Лан близ г. Сосницы. Важные и интересные материалы были получены в ходе раскопок могильников, расположенных вблизи названных поселений**. Относительно хорошо исследовано Авдеевское селище под Курском, материалы раскопок которого позволяют выделять его из числа собственно волынцевских памятников [10, с. 82—86]. Небольшие раскопки провел И. И. Ляпушкин на Битицком городище [141, с. 58 и сл.].

На основании исследованных материалов можно дать общую характеристику памятников волынцевского типа. Это открытые поселения, находящиеся в топографических условиях, свойственных селищам середины—третьей четверти тысячелетия. Таково местоположение поселений близ сел Волынцево и Авдеева, г. Сосницы. Исключением является Битицкое городище, находящееся на высоком мысу коренного берега Пела и имеющее мощные оборонительные сооружения. Местоположение

* По-видимому, ареал волынцевских памятников значительно шире [см. 179, с. 236 и сл.; 117]. На одном из поселений с керамикой волынцевского типа в окрестностях г. Киева автором в 1972 г. были проведены раскопки, в ходе которых выявлены материалы, позволяющие датировать это поселение VII—IX вв. Результаты раскопок не опубликованы.

** Работы Д. Т. Березовца и Ю. С. Виногоградского.

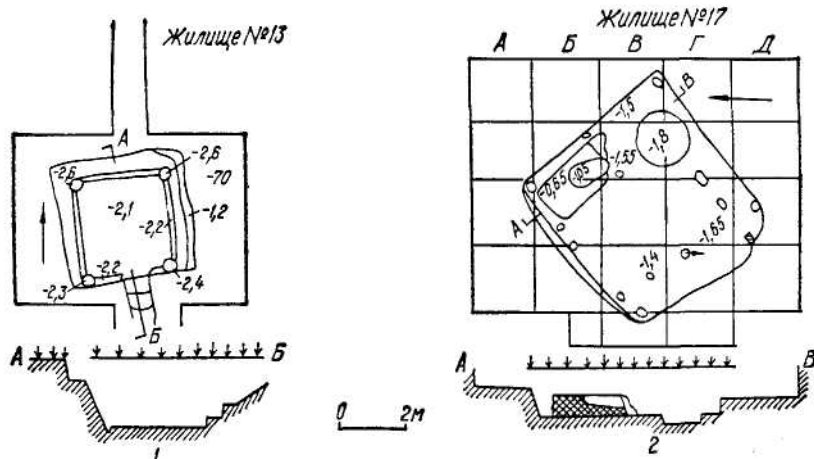

Рис. 22. Поселение у с. Волынцево:
1—2 — планы и профили жилищ № 13 и 17.

положение этого памятника и укрепления его не характерны для древностей VII—VIII вв. на Левобережном Поднепровье. В целом памятники волынцевского типа по своему характеру и местоположению не выделяются из круга древностей рассматриваемой культурно-хронологической группы как на Левобережье, так и в среднем Поднепровье и Побужье [32, с. 145—208; 300, с. 325—348].

Жилища. Для большинства волынцевских поселений обычными являются жилища в виде прямоугольных в плане полуземлянок срубной или столбовой конструкции (рис. 22). Остатки стен в полуземлянках прослежены на Волынцевском селище (31 жилище), Сосницком (5 полуземлянок) и на Битицком поселениях (2 объекта). На поселении у с. Волынцево в жилищах срубной конструкции удалось проследить до четырех нижних венцов, сложенных «в обло». В полуземлянках, стены которых изготавливались из плетня с глиняной обмазкой, на полу прослеживаются

ямки от кольев, располагавшихся в 12—20 см друг от друга; в углах обычно расположены ямки большего диаметра (Сосница). Стены обкладывали плахами, которые поддерживались столбами, отстоявшими от стенок котлована жилища на 7—10 см.

В некоторых жилищах были выявлены входы в виде пандусов или нескольких ступенек (Волынцево, Сосница) (рис. 22, 1—2). Полы жилищ представляли собой утрамбованные площадки материковой глины или же известковой массы, смешанной с песком. Последнее зафиксировано при раскопках поселений у с. Волынцево и г. Сосница.

Важной деталью жилищ являлась вырезанная из материкового останца печь четырехугольной формы, размерами 0,6—0,7 X 0,9—1,1 м (рис. 23, 1—2). Свод печи выкладывался из специально приготовленных блоков-вальков. Под полуовальной формы представлял собой сильно обожженную глиняную площадку, в которой иногда прослеживалась вымостка из обломков со-

судов (Авдеево). Известны также печи, устраивавшиеся в нишах, вырезанных в стенках полуземлянки (Волынцево, Битица). Д. Т. Березовец видел своеобразные волынцевских печей в наличии на них специально монтировавшихся блюд-противней, которые якобы отсутствуют на памятниках роменского типа [IV, с. 39—40, с. 123]. Однако это не так. Печь с обломками такого стационарного противня была обнаружена в одной из роменских полуземлянок на Донецком городище [314, с. 300], обломки глиняных противней отмечены в материалах роменского поселения близ с. Кнышевка и других роменских городищ. Они предназначались, видимо, для просушки зерна, стеблей растений и т. д. В отличие от большинства посе-

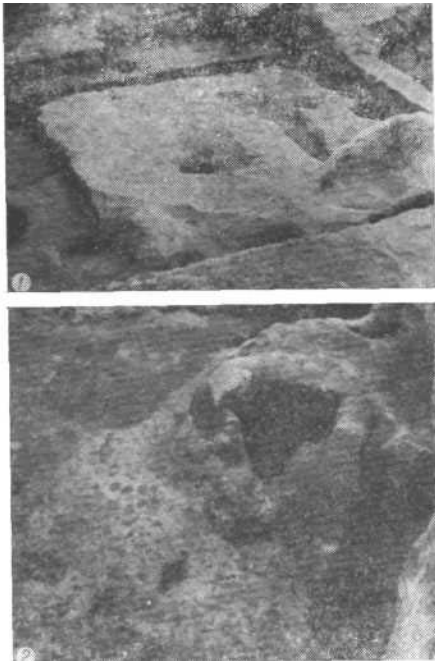

Рис. 23. Поселение у с. Волынцево:
1 — нижняя часть жилища № 6; 2 — печь в жилище № 3.

лени волынцевского типа, как и всех раннеславянских поселений этого времени, на Авдеевском селище жилые помещения относятся к сооружениям наземного типа, составляя одну из своеобразных черт названного памятника [10, с. 72]. Это обстоятельство роднит данное поселение с памятниками черняховской культуры, что подтверждается также наличием в его материалах гончарной керамики Черняховского типа.

Хозяйственные сооружения на поселениях волынцевского типа, представленные различного назначения ямами, обычно расположены внутри жилища; их вовсе не обнаружено за пределами полуземлянок на Волынцевском и Сосницком поселениях. Ямы имеют колоколовидную или цилиндрическую в разрезе форму. По-видимому, цилиндрическая форма таким ямам не придавалась намеренно: она могла получиться в результате оползания стенок обычных колоколовидных в разрезе ям [144, с. 233]. Изнутри стенки ям обмазывались глиной (в супесчаном грунте) и иногда обжигались с профилактическими целями. Такого рода профилактические меры зафиксированы на роменском поселении Донецкого городища [297, с. 5 и сл.].

На Волынцевском поселении в одном из жилищ была обнаружена деревянная крышка от такой хозяйственной ямы. Ямы-погребца располагались около середины противоположной печке стены; иногда они устраивались в подбоях. Зброшенные в результате непригодности хозяйственные ямы могли быть в дальнейшем использованы для сбора пищевых отходов, мусора и т. п. Иногда заброшенные хозяйственные ямы использовались для захоронений [33, с. 166 и сл.; 34, с. 27].

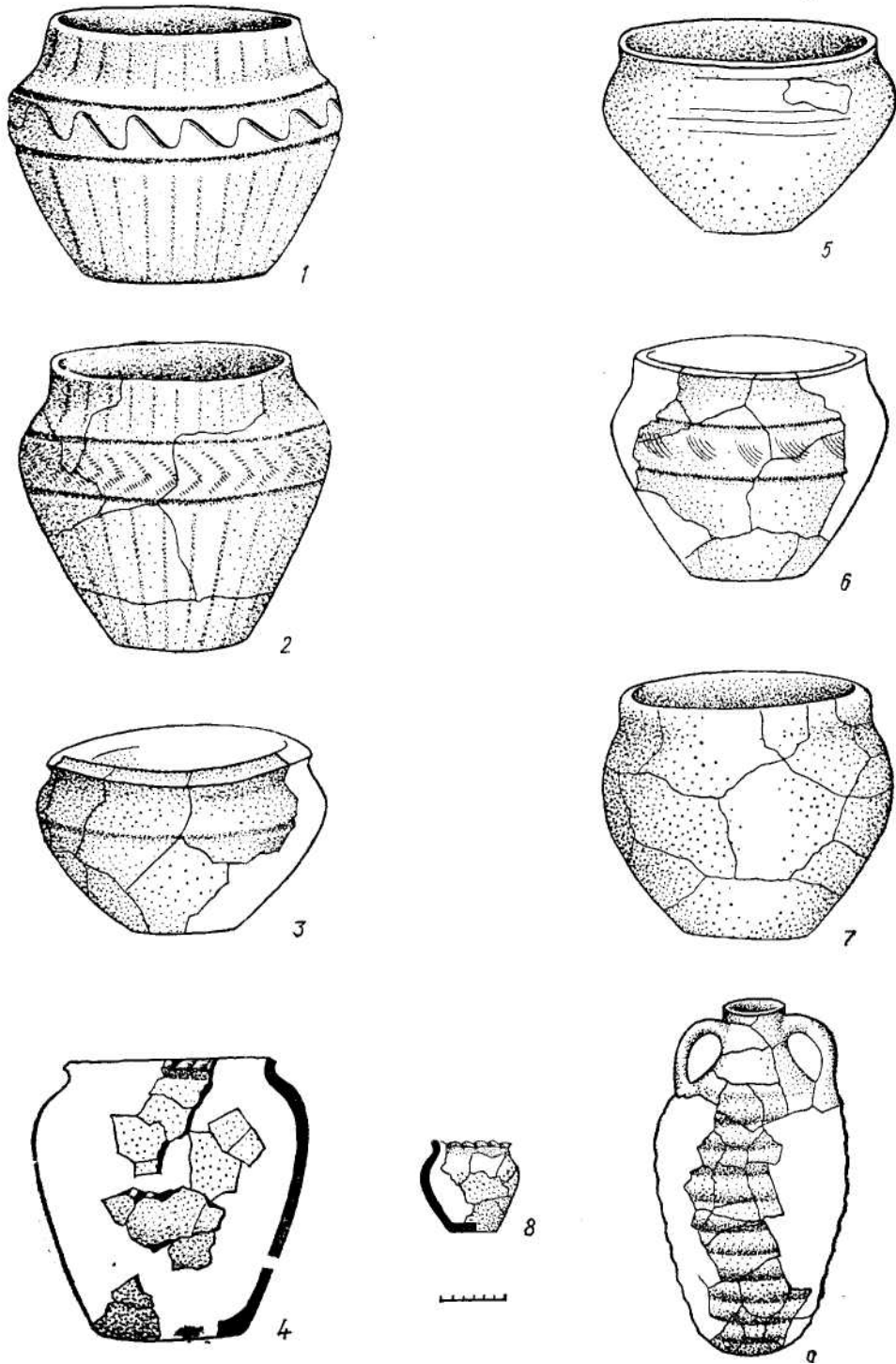

Рис. 24. Гончарная (1—3, 5—7, 9) и лепная (4, 8) посуда из раскопок волынцевского поселения у с. Битица Сумской области (по И. И. Ляпушкину).

К производственным сооружениям нужно относить выявленные на Волынцевском селище полуземлянки, в ямах которых были найдены остатки металлургического производства [34, с. 27 и сл.]. На некоторых поселениях имеются остатки овинообразных сооружений.

Керамика. Наиболее массовым материалом памятников волынцевского типа являются обломки посуды, среди которой различают две группы: гончарную и лепную.

Гончарная керамика представлена корчагообразными сосудами приземистых пропорций, с широкой горловиной, высоким вертикальным венчиком и выпуклыми плечиками. Кроме того, в составе волынцевской керамики имеются обломки привозных амфор (рис. 24, 9). Корчагообразные сосуды изготавливались из хорошо промешанной глины с примесями песка в тесте. Их гладкая поверхность черного или темно-коричневого цвета орнаментировалась комбинациями лощеных и врезных волнистых или горизонтальных линий (рис. 24; 25; 26).

Лепную керамику Д. Т. Березовец подразделяет на три типа по технике изготовления.

Из них особый интерес, представляет тип «В», который состоит исключительно из горшков, форма которых подражает гончарным: вертикальный или чуть наклоненный вовнутрь венчик, крутые плечики и ровные прямые стенки. Поверхность сосудов этого рода часто заглажена, орнамента нет. Д. Т. Березовец считает, что сосуды этого типа имели особое, именно ритуальное назначение.

Аналогичный керамический комплекс имеется и на других памятниках волынцевского типа, например, на Битицком городище (рис. 26)

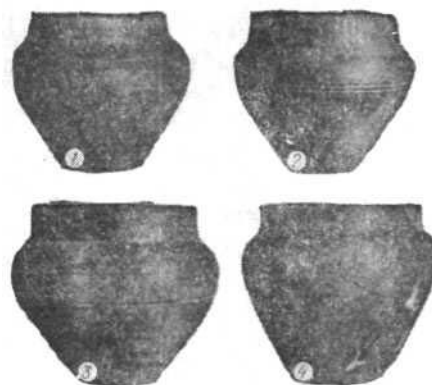

Рис. 25. Гончарная (7—3) и лепная (4) керамика с поселения и могильника у с. Волынцево (раскопки Д. Т. Березовца).

[141, с. 67], на Сосницком поселении и могильнике [51, с. 51; 39, с. 54—56], на разрушенном могильнике близ с. Хухры *; близки к ним сосуды из бескурганного могильника около сел Будки — Константинове [153, с. 52].

Могильники. Среди могильников волынцевского типа наиболее исследован могильник около с. Волынцево, расположенный на плато западнее селища (рис. 18). Могильник не имеет каких-либо внешних признаков ** и содержит урновые захоронения трупосожжений на стороне (рис. 27). Погребения состоят из урн с прахом и стравниц, которые ставились на специально расчищенные в дерновом слое площадки. Д. Т. Березовцу удалось проследить, что сосуды в погребениях ориентировались по линии восток — запад, причем урны с прахом всегда были расположены с восточной стороны.

* Хранится в Ахтырском краеведческом музее (экспозиция).

** Отсутствие подробной и полной публикации данного могильника позволило И. И. Ляпушкину не только усомниться в отсутствии насыпей, но и включить памятник в число древностей VIII—X вв. [147, с. 60—62].

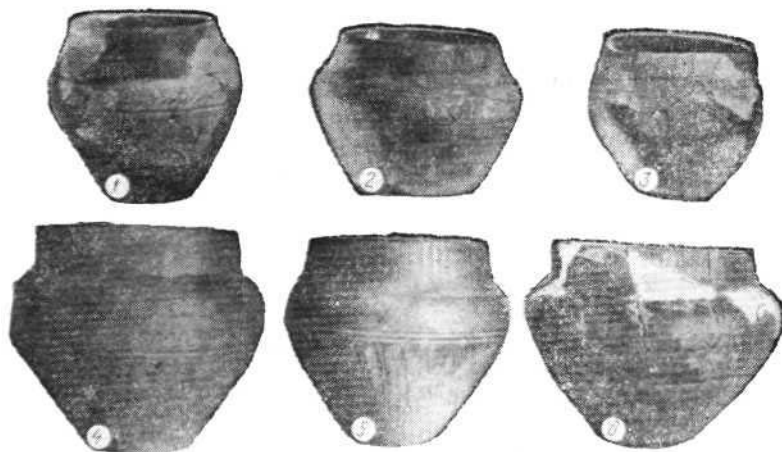

Рис. 26. Чернолощенные сосуды волинцевского типа:
1—3 — Битица; 4—6 — Волинцево.

Любопытно отметить, что гончарная и имитирующая гончарную посуда не обнаружена в одном и том же погребении; подражающие гончарным сосудам горшки никогда не использовались в качестве сравниц.

Эти обстоятельства позволили Д. Т. Березовцу предполагать особое, ритуальное назначение этого вида керамики [34, с. 9], с чем, по видимому, следует согласиться. В урнах вместе с прахом находились и предметы личного убора, представленные стеклянными и пастровыми бусинами различных цветов, бронзовыми браслетами с расширенными несомкнутыми концами и т. п. То обстоятельство, что на ряде украшений нет следов действия огня, а также наличие в погребальном инвентаре обрывков кольчуги и других специфических деталей снаряжения и вооружения позволили Д. Т. Березовцу сделать предположение о символическом значении сопроводительного инвентаря (IV, г. 66, 69).

На Сосницком могильнике во

время раскопок были обнаружены остатки специальных площадок для трупосожжений, представляющих собой сооружения из горизонтально положенных деревянных плах, расположенных по линии восток — запад (рис. 28, 1). На одной из таких площадок были обнаружены кальцинированные человеческие кости вместе с угольками и оплавленными двойными бусинами синего цвета [IV, с. 59—68].

Указанным могильникам близки погребения, случайно обнаруженные при пахоте около сел Большие Будки и Константиново. В 1906 г. могильник осмотрел Н. Е. Макаренко, который заложил здесь 17 траншей с целью выявления погребальных сооружений. Проследить их, однако, не удалось, за исключением нескольких ямок от толстых кольев, ограждавших урновые захоронения. В результате исследований было обнаружено на глубине 20—25 см три погребения, из которых первое имело оградку из кольев. Второе погребение состояло из трех сосудов, поставленных рядом в одну линию, а

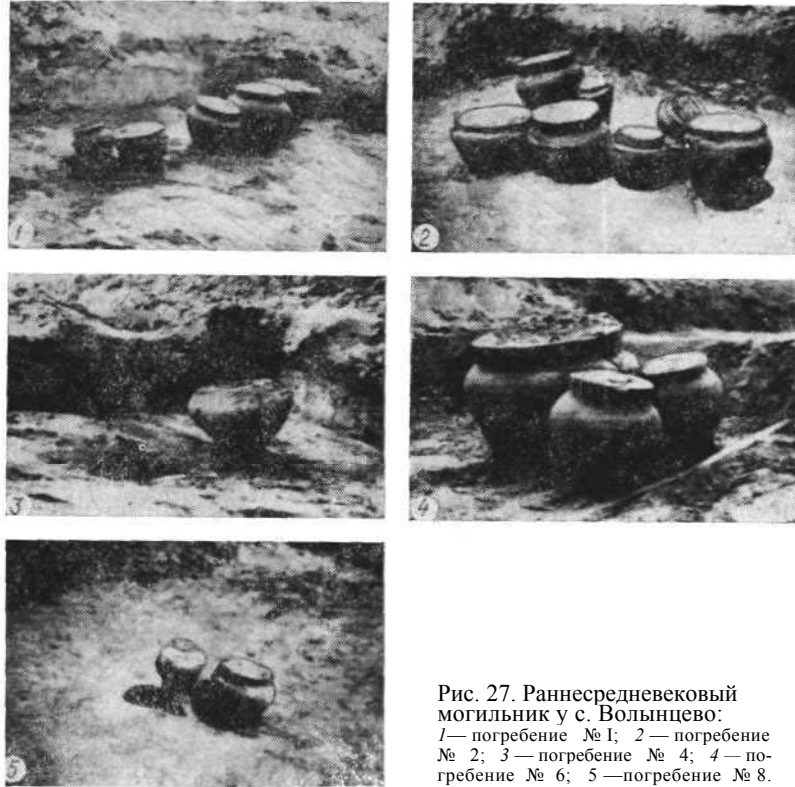

Рис. 27. Раннесредневековый могильник у с. Волынцево: 1—погребение № 1; 2—погребение № 2; 3—погребение № 4; 4—погребение № 6; 5—погребение № 8.

третье — из двух горшков, разрушенных пахотой [153, с. 51—52]. В заполнении сосудов вместе с пеплом и кальцинированными косточками найдены вещи, аналогичные находкам Волынцевского и Сосницкого могильников. Совершенно аналогична и керамика этих погребений.

К сожалению, ничего определенного не известно об обстоятельствах находки трупосожжения в горшке волынцевского типа близ с. Хухры. Но, по-видимому, и этот разрушенный могильник аналогичен вышеописанным.

Хронология рассмотренных древностей определяется на основании археологических памятников этой культурно-хронологической группы

и их места среди других памятников I тысячелетия н. э.

Как известно, для середины и третьей четверти I тысячелетия на территории Левобережного Поднепровья и прилегающих областей известны открытые поселения и бескурганые могильники с трупосожжениями [83, с. 14; 282, с. 63 и сл.; 34, с. 15]. Местоположение, характер поселений и могильников, керамика из них позволяют определять верхнюю границу памятников VIII в. Таково поселение Полужье. Однако И. И. Ляпушкин включил его в список древностей VIII—IX вв. [146, с. 74], хотя характер памятника не давал оснований. Не соответствуют подобной точке зрения и

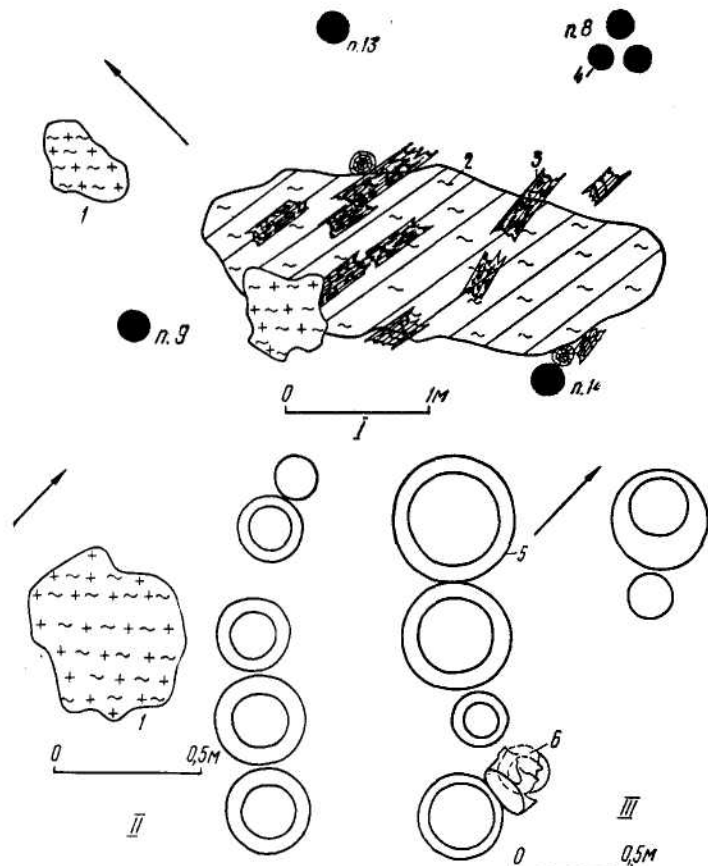

Рис. 28. Могильник волынцевского типа близ с. Сосшы:
 I — группа погребений: 1 — пятно золы с обломками кальцинированных костей; 2 — пятно гумусированной почвы вперемешку с золой и угольками погребального костра; 3 — горелое дерево; 4 — погребения; 5 — целые урны; 6 — фрагментированные сосуды.
 II — погребение № 2; III — погребение № 3.

материалы названных поселений и могильников. На Владимировском городище были найдены железные трехлопастные наконечники стрел так называемого аварского типа [21, с. 88]. Такие же наконечники обнаружены в сопроводительном инвентаре погребений бескурганного могильника в окрестностях г. Трубчевска [182, с. 215]. В Кветунском могильнике выявлены пряжки VI — VII вв. [22, с. 90]. Браслеты с

утолщенными несомкнутыми концами найдены на могильнике близ с. Усох [184, рис. 2, с. 134], а также на городище в урочище Коропель близ с. Шестовицы*. Они могут датировать указанные памятники VI—VIII вв. н. э.

Мы уже отмечали, что датировка памятников волынцевского типа

* Хранятся в Черниговском историческом музее.

VII—VIII вв. встретила возражения со стороны И. И. Ляпушкина, относившего их к роменской культуре [141, с. 78; 144, с. 243; 146, с. 61 и сл. Ср.; 38, с. 35—38; 34, с. 17—18]. Однако теперь, после нескольких десятилетий изучения памятников этого типа, общую хронологию древностей волынцевского типа, предложенную Д. Т. Березовцом, следует признать убедительной.

Датировка древностей середины — третьей четверти I тысячелетия н. э. затрудняется из-за отсутствия строго датирующих находок в закрытых комплексах. Тем не менее сравнительная характеристика роменских и волынцевских материалов говорит против включения волынцевских памятников в число древностей конца тысячелетия. Не касаясь вопроса о соотношении памятников волынцевского типа и роменской культуры, укажем лишь, что по своему местоположению и характеру первые значительно ближе стоят к древностям середины — третьей четверти I тысячелетия н. э. в бассейне Десны, чем к памятникам предгосударственного периода (VIII—IX вв.). Так, бескурганый обряд погребения с трупосожжением свойствен населению предшествующего времени, а распространение курганов относят к последним столетиям I тысячелетия [50, с. 506]. Вероятно, какое-то время имело место сосуществование бескурганного и курганного способа погребения, что хорошо подтверждается наличием Кветунского и Усохского могильников на Десне. Напрасно было бы искать курганы с трупосожжениями ранее VII в., по крайней мере на рассматриваемой территории.

Открытый тип поселений приближает волынцевские памятники к

синхронным памятникам Подесенья и Верхнего Поднепровья.

Кроме этих замечаний общесторического характера, датировка памятников волынцевского типа определяется и обнаруженными на них вещами. Действительно, сравнительно хорошо датируемый по вещам Харьевский клад обнаружен в горшке волынцевского типа [37]. Пастовые бусы с очковым орнаментом аналогичны бусам из Рязанских могильников, где они датируются V—VII вв. Бронзовые браслеты из погребения № 1 Волынцевского могильника по форме и технологии аналогичны серебряным браслетам из Фативижского клада, в составе которого имеются аварские вещи VII в. Обломок салтовского зеркала из Сосницкого могильника очень близок к зеркалам из могильника Чми (Северный Кавказ), датированного VII — первой половиной VIII в. [164, рис. 2]. Здесь же следует упомянуть бронзовые трапециевидные подвески, ближайшие аналогии которым имеются в составе Суджанского клада, которые датируются VI—VII вв. [218, с. 80, рис. 32].

Таким образом, совокупность данных топографии, характер поселений и могильников вместе с материалами их раскопок позволяют датировать памятники волынцевского типа VII—VIII вв.

Памятники конца I тысячелетия н. э. (роменская культура)

Топография. Поселения роменского типа располагаются на высоких коренных берегах левых притоков Днепра. Для поселений использовались мысы, образованные поймами рек и впадающими в них балками, а также вдающиеся в пойму остан-

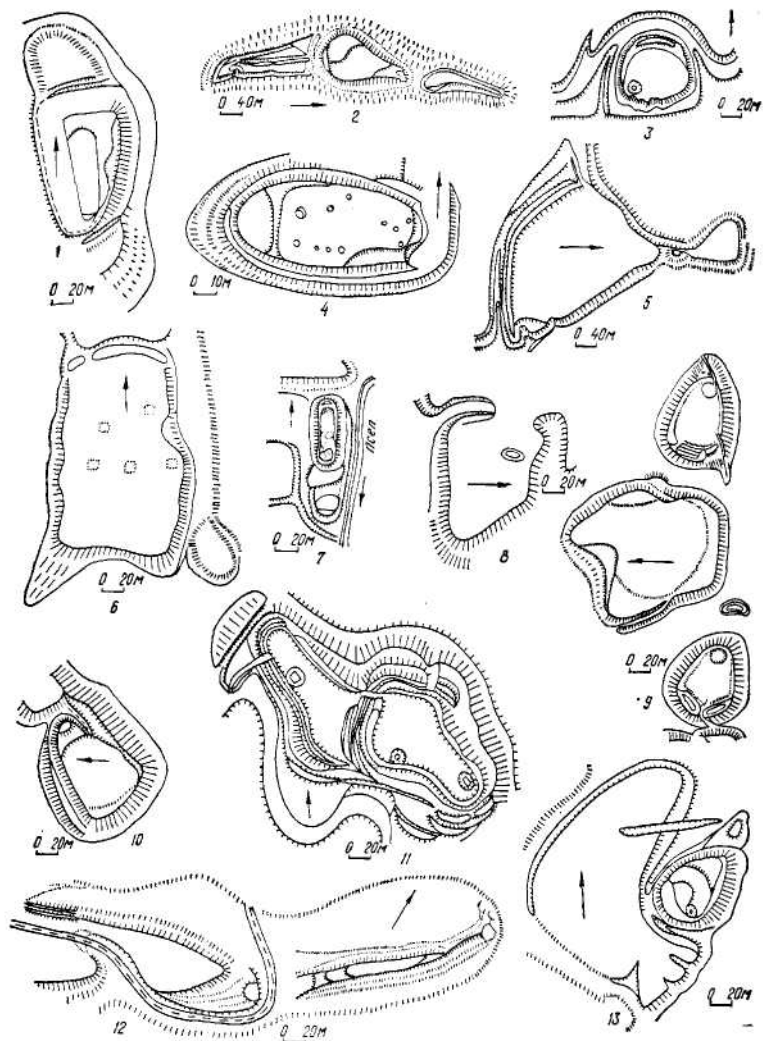

Рис. 29. Планы некоторых городищ роменского типа:

1 — Шпилевка; 2 — Глинск (Полтавская обл.); 3 — Каменное; 4 — Лешиновка;
 5 — Свиридовка; 6 — Кнышевка; 7 — Могрица; 8 — Тополи; 9 — Глинск (Сум-
 ская область); 10 — Бунякино; 11 — Медвежье; 12 — Городище; 13 — Хотыжск;
 Глазомерные съемки автора и М. П. Кучеры в 1971 г.

цы коренного берега. Таково местонахождение большинства роменских городищ (рис. 29; 30, 1, 4, 6, 8—9). Расположенные в заболоченных, труднопроходимых долинах рек так называемые болотные городища

также являют собой пример использования условий местности с наибольшим эффектом для целей обороны: поселения близ сел Асмолово, Банищи и Литвиновичи (бассейн Сейма), Сенча, Большой Сам-

бор и Грицевка (Посулье), Сосница близ озера Буромка (поречье Десны) (рис. 30, 2—3, 5, 7).

Характер поселений. Поселения конца I тысячелетия н. э. по своему характеру относятся к категории городищ. Для своих поселений население памятников роменской культуры использовало небольших размеров городища скифского времени, расположенные на мысах с крутыми склонами и укреплениями в виде валов и рвов с напольной стороны. Вместе с тем использовались и большие городища раннего железного века. В этом случае под славянское поселение использовался лишь тот участок укрепленной территории, который находился на мысу с обрывистыми склонами. Роменским населением использовались лишь те из скифских городищ, которые по местоположению, характеру укреплений и размерам площади соответствовали собственно роменским городищам, таким как Волынцево (Курган), Сары, Шумск и другие. Именно такой характер имеет ряд городищ бассейна Десны (Вшиж, Пушкари), бассейна Сейма (Воргол, Красное Утро), Посулья (Медвежье (рис. 30, 1), Монастырище), поречье Пела (Кнышевка) и Ворсклы (Куземин, Каменное (рис. 31; 32), оба городища близ с. Ницахи (рис. 33, 34), а также Северского Донца (Мохначи (рис. 30), Донецкое (рис. 35, 1).

Городища роменского типа представляют собой не столько искусственные, сколько естественные укрепления. Обычным приемом усиления естественной крутизны склонов мыса было эскарпирование верхней части обрыва, что достигалось путем зачистки на высоту 7—12 м. В результате этого вдоль склонов образовывалась горизонтальная

площадка шириной 2—5 м. Подобная картина наблюдается на многих поселениях роменского времени, например Красное Утро на Сейме, Каменное на Пеле (рис. 31), Хотмыжск и Ницаха на Ворскле (рис. 34).

Площадка городища отделялась от плато оборонительной линией, состоявшей из вала и рва. Высота валов колеблется от 2 до 8 м, ширина рва от 3 до 5—7 м, при глубине 1,5—4 м. Таковы раскопанные нами укрепления городища Малый Балкан у с. Ницахи, высота вала которого от дна рва составляла около 9 м, при ширине подошвы вала 22 м *. Иногда укрепленная линия защищала поселения не только с напольной, но и с других сторон. Хорошей иллюстрацией этому является городище у с. Журавное (рис. 30, 8), расположенное на трех останцах, где валы прикрывают площадку не только со стороны плато, но также и с краев мысовых отрогов. Невысокий до 1,5 м вал проходит по периметру упомянутого городища у с. Ницаха (рис. 34).

Как правило, размеры городищ невелики и не превышают 1—1,5 га. Примером может служить Донецкое городище, занимающее высокий вытянутый треугольный мыс берега реки Уды (рис. 35). Мыс отделен от остальной части берега глубоким рвом и валом. С юго-востока показанный мыс перегорожен еще двумя валами. В настоящее время длина городища 70 м, а наибольшая ширина около 40 м [314, с. 298]. Несколько большие размеры имеет Новотроицкое поселение в бассейне Псла (120 X 45 м) [140, с. 9].

* Раскопки автора в 1973 г. Материалы не опубликованы.

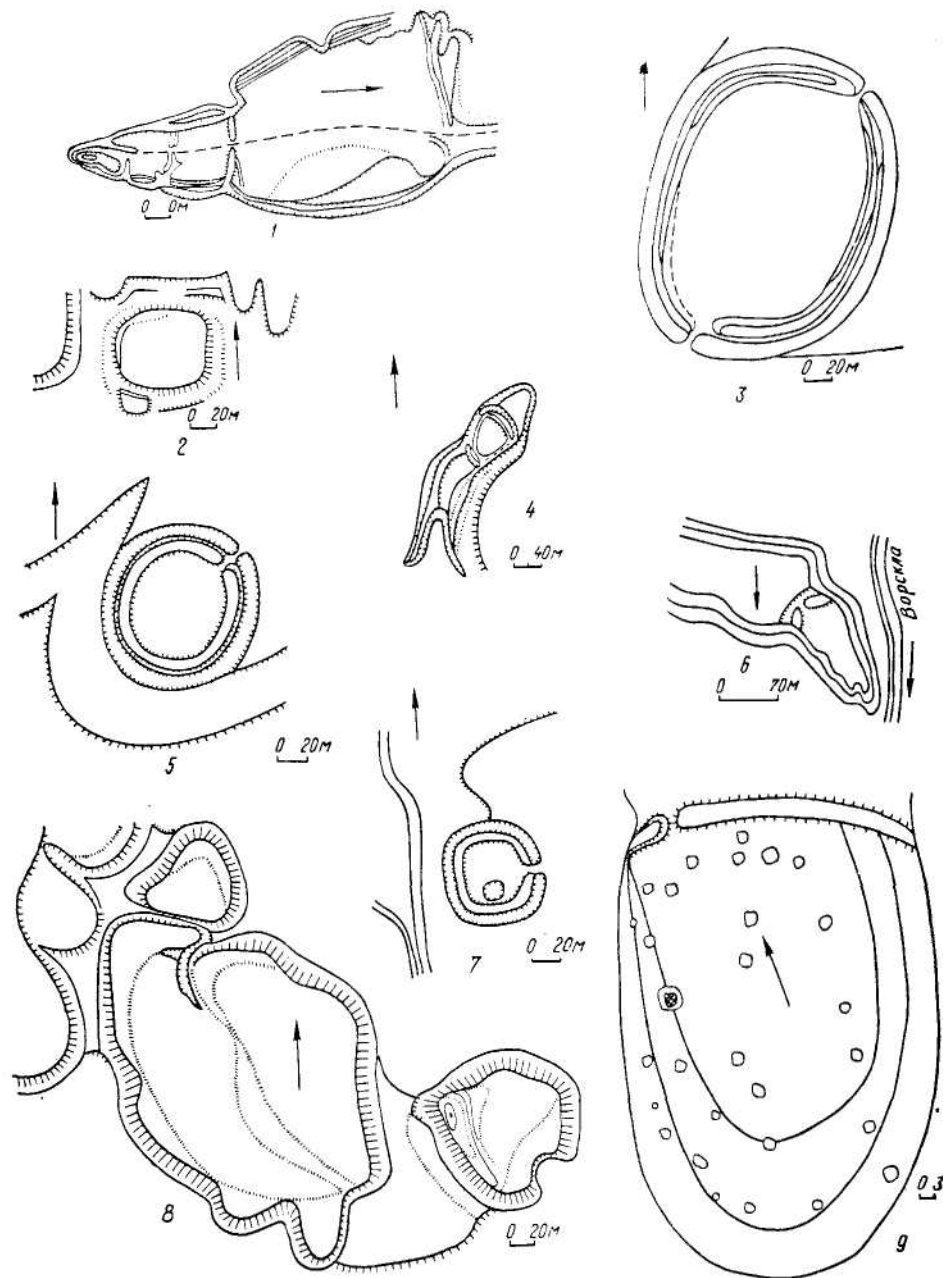

Рис. 30 Планы некоторых геродиц роменского типа:

1—Мохнач; 2—Броварки; 3—Шевченково; 4—Битица; 5—Большой Самбор, 6—Куземир; 7—Сенча; 8—Журавное; 9—Водяное. Глазомерные съемки М. П. Кучеры и автора в 1971 г.

Рис. 31. Городище у с. Каменное Полтавской области (общий вид).

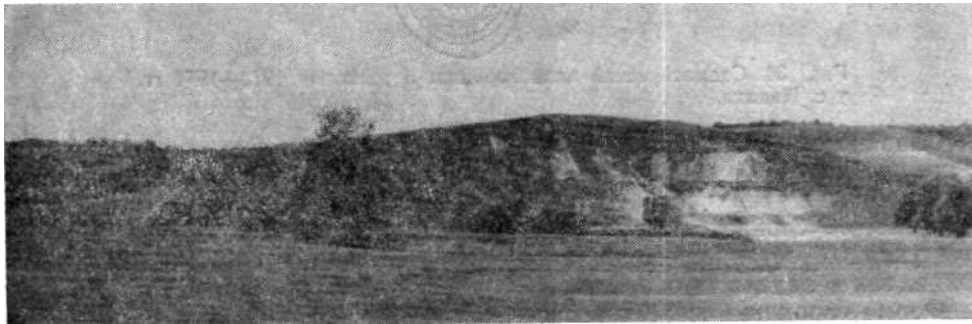

Рис. 32. Роменское городище у с. Куземин (общий вид).

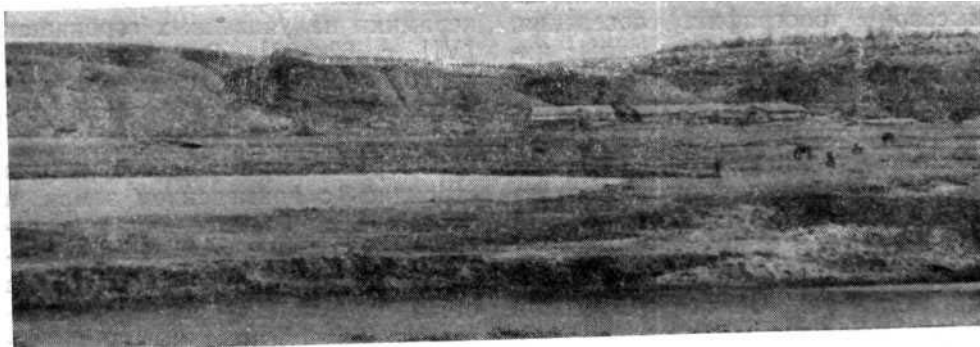

Рис. 33. Панорама городищ «Балканы» у с. Ницаха Сумской области.

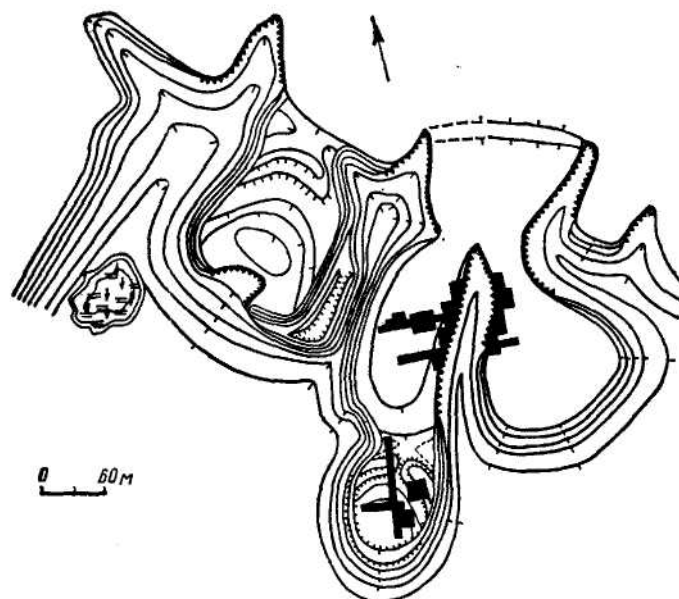

Рис. 34. Схематический план городищ и раскопов 1973—1974 гг. у с. Нишаха.

Славянские городища VIII—X вв. представляют собой достаточно устойчивый тип поселения, что, вероятно, обусловлено как внутренним укладом оставившего их населения, так и задачами обороны.

Форма городища всецело зависела от формы и конфигурации береговых мысов. Что же касается болотных городищ, то здесь картина несколько иная. Как и городища мысовой топографии, поселения, расположенные в заболоченных низинах, приспособлялись к рельефу местности. Занимая часто песчаные дюны или холмы, эти поселения обносились кольцевой линией валов и рвов. Площадка такого городища в плане почти круглая или овальная. Подобную форму и укрепления по всему периметру имеют городища близ с. Сенча (Самсонов остров), Большой Самбор (рис. 30, 5, 7), Волынцева (городище Кур-

ган — рис. 36). Все они расположены в поймах рек и формой укрепленной площадки ничем не отличаются от древнерусских городищ. Для определения их принадлежности приходится прибегать к анализу керамических остатков. По-видимому, поселения с кольцевой планировкой укреплений появляются еще в VIII—X вв., о чем убедительно свидетельствуют остатки роменской керамики на указанных городищах [VII, с. 62—63]. В последующий период городища с кольцевой планировкой становятся обычной формой укрепленного поселения.

Оборонительные сооружения строились с применением земли и дерева. Судя по материалам исследований Б. А. Шрамко, на валу Донецкого городища была возведена стена из дубовых бревен, горизонтально закрепленных между парными вертикально стоящими столба-

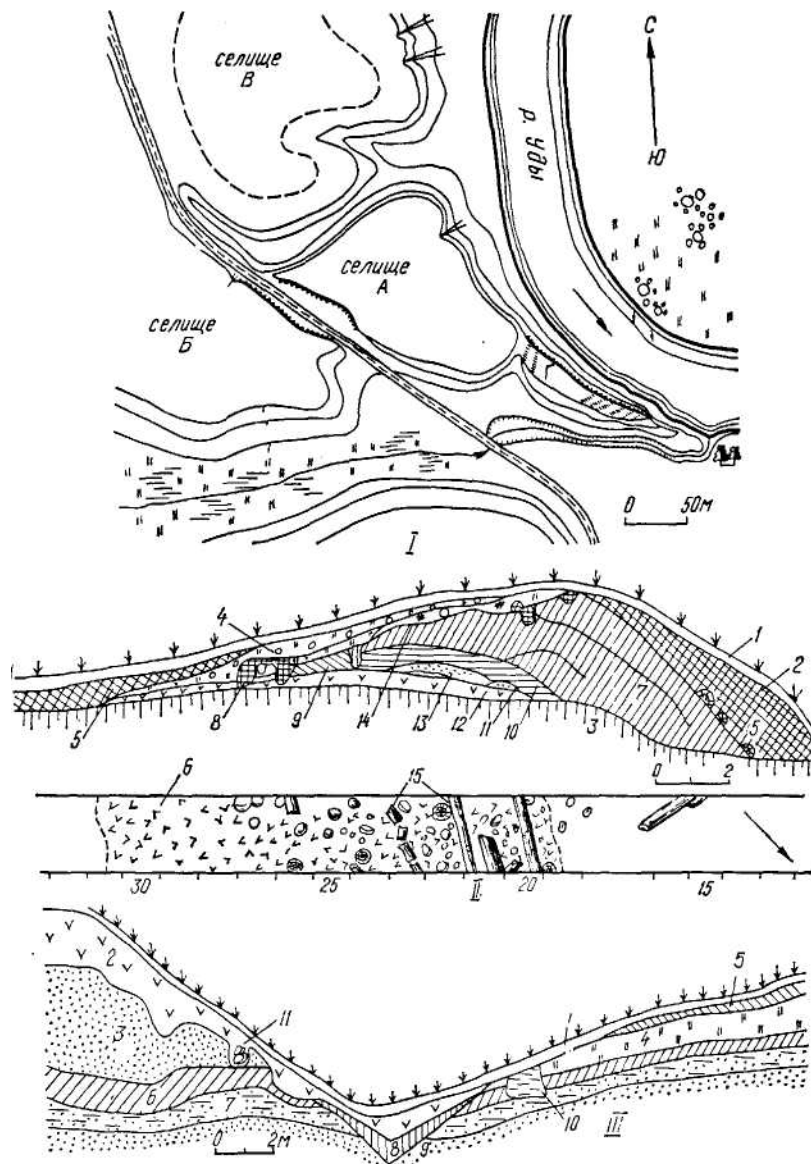

Рис. 35. План городища и селищ (I) у ст. Карачевка Харьковской области (Донецкое городище).

II — разрез и план раскопок вала: 1 — дерн; 2 — культурный слой; 3 — материк; 4 — глина; 5 — камни; 6 — щебень; 7 — желтая глина; 8 — заполнение ям; 9 — бурый суглинок; 10 — серая почва; 11 — уголь; 12 — чернобурая почва; 13 — обожженная глина, зола, уголь в насыпи; 14 — обожженная глина с золей и угольками; 15 — горелое дерево.

III — разрез вала (раскопки Б. А. Шрамко): 1 — дерн; 2 — гумусированная почва; 3 — желтый песок; 4 — лессовидный суглинок; 5 — культурный слой; 6 — бурая глина; 7 — бурый песок; 8 — илистое заполнение; 9 — материковый песок; 10 — заполнение ям; 11 — отдельные камни.

ми [314, с. 328] (рис. 35, 2). Остатки деревянных конструкций прослежены также на Коробовском [XI, с. 12] (рис. 37, II) и Мохначевском городищах [XII, с. 17 и сл.]. В отличие от большинства памятников

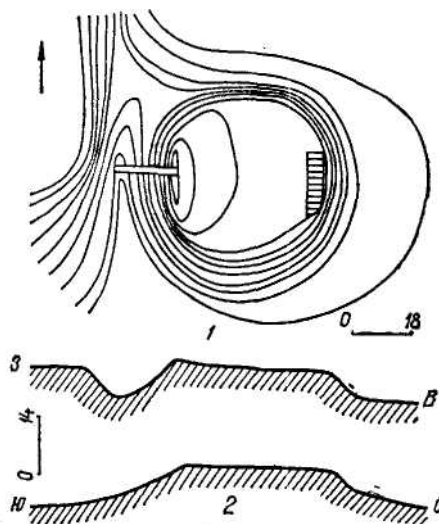

Рис. 36. План и профили городища Курган у с. Волынцево (1—2) (раскопки В. И. Довженка).

VIII—X вв. на Коробовском городище вал скифского времени с возникновением роменского поселения был дополнительно укреплен двумя рядами крупных песчаниковых камней, положенных вдоль вершины вала и образовавших как бы панцирь высотой 1,5 м. Пространство между рядами камней (около 2 м) забутовано мелким щебнем с песком. Щебневой обсыпкой укреплялись и склоны вала с целью предотвращения его от оползней. На самой верхушке вала в забутованном пространстве прослежены остатки сгоревших деревянных конструкций, видимо, деревянной стены вроде чостокола. Исследователь относит возведение этих сооружений к VIII—

X вв. на том основании, что ниже слоя погребенной почвы совершенно не встречаются обломки роменской и салтовской керамики, а материалов эпохи Киевской Руси на городище в слое пожарища не обнаружено вовсе [XI, с. 19; XII, с. 13]. Керамические остатки салтовской культуры на данном поселении немногочисленны, чтобы можно было заключить о принадлежности его алаано-болгарскому населению Левобережья [192, с. 27].

Если существование бревенчатых стен на валах роменских городищ можно предполагать и в других районах Днепровского Левобережья, то каменные конструкции на Коробовском и Мохначевском городищах являются не совсем обычными для славянских поселений этого времени. В ходе раскопок городища Малый Балкан у с. Ницаха Сумской области в 1973 г. мы проследили каменные конструкции в основании валов по периметру. Применение камня при возведении оборонительных сооружений может указывать на какие-то связи с памятниками салтовских племен [192, с. 25].

Обычно роменские поселения состоят из укрепленной части и примыкающего к ней открытого селища. Размеры селищ иногда превосходят размеры укрепленной части поселения, примыкая к ним непосредственно с напольной стороны, а в некоторых случаях располагаясь у подножия мыса, занятого городищем. О размерах селищ можно судить на основании комплекса Донецкого городища, неукрепленная часть которого тянется вдоль берега на 1,5 км [314, с. 296]. Подобная картина имеет место и в Любече, славянское поселение которого возникло в IX в. В большинстве своем селища тяготеют к городищам, со-

ставляя вместе с ними части одних и тех же поселений.

Заслуживают внимания неукрепленные поселения бассейна Десны. Располагаясь на пологих склонах берегов или сниженных участках надпойменных террас, они по своим топографическим условиям напоминают поселения предшествующей культурно-хронологической группы [92, с. 180—194]. Интересно заметить, что в этих случаях роменские слои подстилаются раннеславянскими середины — третьей четверти I тысячелетия. Таково, например, поселение в урочище Макча, наличие укреплений на котором сомнительно, хотя автор раскопок их и предполагает [181, с. 109—110]. Такая же стратиграфическая картина зафиксирована и на поселениях близ ст. Выгоничи и с. Полужье [140, с. 81—86; 147, с. 83].

Занимая мысы высоких коренных берегов рек, городища роменского типа имеют характерное расположение гнездами по два — пять поселений на расстоянии 2—5 км одно от другого (карта 4). Подобное расположение, видимо, вызывалось социально-экономическими причинами: земледельческий характер хозяйственной деятельности населения уже сам по себе предполагает наличие обрабатываемой земли, принадлежащей определенному хозяйственному коллективу — общине. Расположение городищ гнездами, вероятно, отражало и какие-то связи между этими общинами.

Жилища. Как и для памятников предшествовавших культурно-хронологических групп, поселениям роменского типа свойственны жилые сооружения полуземляночного типа. При некотором отличии в своем устройстве в различных районах

Левобережья, они являются стабильным типом жилища, корни которого, по мнению исследователей, восходят ко времени зарубинецкой культуры [284, с. 61; 144, с. 225]. Полуземлянки роменских поселений представляют собой углубленные на 0,5—1,2 м в грунт четырехугольные в плане жилища с отвесными стенками общей площадью от 12 до 20—25 м², ориентированные по линии СВ—ЮЗ и СЗ—ЮВ. Ориентировка довольно устойчива, ее отклонения не превышают 45° (рис. 38, III—IV). Нижняя часть жилища выкапывалась в материковой почве или в культурном слое предшествовавших эпох. Вероятно, этим и объясняются различия в устройстве пола жилищ, представлявшего собой утрамбованную площадку в лесовидном суглинке, либо обмазанную глиной площадку, если котлован жилища выкапывался в культурном слое или песчанистой почве. Стены углубленной части облицовывались деревянными плахами, укреплявшимися системой столбов, ила же обмазывались глиной [140, с. 104]. Вместе с тем известны жилища срубной конструкции, одно из которых мы выявили на Волокитинском городище [264, с. 109—110]. Здесь, при зачистке обрыва в материковой глине, удалось проследить остатки угла сруба в виде соединенных накрест бревен, толщиной 25 и 32 см, концы которых выступали соответственно на 28 и 30 см. Полуземлянка имела четкие контуры и хорошо выделялась на светло-желтом фоне материка. Ее размеры: длина 3, 4 м, глубина 1,45—1,60 м. В восточной части жилища находилась ступенчатая яма, углубленная от пола на 0,65 м, назначение которой неясно. При расчистке жилища гончарная керамика древнерусского

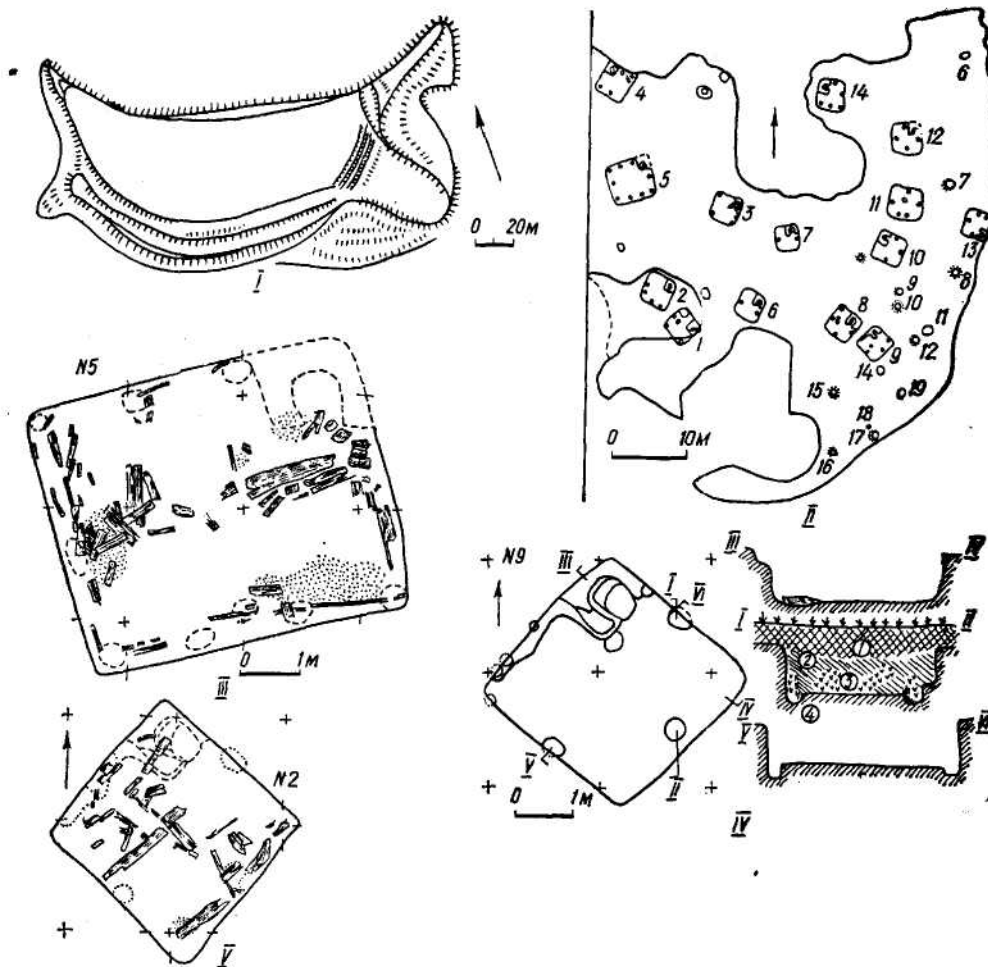

Рис. 38. Схематический план (I) поселения у Опошни (съемка М. П. Кучеры и автора в 1971 г.); II — план раскопок; III — V — планы жилищ (раскопки И. И. Ляпушкина): 1 — дерновой слой; 2 — желтая глина; 3 — белая глина; 4 — древесный тлен.

типа обнаружена лишь в дерновом и прилегающем слое; ниже встречалась исключительно лепная роменская.

Следы жилищ срубной конструкции отмечены и для более раннего времени на памятниках волынцевского типа (Волынцево, жилище № 13).

Значительный интерес представ-

ляют жилые сооружения роменского слоя Донецкого городища. Здесь выявлены полуземлянки (рис.39,1). В двух помещениях прослежены не встречавшиеся ранее на городищах роменской культуры конструктивные особенности. Так, в полуземлянке Г обнаружен ступенчатый вход между северным углом и печью. Он имел вид двух прямоуголь-

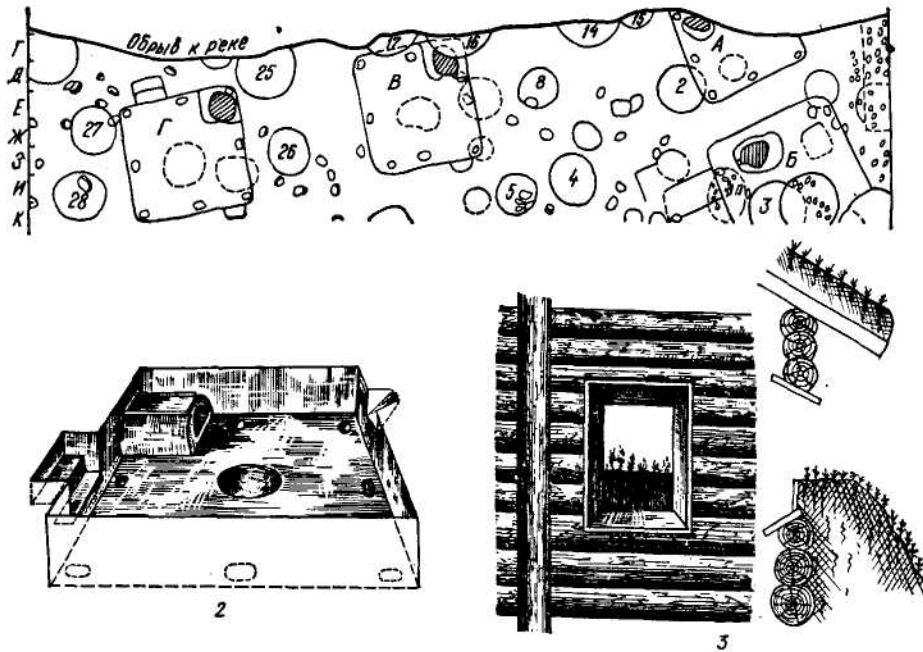

Рис 39. Донецкое городище:

1—план раскопа с открытыми жилищами (раскопки Б. А. Шрамко); 2 — нижняя часть жилища (реконструкция Б. А. Шрамко); 3 — оконный проем в жилище (деталь).

ных ступенек, подошвы которых облицовывались деревянными плашками. Ширина входа составляла 1,12 м, а самих ступенек — около 0,4 м, при высоте 0,25 и 0,35 м.

Во время расчистки полуземлянки В в верхней части противоположного печке угла котлована обнаружен трапециевидный в плане вырез, размерами 0,65 X 0,72 X X 0,49 м, дно которого имело наклон вглубь жилища; его внешний край находился выше пола на 0,59 м, а нижний, внутренний, на 0,39 м. Стенки выреза, видимо, были облицованы деревом (рис. 39, 2—3). Аналогичные конструктивные детали зафиксированы также и в жилищах Г и Д. В первом из них этот вырез напоминает оконный проем. Он был расположен в стене, проти-

воположной входу, и имел примерно такую же форму и размеры, как и в полуземлянке В [309, с. 320; 314, с. 301].

Крыша жилищ роменского типа была невысокой, двускатной. Об этом говорят ямки от больших столбов, располагавшихся по линии, параллельной длинной оси жилища. Эти столбы должны были поддерживать князевую слегу.

На основании материалов раскопок городища Новотроицкого И. И. Ляпушкин предпринял попытку реконструировать внешний облик жилых и хозяйственных сооружений памятников роменского типа [14, с. 193—210]. Реконструкции являются довольно удачными (рис. 40).

Важной деталью роменских жилищ являлись печи, получившие на-

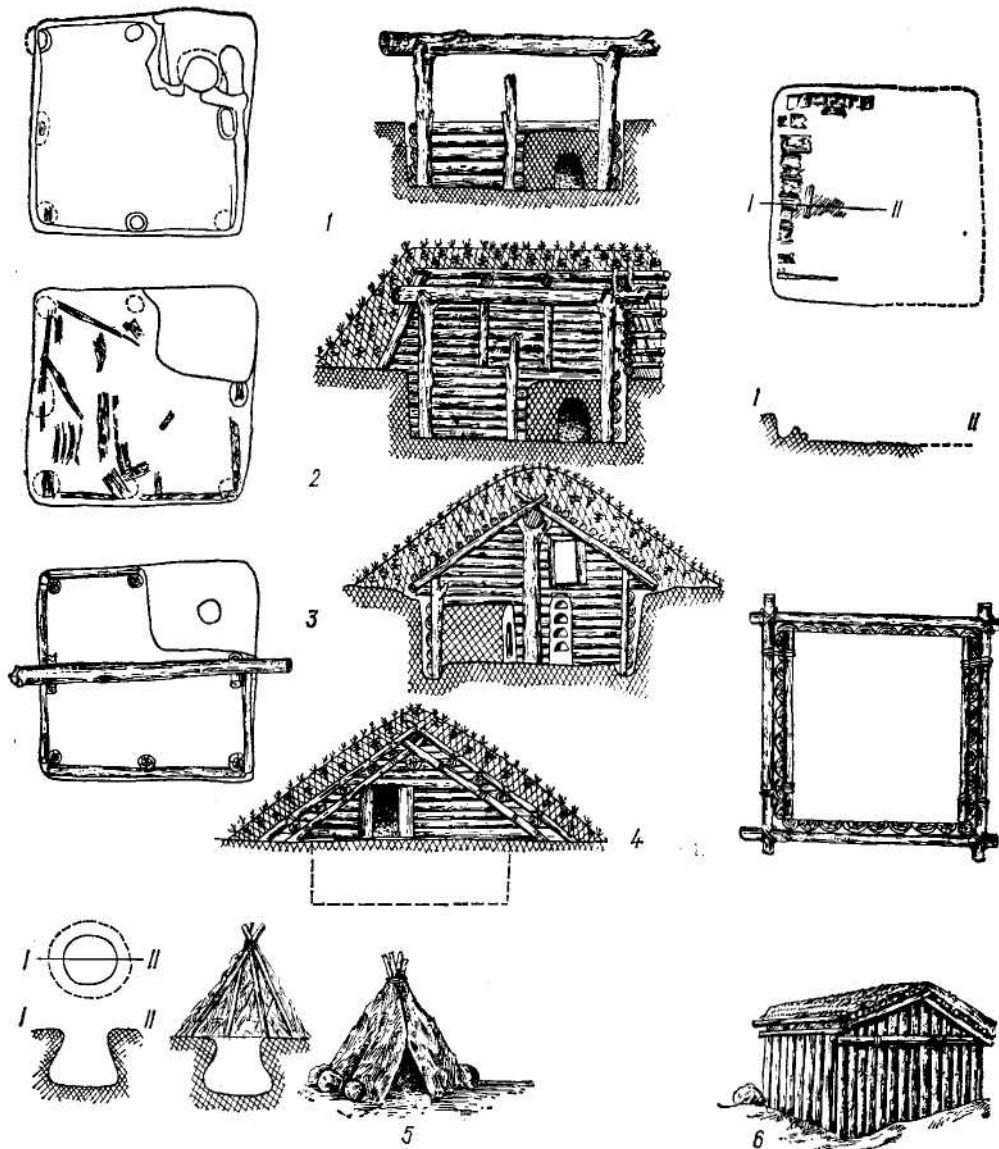

Рис. 40. Реконструкции жилых (1—4) и хозяйственных (5—6) построек на поселениях роменского типа (по И. И. Ляпушкину).

звание глинобитных. Это название, однако, не отвечает действительности, поскольку печи вырезались в останцах материкового грунта одновременно с сооружением нижней ча-

сти полуземлянки. На данное обстоятельство обратил внимание И. И. Ляпушкин, продолжавший, тем не менее, пользоваться традиционной терминологией [144, с. 207].

Печь располагалась в одном из углов жилища и представляла собой кубовидный останец (1,2—1,7 X 1,5 X 1,0—1,3 м), в котором вырезалось овальное или прямоугольное отверстие топки (0,5 X 0,5—0,7 м) с арочными сводами высотой 0,4—0,6 м. В короткой стороне останца прорезывалась топка. На верхней плоскости печи проделывали дымоход диаметром 0,3—0,4 м и более [144, с. 228; 140, с. 129]. В связи с таким непропорциональным топочному диаметром отверстия в своде П. А. Раппопорт высказал предположение, что оно служило для установки горшков с пищей, в то время как дым выходил через топку и вытягивался в волоковое окно. Остатки последнего были зафиксированы в некоторых жилищах Донецкого городища, а также при исследованиях городища Малые Балканы у с. Ницаха Сумской области.

Кроме кубовидных печей в углу жилищ, известны также печи, устроенные в подбоях, в одной из стен полуземлянки. Печи в подбое обнаружены и на поселениях волынцевского типа (Битица, жилище № 1) и некоторых раннероменских (Опошня, жилище № И) [141, с. 63; 144, с. 289, сл.]. Аналогичные печи обнаружены и на Новотроицком поселении, где они существовали одновременно с вырезанными в материке печами (жилища № 3 и № 38) [140, с. 55, 115—118]. По-видимому, печи в подбое следует считать пережиточным явлением, тем более что позднее они совершенно неизвестны на рассматриваемой территории.

Свод печи под действием огня быстро разрушался и для его ремонта использовались глиняные вальки, так называемые конусы самой разнообразной формы, которые

изготавливались из специально приготовленной глины.

Что касается печей полусферической формы, действительно глинобитных, то у нас нет оснований считать их принадлежностью жилищ роменского времени. Более того, наличие керамических остатков эпохи Киевской Руси в жилищах с печами этого типа (Монастырище [155, с. 9—14], Полтава [147, с. 65] и Ницаха) дает основания считать их элементами культуры славянорусского населения времени существования древнерусского государства. Рассматривая этот вопрос, И. И. Ляпушкин не дал на него прямого ответа, но его соображения по поводу глинобитных печей полусферической формы можно отнести в пользу их позднейшего происхождения [144, с. 230]. Очевидно, это мнение справедливо, и наши раскопки на городище Малый Балкан у с. Ницаха подтверждают это.

Из других деталей обстановки роменских жилищ следует назвать «прилавки» или «лежанки» [153, с. 61; 140, с. 82—84; 118—121] (в жилищах № 17, 18, 24 Новотроицкого поселения, в полуземлянке Б поселения Монастырище), которые И. И. Ляпушкин считает своеобразными верстаками: они обнаружены в единичных случаях, а именно в жилищах с остатками ремесленного производства. Можно допустить, что эти останцы, специально вырезавшиеся в материковой глине вдоль стен полуземлянок, могли служить и для других целей, например в качестве своеобразной мебели. Именно так считает Д. Т. Березовец, называя их лежанками для спанья [IV, с. 76]. Однако по отношению к названным жилищам Новотроицкого поселения, по-видимому, прав И. И. Ляпушкин.

Хозяйственные сооружения.

Иногда в жилищах на роменских поселениях встречаются колоколо-видные в разрезе ямы-хранилища, но чаще всего такого рода хозяйственные сооружения располагались за пределами жилищ, что прослеживается на большинстве исследованных памятников. О назначении этих сооружений говорит древнерусский термин «житная яма» [199, т. 1, с. 112]. Размеры их непостоянны и колеблются в пределах 0,5—1,5 м по верхнему диаметру, 0,7—2,0 м по нижнему; глубина ям также была различной — 0,9—2,5—3 м.

Стенки ям на роменских городищах обмазывались глиной, а заочпченность стен некоторых из них говорит о применении профилактических мер против вредителей [144, с. 232 и сл.]. Три такие ямы с обожженными стенками выявлены нами при раскопках городища Малый Балкан около с. Ницаха. По-видимому, ямы имели над собой какие-то деревянные конструкции, о чем говорит наличие обгорелого дерева и золы на некоторых из них. Внешний облик этих сооружений реконструировал И. И. Ляпушкин на материалах Новотроицкого городища (рис. 40). Среди хозяйственных сооружений на роменских поселениях известны и наземные. Так, на Новотроицком городище удалось проследить остатки прямоугольной в плане постройки наземного типа, размерами 2—4 X 2—3 м, стены которых представляли собой вертикально стоящие впритык плахи шириной до 0,3 м. Внутри сооружений обнаружены остатки очагов и ямы [141, с. 209]. Такого рода постройки пока что неизвестны на других роменских памятниках.

До недавнего времени мы не располагали достаточным количеством

данных, чтобы судить о планировке поселений. Небольшие по объему раскопки не позволяли определенно говорить о расположении жилищ относительно друг друга и по отношению к хозяйственным постройкам. Раскопки Новотроицкого поселения позволили прийти к заключению, что сколько-нибудь определенная планировка на городищах отсутствует, видимость порядка им придает одинаковая ориентировка углами по странам света. Жилища располагались очень скученно, но это были отдельные постройки, без какой-либо связи между ними, как это считали авторы раскопок Большого Боршевского городища [90, рис. 5].

Постройки хозяйственного назначения обычно расположены вблизи жилищ, а также и за линией последних. Таковы соотношения жилищ и хозяйственных сооружений на Новотроицком, Опошнянском (рис. 38, 2), Монастырище, Петровском, Ницахском и других поселениях. Исключение составляют жилища Донецкого городища, где были прослежены элементы уличной планировки в расположении полуземлянок по прямой линии с проходами между жилищами, образовавшими улицу, идущую через все городище [316, с. 105] (рис. 39, 1). Это явление не имеет аналогий как на Левобережье, так и на других территориях.

Могильники. Общим для всех восточнославянских племен последней четверти I тысячелетия является курганный тип могильных сооружений, содержащих погребения по обряду трупосожжения. Это обстоятельство подтверждено свидетельствами древних авторов [57, с. 12 и сл.] и археологическими данными [253, с. 308—315; 146, с. 158].

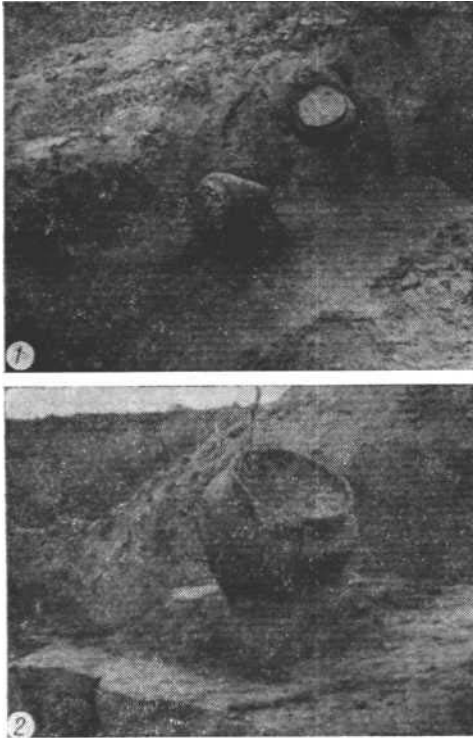

Рис. 41. Курганный могильник у хут. Дорошевка (раскопки Д. Т. Березовца). Погребения № 2, 8.

Почти все известные ныне могильники на территории Днепрового Левобережья раскопал Д. Я. Самоквасов [234; 236]; в советское время их раскапывали Д. Т. Березовец в Посеймье [39, 34], Д. И. Блифельд и Я. В. Станкевич [258, с. 50 и сл.], И. И. Ляпушкин и др. В последние годы внимание исследователей вновь привлекла Седневская курганная группа (Черниговское Подесенье) [303, с. 239], раскапывавшаяся еще Д. Я. Самоквасовым. Таким образом, могильные древности рассматриваемой территории изучены весьма неравномерно: наиболее исследованными районами являются се-

верные районы Левобережья Украины и район Курского Посеймья.

Могильники конца I тысячелетия обычно содержат несколько или несколько десятков насыпей. Таковы изучавшиеся Д. Я. Самоквасовым и Д. Т. Березовцом могильники близ с. Волокитино [234, с. 68—69; 39, с. 56] и Н. Е. Бранденбургом в окрестностях г. Любеча [44, с. 196—198]. В некоторых случаях число насыпей составляет несколько сотен. Так, могильник близ с. Вырьевка в бассейне Сейма состоял из 1500 курганов [234, с. 72—75], до 2000 насыпей насчитывает могильник у с. Журавное [144, с. 255], из нескольких сотен курганов состоял и могильник у с. Ницаха [25, с. 5, сл.] и у с. Снятии [VII, с. 33—34]. Подобная картина объясняется тем, что жизнь на роменских поселениях близ указанных пунктов продолжалась и в более позднее время (XI—XIII вв.); последнее находит подтверждение и в материалах поселений, к которым эти могильники относятся.

Говоря о населении рассматриваемой территории, летописец описал и погребальные обычаи: «мертвеца сожижаху и посем собравше кости, вложяху в судину малу, а поставяху на столпе, на путех...» [197, I, с. 15]. И действительно, еще на первых порах изучения курганных могильников Левобережья Д. Я. Самоквасов указал на группу могильников с трупосожжениями на стороне и лепными урнами в верхней части насыпи [232, с. 343]. Позднее систематизировавшая восточнославянские могильные древности Г. Ф. Соловьева по материалам раскопок могильников VIII—XIV вв. выделила локальные варианты погребального обряда для всей территории Восточной Европы, в том чис-

ле и для Левобережья (группа 1 — в бассейне средней Десны и по всему течению Сейма и в верховьях Сулы) [250, с. 140, сл.]. Эта группа включает полусферические насыпи высотой от 1,5 до 3 м, при диаметре 5—12 м. В верхней части курганов находятся лепные горшки с прахом сожженного на стороне (рис. 41) и сопроводительным инвентарем (личные вещи покойного), носящем на себе следы действия огня. В ряде случаев в насыпи кургана и на горизонте погребений не выявлено. Здесь, видимо, прав А. А. Спицын, считавший, что, находясь на самом верху насыпи, они быстро подвергались разрушению и потому не сохранились до нашего времени [58, с. 226].

Однако такой погребальный обряд не является одинаково распространенным на всей рассматриваемой территории: известны могильники и с иными обрядами; иногда в одних и тех же могильниках наблюдается сосуществование нескольких обрядов (трупосожжение на месте насыпи, трупоположение и т. д.). Г. Ф. Соловьева относит различия в погребальном обряде с захоронением трупосожжений за счет этнографических различий [250, с. 146—148].

Иной точки зрения придерживается Д. Т. Березовец, определяющий различия хронологией, которая отражает определенную эволюцию погребального обряда на Левобережье. Согласно его мнению, самые ранние роменские курганы содержат урны в верху насыпи, позднее урны углубляются в насыпь сначала на $\frac{1}{4}$ высоты насыпи, затем на половину, заменяясь наконец трупосожжением на месте, которое в свою очередь сменяется трупоположением [IV, с. 129].

При всей стройности этой схемы трудно согласиться с чисто хронологическим подходом к проблеме эволюции погребального обряда с трупосожжением, хотя бы потому, что на очень широких территориях курганы с трупосожжениями на месте * одновременны роменским. Время их бытования VIII—IX вв. По-видимому, говоря о погребальном обряде, следует учитывать различия этнографического порядка. Так, в междуречье Десны и Днепра, по наблюдениям Д. Я. Самоквасова, курганы с трупосожжениями на стороне «образуют отдельные скопления рядом со скоплениями курганов, покрывающих кострища» [236, с. 68]. Это может указывать на иноплеменные включения на северянской территории. В связи с этим необходимо заметить, что вышеназванный район находится в непосредственной близости от ареала распространения могильников с трупосожжениями на горизонте (II и IV группы по Г. Ф. Соловьевой) [250, с. 146—148, рис. 2]. Интересно, что в этих же районах за пределами северянской территории, наряду с трупосожжениями на месте, выделяются курганы с сожжением покойника на стороне и урнами в верхней части насыпи [94, с. 11—72], что может свидетельствовать о контактах населения Левобережья с их западными и северными соседями.

Помимо наличия курганных могильников с сожжением на горизонте и пережженными костями в кострищах, на рассматриваемой территории известны погребения с захоронением в ямах различной глубины и величины под насыпью. Такие

* Днепро-Сожская, Бобруйская, Речицкая, Окская, Московская, Вяземская группа (I, III, IV, V, VI, VII) [250, с. 141—144].

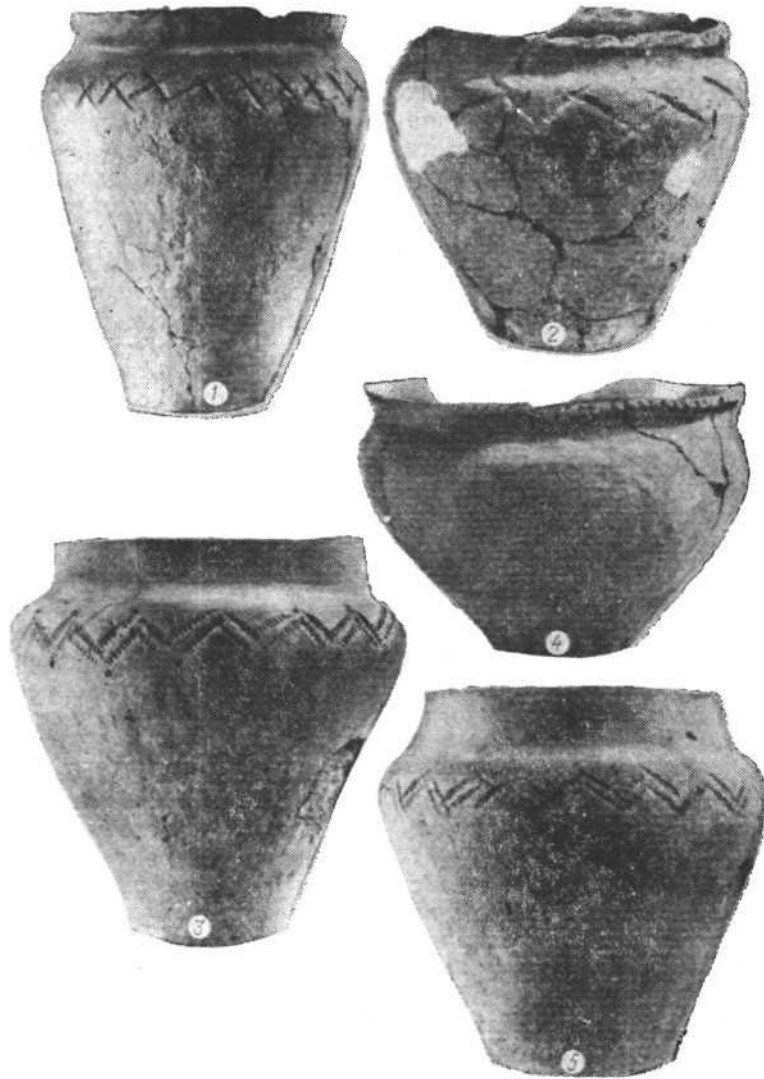

Рис. 42. Сосуды роменского типа:
 1—3, 5 — из курганного могильника у хут. Дорошевка; 4 — миска из раскопок
 городища у с. Воргол (раскопки Д. Т. Березовца, 1949 г.).

курганные погребения в ямках, куда ссыпались результаты кремации, были выявлены в районе Трубчевска, наряду с аналогичными бескурганными захоронениями [22, рис. 4]. Последние известны и на Северском Донце. Так, Б. А. Шрамко на До-

нецком городище в роменском слое обнаружил одно бескурганное погребение в ямке, куда были ссыпаны пережженные кости вместе с углями погребального костра [314, с. 314]. Отметим, что в Кветунском могильнике такие захоронения отно-

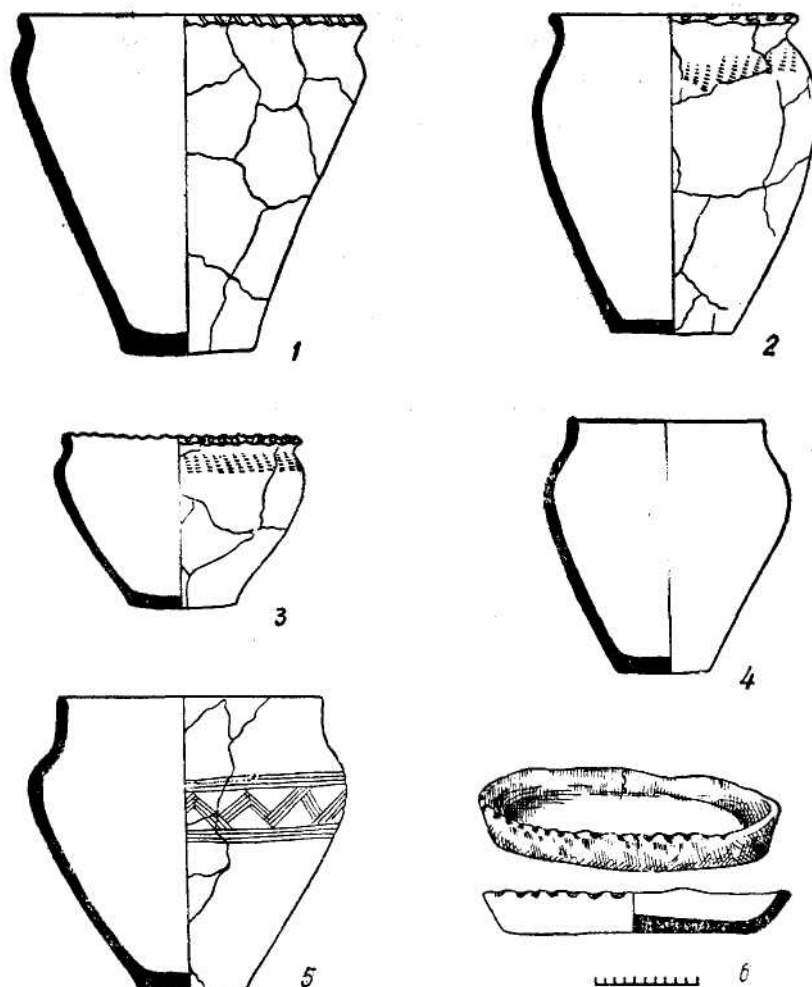

Рис. 43. Основные формы посуды (1—6) с поселения у с. Новотроицкое Сумской области (по И. И. Ляпушкину).

сятся к более раннему времени. Таким образом, на изучаемой территории погребальный обряд не одинаков, что, на наш взгляд, следует объяснять причинами как этнографического, так, вероятно, и хронологического порядка.

Керамика. Среди материалов раскопок и в подъемном материале с роменских поселений преобладают

остатки преимущественно лепной посуды. Своеобразие роменской керамики неоднократно привлекало внимание специалистов. Специально орнаментации раннеславянской керамики роменского типа посвятил одну из своих статей Н. Е. Макаренко [156, с. 323—332]. Орнаментация роменской керамики в связи с происхождением славянского на-

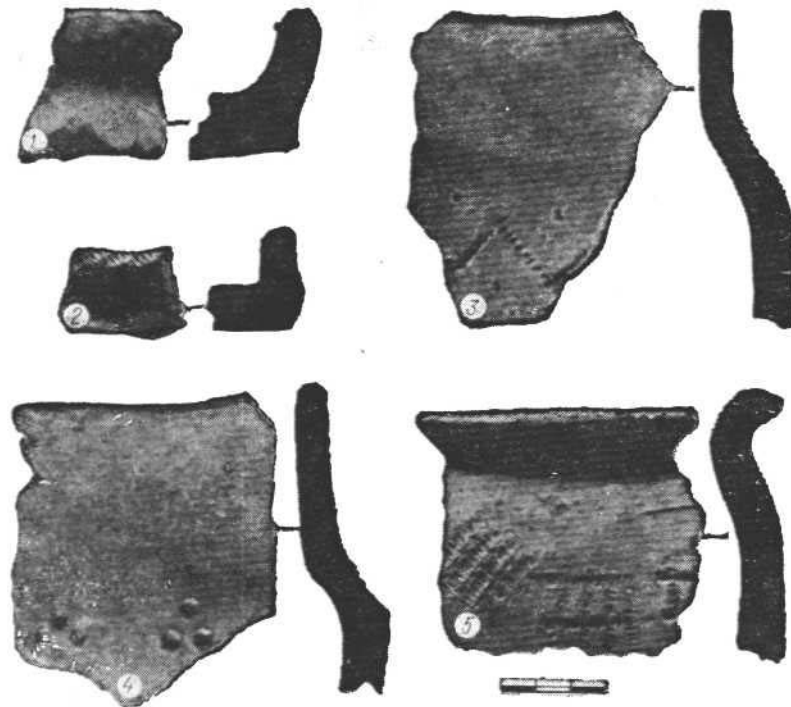

Рис. 44. Образцы керамики (1—6) с городищ «Балканы» у с. Ницаха (сборы автора 1971 г.).

селения Левобережья недавно вновь привлекла внимание П. Н. Третьякова [287, с. 78—90].

Характеристику и подробную классификацию роменской керамики дал в своей монографии И. И. Ляпушкин на материалах лишь Новотроицкого поселения [140, с. 32, ел., рис. 18], что в какой-то степени сказалось на полноценности проделанной им работы, обеднив богатство роменского керамического комплекса.

Вся керамика подразделяется на две большие группы — кухонную и столовую. Соответственно ее назначению применялась и различная технология при изготовлении той или иной посуды [145, с. 238, сл.]. К первой группе относятся горшки, миски, сковородки (рис. 42, 1—3, 5;

рис. 43, 1—6). Вторую группу составляют средневековые амфоры из городов Северного Причерноморья, Приазовья и Крыма, а также импортная гончарная керамика салтовского круга.

Несколько подробнее следует остановиться на характеристике керамики первой группы, подразделенной И. И. Ляпушкиным на четыре типа.

Первый тип составляют кухонные горшки с выпуклым туловом, невысоким отогнутым венчиком; диаметр горла таких сосудов всегда меньше высоты, а диаметр дна составляет половину диаметра горловины. В тесте — значительные примеси шамота, реже — дресвы, толщина стенок достигает 1 см. Цвет поверхности темно-бурый, в изло-

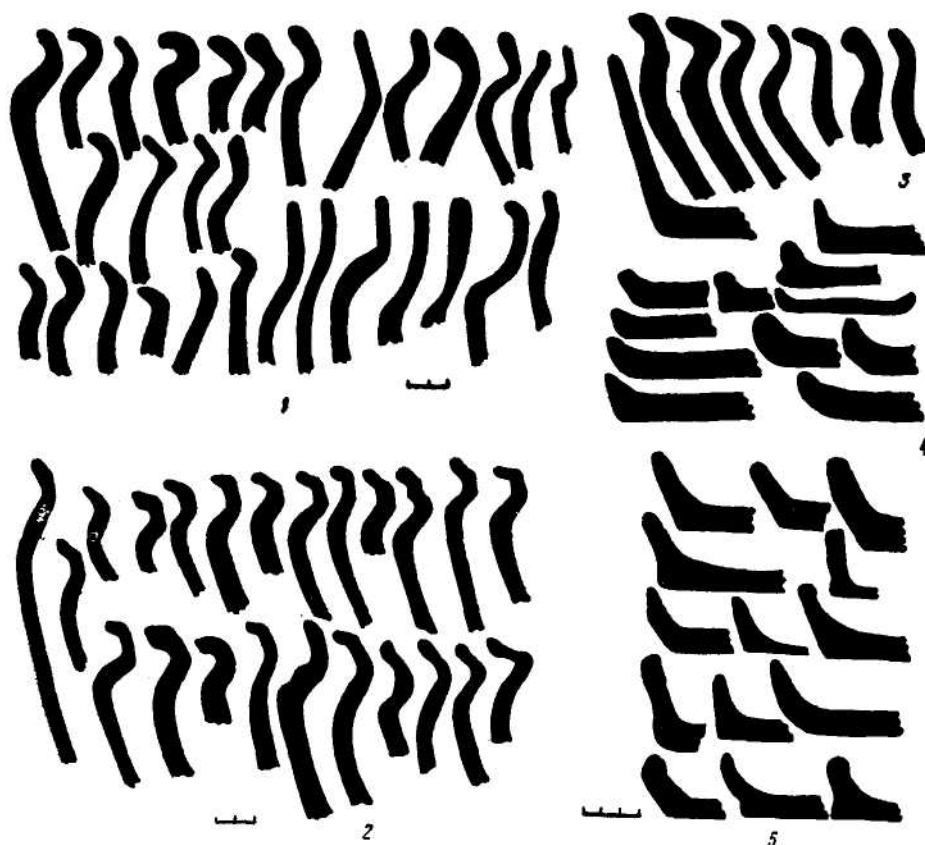

Рис. 45. Профили роменской керамики:

1 — раннероменская керамика; 2 — позднероменская керамика; 3 — профили мисок; 4 — профили сковородок; 5 — профили тарелок.

ме — черный. Обычную орнаментацию сосудов этого типа составляют нанесенные по срезу венчика, плечикам, тулову отпечатки веревочного штампа, насечка, пальцевые защипы в различных сочетаниях. Иногда применялись и другие орнаментальные мотивы, например, врезная горизонтальная и волнистая линии в самых различных комбинациях (рис. 43, 2).

Второй тип горшкообразных сосудов имеет более широкую горловину, слабовыраженный венчик и плечики, коническую форму тулова

и дно, диаметр которого составляет $\frac{1}{3}$ диаметра горловины. По тесту и цвету черепка эти сосуды аналогичны горшкам первого типа. У сосудов этого типа орнаментировался только срез венчика тем же приемами, что и венчики сосудов первого типа (рис. 43, 1).

Сосуды третьего типа имеют также широкую горловину, слабовыраженные венчики и плечики, округло-выпуклое тулово и широкое дно, при близком соотношении ширины и высоты. Орнаментировался только край венчика и плечики (рис. 43,

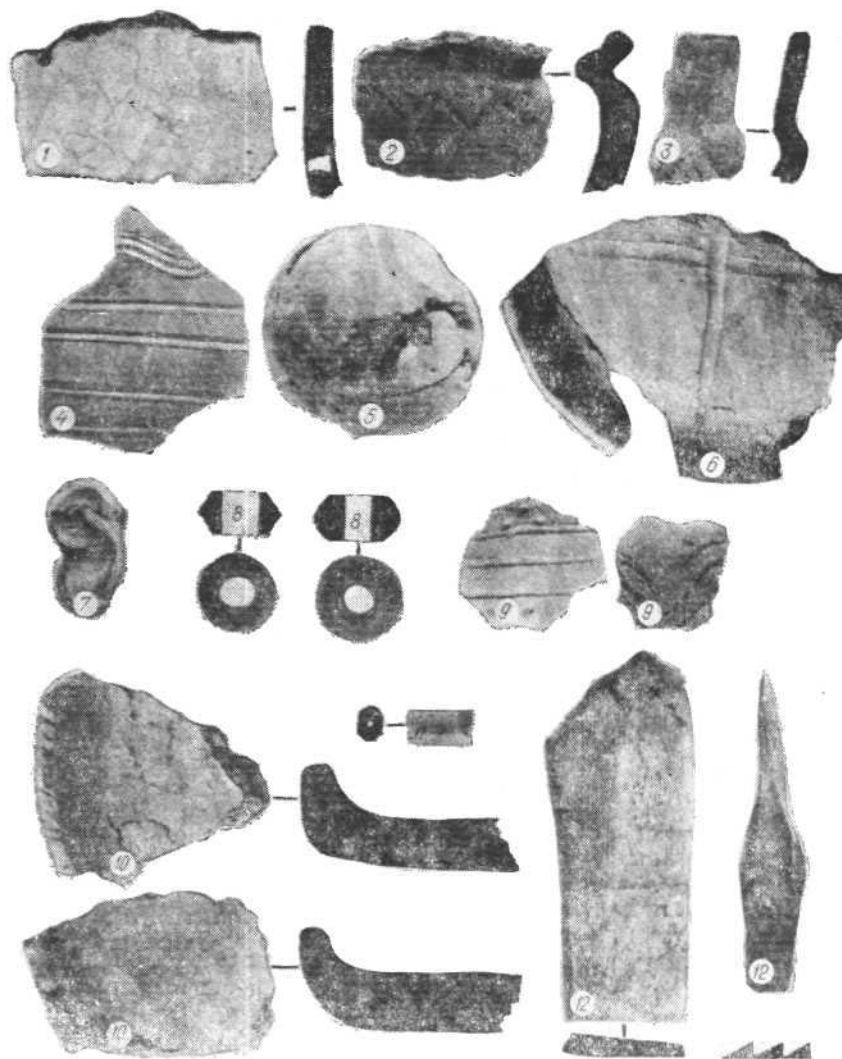

Рис. 46. Городище у с. Красное Утро:

1—4, 5, 6, 9, 10—образцы керамики; 7—астрагал-амулет; 8—шиферные пряслица; 11—сердечковидная бусина; 12—изделия из кости.

3, 2). Горшки четвертого типа по своим формам отличаются от описанных выше своим цилиндрическим венчиком (до 7 см высотой), иногда слегка наклоненным вовнутрь (рис. 44, 3, 5). Плечики этих сосудов выражены резко, иногда плавно

переходят в коническое тулово. Пропорции этих горшков неустойчивы. Отличает их и более совершенная технология: они изготовлены из относительно чистой глины, их поверхность гладкая, а обжиг лучшего качества. В некоторых случаях поверх-

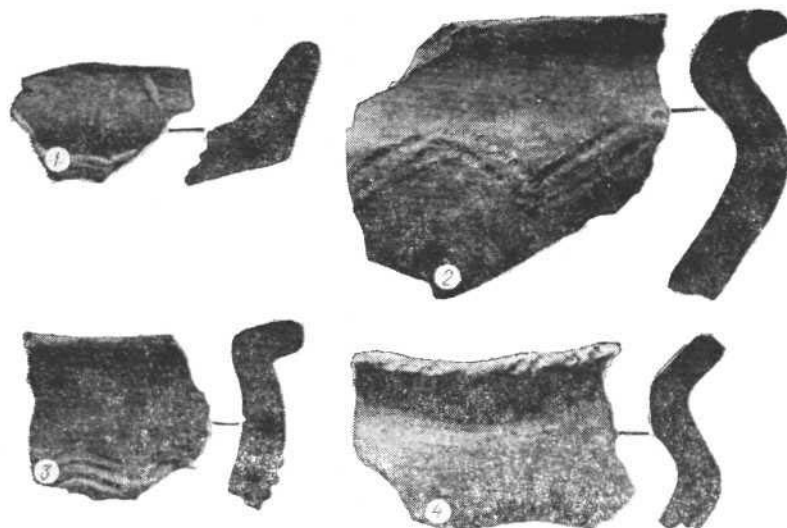

Рис. 47. Образцы раннегончарной посуды роменского типа с посада и городища у с. Заречное (сборы автора).

ность горшков четвертого типа покрывалась частичным лощением. Обычные роменские приемы орнаментации применялись наряду с использованием лощения в виде вертикальных полос. В этом случае край венчика не орнаментировался, а отпечатки веревочного штампа наносились по тулову или плечикам (рис. 43, 4).

Сосуды второй подгруппы представлены мисками с широким горлом, диаметр которого значительно превышает их высоту. В составе теста примеси шамота или дресвы более мелкие, вследствие чего поверхность мисок получалась сравнительно более гладкой и ровной. Орнаментировался край венчика, иногда плечики. Стенки мисок толстые (1 — 1,5 см), дно имеет толщину до 2 см (рис. 42, 4). Кроме того, имелись и конусовидные миски, несколько экземпляров которых мы обнаружили при раскопках роменской землянки на городище Малый Балкан близ с. Ницахи (рис. 45, 3).

Третья подгруппа представлена сковородками с высоким (4—5 см) бортиком, при диаметре 20—25 см. Бортик имеет наклон наружу; обрез бортика часто орнаментирован косыми отпечатками веревочного штампа, насечкой или пальцевыми вдавлениями. Иногда по дну с внутренней стороны пальцем наносился крест (Красное Утро, рис. 46, 6) *, Новотроицкое [140, с. 42; 144, с. 240 и сл.] (рис. 43, 6). По-видимому, среди этой подгруппы можно выделить и тарелки, которые отличаются от сковородок более высокими бортиками (рис. 45, 4). В эту же группу следует включить и противни, иногда монтировавшиеся непосредственно на сводах печей (Донецкое городище) [314, с. 305; 309, с. 320]. Такого рода противни, бортик которых достигал 10—15 см, при толщине до 5 см и диаметре около 0,6 м, известны на поселениях волынцев-

* Раскопки автора в 1968 г. Материалы не опубликованы.

ского типа и ранних роменских (Опошня), Кнышевка *.

К четвертой группе относятся кувшинообразные узкогорлые сосуды, представленные незначительным количеством фрагментов.

Здесь мы не станем рассматривать привозную гончарную керамику, выявленную на ряде городищ роменского типа. Заметим лишь, что она резко выделяется из роменского керамического комплекса [144, с. 241].

Хотя в большинстве своем роменская керамика изготавливалась от руки, есть основания предполагать, что какая-то ее часть на отдельных памятниках производилась на примитивном гончарном круге (рис. 47). В пользу этого говорят, в частности, случаи находок в одних и тех же жилищах лепной и гончарной славянской посуды (Монастырище, Гочево, Малый Балкан у с. Ницахи), немногочисленные находки днищ роменских сосудов с клеймами (Коробов хутор [314, с. 306—307]). Интересен в этом отношении обломок сосуда из роменского слоя Донецкого городища. Сосуд изготовлен из хорошо отмученной глины с очень мелкими зернами шамота, ровной и гладкой поверхностью. На внутренней стороне обломка видны характерные полосы, образованные вращением круга. Орнамент этого черепка типично роменский, образованный сложным переплетением отпечатков палочки с намотанной веревочкой**. Гончарная посуда, украшенная роменским орнаментом в сочетании с линейно-волнистым (многорядным); она из-

вестна также и на ряде других поселений Днепровского Левобережья: Петровское (рис. 47), Ницаха, Буромка (рис. 48, 1), Посудичи (рис. 48, 3), Монастырище (рис. 48, 2, 4, 5, 8) *.

Следует заметить, что не на всех памятниках рассматриваемой культурно-хронологической группы керамический комплекс однообразен по своему составу, технологии, орнаментации. Так, из числа роменских городищ выделяется Опошнянское, где почти отсутствует орнаментированная посуда (рис. 49, /—6). Данное поселение к тому же отличается и рядом других особенностей, в частности наличием в его керамике сковородок с низким бортиком, отличающихся от этой группы посуды большинства роменских городищ (рис. 45, 5). Такие же типы сковородок имеются и в керамическом комплексе Новотроицкого поселения.

На некоторых роменских поселениях наряду с раннегончарной роменской встречается произведенная на кругу посуда, близкая к так называемой керамике курганного типа (Новотроицкое [144, с. 44—46], Монастырище [155, с. 14]), равно как и типичная древнерусская (Полтава [147, с. 58—75], городище Курган у с. Волынцево **, Шестовица (рис. 21, 8).

Из других глиняных изделий нужно отметить пряслица, чаще всего усеченнобиконической формы, с широким отверстием. Очень редко встречаются глиняные пряслица овальной формы. На некоторых роменских поселениях выявлены ши-

* Разведка М. П. Кучеры и автора в 1971 г. Материалы хранятся в фондах ИА АН УССР.

** Хранится в археологическом музее ХГУ, инв. № 1506/57.

* Сборы автора. Хранятся в ИА АН УССР.

** Сборы автора и М. П. Кучеры в 1971 г. Хранятся в Институте археологии АН УССР.

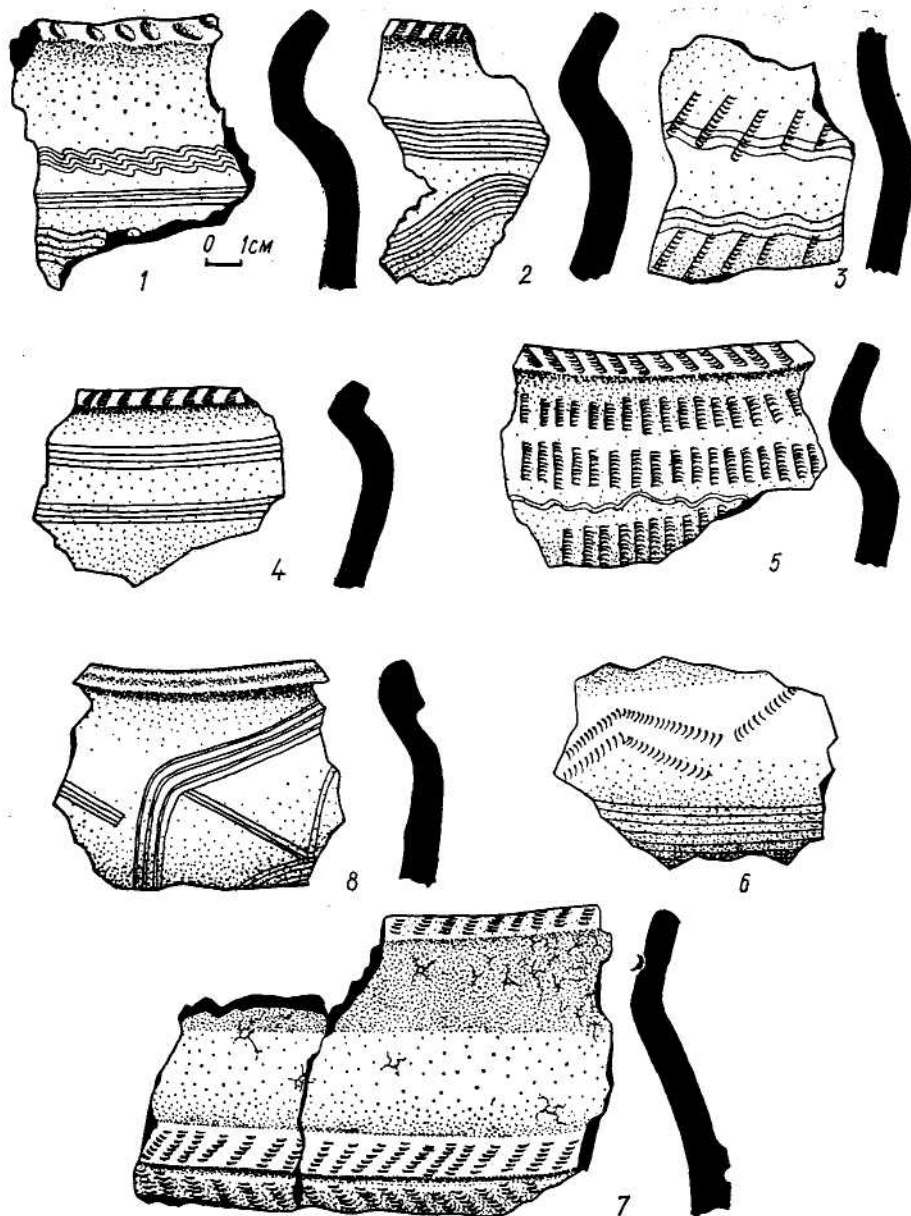

Рис. 48. Роменская керамика переходной технологии:

1 — городище у озера Буромка; 2, 4, 5, 8 — городище Монастырище; 3 — поселение близ с. Посудичи; 6 — Горки (разведки Д. Т. Березовца); 7 — Горки (разведки И. И. Ляпушкна).

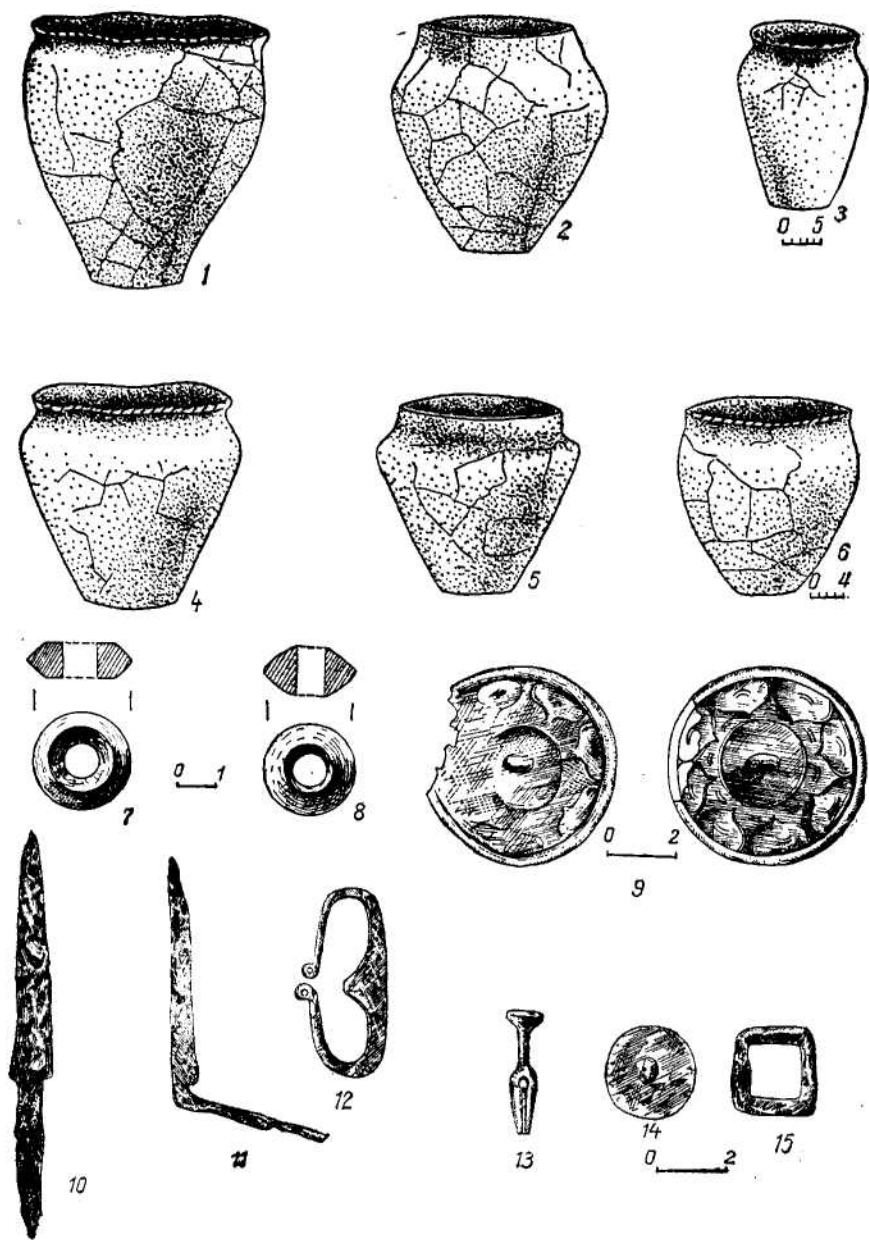

Рис. 49. Поселение у Опшны Полтавской обл.:

1—6 — основные формы сосудов; 7—8 — пряслица; 9 — зеркало; 10, 11 — ножи; 12 — кресало; 13 — пуансон; 14 — бляшка; 15 — пряжка.

ферные пряслица, обычно считающиеся принадлежностью славяно-русской культуры относительно более позднего времени [291, с. 138 и сл.; 138, с. 32—34; 206, с. 220]. Однако при шурфовке городища у с. Красное Утро нами было найдено шиферное пряслице округленнобиконической формы, которое было обнаружено в слое с исключительно роменской керамикой (рис. 46, 8) *. Аналогичные пряслица в жилищах с исключительно роменской керамикой в заполнении мы нашли во время раскопок городища Малый Балкан у с. Ницахи. Вероятно, наличие шиферных пряслиц в роменских слоях следует объяснять относительно более поздним существованием в данных пунктах роменских поселений. По-видимому, еще в начале XI в. население этого «медвежьего угла» на окраине древнерусского государства продолжало сохранять свой уклад и свои традиции в условиях sporadического проникновения продукции культурно-ремесленных центров Киевской Руси.

Хронология. Вопрос периодизации роменской культуры. Степень изученности памятников роменского типа такова, что вряд ли может вызывать сомнение датировка культуры в целом рамками VIII—X вв., которые были определены еще Н. Е. Макаренко [VIII, № 242]. Все же в распоряжении науки долгое время не было материалов, непосредственно устанавливавших хронологию древностей этой культурно-хронологической группы, что заставляло привлекать материалы синхронных памятников Подонья [135, с. 121 и сл.]. Вместе с тем наличие на собственно роменских го-

родищах своеобразной лепной керамики при отсутствии гончарной древнерусской позволяло датировать их временем до эпохи образования Киевской Руси. Хронологические рамки роменской культуры определялись также на основании импортных салтовских вещей и керамики, датировка которых VIII—X вв. не вызывала сомнений [192, с. 135—143, рис. 36].

В последние годы исследования Днепровского Левобережья позволили найти материалы для подтверждения традиционной датировки роменских памятников. Так, на Новотроицком поселении был обнаружен клад, содержащий украшения и восточные монеты VIII—IX вв. Аналогичные находки известны и на других памятниках Левобережья [314, с. 310, рис. 125]. Таким образом, общая хронология памятников роменского типа определяется некоторым архаизмом культуры, наличием монетных находок и импортов последними столетиями I тысячелетия н. э. [144, с. 234 и сл.].

Но не все роменские памятники одновременны в этих, довольно широких рамках. Материалы и некоторые особенности ряда городищ украинского Левобережья позволяют подразделить их на две хронологические подгруппы: раннероменскую и позднероменскую. К первой следует отнести такие ранние городища, которые имеют черты, сближающие их с памятниками предшествующего времени. Таковы поселения у с. Опошня и близ с. Новотроицкого, незначительность укреплений на которых (Опошня — рис. 38, 1) либо полное отсутствие их (Новотроицкое) роднят эти памятники с древностями третьей четверти I тысячелетия н. э. Вместе с тем их местоположение в точках, гое-

* Раскопки автора в 1968 г. Хранятся в фондах ИА АН УССР.

подступающих над местностью, ничем не отличается от топографических условий, в которых расположено большинство роменских городищ. До VIII в. укрепления вокруг раннеславянских поселений вообще нехарактерны, что наряду с другими чертами дает основания относить указанные памятники к ранней поре роменской культуры.

Помимо этого, керамический комплекс Опошнянского поселения имеет некоторые отличия от типично роменской посуды. Эти отличия проявляются в несколько иных ее формах, в отсутствии характерного веревочного орнамента на плечиках и наиболее широкой части сосудов, в наличии присущих волынцевским памятникам глиняных блюд и сковородок с невысоким, чуть намеченным, бортиком, столь свойственных памятникам третьей четверти I тысячелетия н. э. В керамике Новотроицкого поселения также отмечают черты, роднящие его с предшествующими памятниками. Речь идет о группе сосудов баночной или тюльпановидной формы, которые имеются и в керамическом комплексе Опошнянского поселения.

Таким образом, памятники типа Опошни и Новотроицкого типологически отличаются от большинства роменских городищ. Вещи, найденные на Опошнянском поселении, датируют его временем до IX в. Таково, например, зеркало салтовской схемы (рис. 49. 9), аналогичное зеркалам из могильника Чми на Северном Кавказе [144, рис. 120 (6)]. По Н. Я. Мерперту, они датируются VII — первой половиной VIII в. [163, рис. 2], что, наряду с другими данными, позволяет этим временем датировать и названное поселение. Нижняя граница существования Новотроицкого поселения по сово-

купности украшений определяется рубежом VIII—IX вв., а верхняя — на основании монетных находок и салтовской керамики — рубежом IX—X вв. [140, с. 26—30; 44—46; 186—188]. Отсюда следует, что раннероменский этап можно датировать VIII—IX вв.

Если основой для выделения раннероменского этапа послужили типологические особенности некоторых памятников конца I тысячелетия, то для выделения второго, позднего этапа приходится руководствоваться какими-то иными критериями. И. И. Ляпушкин, говоря о безнадёжности попыток расчленения всей массы древностей этой культурно-хронологической группы на отрезки, в свое время писал, что все попытки «найти критерий для такого членения в материалах роменских памятников, помимо салтовских вещей, не увенчались успехом» [144, с. 244]. И это действительно так, если судить исходя из наличия или отсутствия салтовских импортов на городищах роменского типа. Однако отсутствие салтовских вещей на том или ином поселении говорит скорее не о прекращении жизни на нем, а о прекращении ввоза, которое могло быть вызвано самыми различными причинами во второй половине X в. Именно к этому времени относят исчезновение салтовской культуры, но остается неясным вопрос о судьбе аланских племен, оставшихся на территории Левобережья. Независимо от этого жизнь на памятниках роменского типа продолжалась и позднее указанного времени.

Топография памятников конца тысячелетия также не может служить основанием для их расчленения. Точно так же нельзя привлечь и планировку укреплений: и в ро-

менское время известны городища с кольцевой планировкой системы оборонительных сооружений, обычно относимой ко времени Киевской Руси, и в X—XIII вв. продолжают существовать городища мысовой топографии. Наличие в подъемном материале, наряду с роменскими, культурных остатков древнерусского времени не всегда может свидетельствовать о позднем существовании того или иного поселения роменского типа. Так, на Донецком городище между роменским и древнерусским слоями был зафиксирован слой пожарища, датированный имитацией табаристанского диргема начала X в. Эта дата может указывать на середину X в., как на время гибели роменского поселения. По наблюдению Б. А. Шрамко, после этого площадка городища была выровнена обитателями, оставившими материалы древнерусской культуры.

По-видимому, такая картина может иметь место и на других городищах роменской культуры, в подъемном материале которых встречаются культурные остатки X—XIII вв. Более определенно судить об этом трудно вплоть до проведения массовых раскопок. Тем не менее, мнение И. И. Ляпушкина о невозможности отыскать критерии для членения роменской культуры на более мелкие хронологические отрезки в рамках VIII—X вв. представляется слишком пессимистическим. По материалам раскопок некоторых городищ с роменскими отложениями можно предполагать их непрерывное существование вплоть до середины XIII в. Перемежающие прослойки между роменскими и древнерусскими слоями на этих памятниках не были зафиксированы. Наличие таких прослоек (вроде слоя пожарища на Донецком горо-

дище и последующей нивелировки его площадки), вероятно, дает основания для выделения ряда роменских памятников, прекративших свое существование на рубеже IX—X вв., и группы поселений роменского типа, жизнь на которых продолжалась в X—XIII вв. Помимо этого, критерием такого членения может служить непосредственно анализ керамического комплекса последних, который дает возможность проследить перерастание роменской керамики в гончарную киеворусскую (рис. 45, 2). Такие материалы имеются на упоминавшихся городищах Монастырище, у сел Гочево, Красное Утро, Ницахи и некоторых других (рис. 47). Так, на Гочевском городище в одной печи совместно были обнаружены лепные и гончарные сосуды [217, с. 76 и ел.], подобная картина отмечена Н. Е. Макаренко в землянке В на городище Монастырище [156, с. 338]. В керамическом комплексе городища у с. Красное Утро автором были выявлены фрагменты венчиков лепных сосудов, повторяющих венчики гончарных сосудов киеворусского типа X—XI вв., и гончарные горшки, орнаментированные обычным веревочным орнаментом, характерным для собственно роменской керамики*. Аналогичные находки имеются и в керамике, происходящей из раскопок городища у с. Ницаха, произведенных автором в 1973 г.**

На наш взгляд, это дает основания предполагать какой-то период сосуществования роменской и киеворусской культур, что, в свою очередь, позволяет выделить опреде-

* Материалы разведки автора в 1968 г. Хранятся в фондах ИА АН УССР.

** Материалы хранятся в Сумском краеведческом музее.

ленную группу памятников, которую вероятнее всего датировать X — началом XI в.

Картина будет неполная, если не упомянуть о некоторых памятниках, занимающих промежуточное положение между ранне- и позднероменскими. По-видимому, одним из таких памятников является Донецкое городище, где были найдены восточные монеты VIII—IX вв. В сочетании с находками салтовских украшений и керамики вместе с ранне-средневековой саблей в остатках оборонительных конструкций роменского слоя монетные находки позволяют определять начало славянского поселения на этом памятнике первой четвертью IX в. (табаристанская монета 780 г. н. э.) [314, с. 313—314]. Грубое подражание кифическому диргему указывает на середину IX в. как верхнюю границу существования роменского посе-

ления [314, с. 314]. Вероятно, по мере дальнейшего систематического изучения роменских поселений таких памятников промежуточного периода будет выявлено больше; сейчас же в качестве таковых мы можем назвать лишь Донецкое и, предположительно, Волокитинское городища.

Таким образом, определяя в целом существование роменской культуры рамками VIII — началом XI вв., мы предлагаем расчленить ее на ранне-роменский и поздне-роменский периоды, соответственно датирующиеся VIII—IX и X — началом XI в. При этом необходимо помнить, что четкой грани между этими периодами нет, как ее нельзя провести между временем третьей четверти тысячелетия и роменским периодом, с одной стороны, и между роменской культурой и эпохой Киевской Руси — с другой.

Глава III

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕВОБОЕРЕЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

В специальной литературе указывалось на относительное хозяйственное и культурное однообразие раннеславянских культур на всей территории их обитания [143, с. 203 и сл.; 283, с. 249 и сл.], что в известной степени облегчает нашу задачу, позволяя привлекать материалы исследования славянских памятников смежных областей для характеристики социально-экономического развития населения Левобережья.

Восточные славяне второй половины I тысячелетия н. э. стали объектом пристального внимания византийской дипломатии. Это было вызвано возросшей политической активностью славянских племен, усиливших в это время натиск на границы империи. Наряду с сообщениями о различных сторонах жизни славян, раннесредневековые авторы оставили сведения об их хозяйственной деятельности.

О земледельческом характере занятий славянского населения говорит Менандр, упоминая о нивах и посевах, сжигаемых аварами во время их набегов на славянские поселения [166, с. 276]. По свидетельству Феофана, фуражиры византийского войска получают большие запасы продовольствия в славянских землях [166, с. 276—280]. О наличии животноводства у раннеславян-

ских племен свидетельствует (Псевдо) Маврикий, говоря «о больших количествах разнообразного скота», наряду с «кучами проса и пшеницы», а также «плодов земных», в которых нетрудно видеть продукты огородничества. О скотоводстве говорит Иоанн Эфесский, называя табуны коней у славянского населения. Сообщения древних авторов о земледельческом характере занятий славян находят подтверждение в конкретных материалах археологических раскопок на различных территориях их расселения.

Земледелие. Немаловажное значение для освещения характера хозяйства жизни древних славян имеет местоположение поселений. Выше мы отмечали, что для поселений этого периода преобладающим является расположение на возвышенностях и всхолмлениях среди поймы, на первых надпойменных террасах или же пологих участках мысов коренных берегов рек. В таких топографических условиях расположены поселения V—VII вв. в Подесенье на Левобережной Украине. Об аналогичных условиях местности, выбираемой славянами для поселений, сообщает (Псевдо) Маврикий, повествуя, что «они (славяне — О. С.) селятся в лесах у неудобопроходимых берегов рек, бо-

лот и озер...» [98, с. 36]. Отметим, что в настоящее время почти все места древних поселений заливаются во время весенних паводков.

По мнению специалистов-климатологов, в рассматриваемое время климат Днепровского Левобережья характеризовался засушливостью, которая сменилась периодом увлажнения, наступившим не ранее VIII в. н. э. [48, с. 93; 47]. Подобные климатические условия благоприятствовали освоению пойменных черноземов, что при несовершенстве средств обработки почвы имело определяющее значение для выбора места поселения. В качестве примера может служить поселение в урочище Вишневом близ с. Курган Азак Лебединского района Сумской области. Поселение находится в 600 м к северу от села, у подножья правого коренного берега р. Псел, на невысокой (до 1—2 м) площадке. Здесь река делает излучину, отступая от коренного берега к востоку на 1,8—2 км. Таким образом, поселение площадью не более 31 м² располагает удобными землями, площадь которых составляет около 400 га (рис. 3, 1).

Селищу у с. Курган Азак аналогичны по местоположению другие поселения в бассейнах рек Псел и Сейм [102, с. 55, рис. 1]. Точно такая же картина наблюдается на памятниках рассматриваемого времени в Подесенье и Верхнем Поднепровье, на Правобережной Украине [32, с. 145—158; 211, с. 394 и сл.] и в Побужье [300, с. 320 и сл.], а также за пределами нашей страны [325; 335].

Местоположение раннеславянских поселений говорит о том, что их население занималось земледелием. Об этом же свидетельствуют

находки отпечатков культурных злаков на днищах сосудов. Находки эти немногочисленны, но они дают представление о возделываемых культурах. Так, отпечатки полбы и проса обнаружены на днищах сосудов в материалах многослойного раннеславянского селища близ с. Яковлевичи (бассейн Десны) [92, с. 193], поселения в урочище Вишневом около с. Курган Азак (р. Псел), а также отпечатки соломы, зерен проса, ячменя и пшеницы в материалах селища близ пос. Задонецкое (бассейн Северского Донца) [XIV, с. 5]. Многочисленные зерновые ямы, расположенные в жилищах (Волынцево) и за их пределами, также свидетельствуют о занятии земледелием на славянских поселениях.

В материалах городища Новотроицкого обнаружены обгоревшие зерна ржи, пшеницы, ячменя и проса [140, с. 211]. Вряд ли в VIII—X вв. эти культуры были новыми, тем более что большинство из них на территории Европы известны еще со времени неолита [319, с. 534 и сл.]. В трипольскую эпоху уже знали мягкие и твердые сорта пшеницы [41, с. 584 и сл.] *. Они известны и на памятниках скифского и зарубинецкого времен [186, с. 13; 319, с. 54]. В эпоху раннего железного века в Восточной Европе выращивали рожь [116, с. 18; 111, с. 60; 186, с. 13]. К числу древнейших злаковых относят просо [116, с. 18]. Уже в период позднего неолита на территории Приднепровья выращивают ячмень [116, с. 17—18], что

* По мнению некоторых специалистов, пшеница в лесной полосе Восточной Европы начиная с эпохи раннего железного века постепенно сменяется рожью, как более нетребовательным и холодостойким растением [116, с. 20 и сл.].

подтверждается палеоботаническими находками.

Зерна и отпечатки овса обнаружены на памятниках раннего железного века [319, с. 54] и конца I тысячелетия н. э. [297, с. 5—10]. В слое роменского времени на Донецком городище обнаружены зерна вики и гороха [314, рис. 119], последний известен в Восточной Европе с эпохи бронзы [52, с. 102].

К числу древних огородных культур относится репа, обнаруженная на Бискупинском поселении в Польше [334] и на зарубинецких памятниках Поднепровья [278, с. 132 и сл.; 186, с. 11].

Такие технические культуры, как лен и конопля, также представлены на территории Восточной Европы [246, с. 401 и сл.; 116, с. 19]. Семена и стебли льна найдены в жилище роменского времени на Донецком городище [314, рис. 118 (1)].

Приведенные данные о палеоботанических находках культурных растений, выращиваемых населением Приднепровья задолго до рубежа нашей эры, свидетельствуют о давних традициях земледелия на рассматриваемой территории. Безусловно, такой или близкий к нему ассортимент культур возделывался раннесредневековым населением. Для эпохи Древней Руси характерен почти тот же набор [124, с. 52—56; 84, с. 129—145; 262—265]. Состояние археологического и палеоботанического изучения памятников третьей четверти I тысячелетия н. э. не позволяет судить об ассортименте выращиваемых в это время культур более определенно. По-видимому, нужно предполагать, что имелись определенные различия между эпохой раннего земледелия (III—I тысячелетия до н. э.) и рассматриваемым временем по соотношениям

возделываемых культур и их удельному весу при посевах. По мнению Ю. А. Краснова, эти различия состояли в более широком распространении пшеницы и ячменя, а также в малом удельном весе среди посевов ржи и овса [116, с. 19]. Удельный вес и экономическое значение последних, судя по анализируемым данным, последовательно возрастают, вытесняя в XIX в. в лесной полосе пшеницу. Эта картина, закономерная для Полесья рассматриваемой территории (бассейны Десны и Сейма), не приемлема для районов с лесостепным ландшафтом, где климатические и почвенные условия для возделывания пшеницы были более благоприятными [79, с. 105 и сл.; 168, карта].

Анализ палеоботанического материала дает основания считать, что земледелие в Северном Причерноморье с момента своего появления в IV—III тысячелетии до н. э. и до I тысячелетия н. э. имело длительную историю развития. Если на ранних этапах земледельческое население обрабатывало почву исключительно ручными орудиями [116, с. 24—34], то уже с начала II тысячелетия до н. э. появляется пашенное земледелие с применением упряжных пахотных орудий, показателем которого, судя по этнографическим и археологическим данным, могут служить находки серпов и колесных повозок [333, с. 61; 114, с. 22].

Первоначально пахотные орудия были деревянными и имели широкое распространение. До нас, однако, дошли лишь единичные экземпляры с различных территорий, датировка которых определяется с конца эпохи бронзы [37, с. 174 и сл.; 310, с. 78—79; 315, с. 95] вплоть до первой половины I тысячелетия н. э. [95, с. 60]. Применение дере-

вянных пахотных орудий зафиксировано в крестьянском хозяйстве даже в XIX в. [245, с. 45—49].

Во второй половине I тысячелетия н. э. пашенное земледелие не только распространяется в лесную зону, но и изменяется в качественном отношении, причиной чему послужило применение железных наральныхников [202, рис. 305; 80, с. 138; 116, рис. 23, 24].

По замечанию Ф. Энгельса, с появлением железных наральныхников стало возможным земледелие в широких масштабах, а следовательно, и практически неограниченное увеличение жизненных запасов [1, с. 229].

Древнейшим пахотным орудием, по-видимому, было рало. К упряжным орудиям, по классификации Д. В. Найдич-Москаленко, относятся безотвальные пахотные орудия с низко расположенным центром тяжести, которые подрезали землю своим симметричным рабочим концом и раздвигали ее по сторонам [172, с. 48]. Подобные орудия типологически делят на прямо- и кривоградильные. По устройству рабочей части различают рала бесполозные и подошвенные (рала с полозом), причем у первых ральник располагался под некоторым углом к почве, в то время как у подошвенных он находился в горизонтальном положении, что роднит это орудие с плугом [114, с. 22]. Какое из этих двух типов орудий является более прогрессивным — неясно. Так, В. И. Довженок высказал мысль об эволюции от бесполозного рала к подошвенному, а от последнего — к плугу, считая узколопастные наральныеники деталью бесполозных рал, характерных для середины I тысячелетия н. э. По его мнению, во второй половине I тысячелетия н. э. по-

являются рала с полозом, характерной деталью которых были широколопастные наральныеники [84, с. 58—60].

В настоящее время это положение оспаривается Ю. А. Красновым. Он считает, что «эволюция пахотных орудий в лесной полосе шла в направлении превращения рала с полозом, более приспособленным к работе в степных и лесостепных районах, в бесполозное пахотное орудие, которым было удобнее работать на относительно маломощных, часто закоренелых почвах лесной полосы» [116, с. 48].

Не отдавая предпочтения какой-либо из приведенных точек зрения, укажем, что большинство узколопастных наральныхников было найдено именно в лесной зоне. Так, два узколопастных наральника выявлено на многослойном раннесредневековом поселении близ с. Юдиново (Подесенье) (рис. 50), которые Ф. М. Заверняев датирует VIII—IX вв. [92, с. 189, рис. 6], хотя общая топография поселения и наличие керамики дороменского времени позволяют датировать поселение VI в. н. э. Ближайшие аналогии этим наральникам представляют наральныеники с древнемордовского городища Ош-Пандо, из Старой Ладоги [203, с. 142], с Пастырского городища. Узколопастные и широколопастные наральныеники обнаружены на Волынецком поселении [35, с. 249—250] (Посеймье), Райковецком [60, с. 144—146, табл. IV (1, 2), Городском [62; 84, рис. 18] и на Плиснеском [84, рис. 21, 1] городищах.

В то же время на памятниках лесостепной зоны узколопастные наральныеники почти не встречаются, зато в большом количестве представлены широколопастные (Новотроицкое и Битицкое) [140, с. 15, 19; 141,

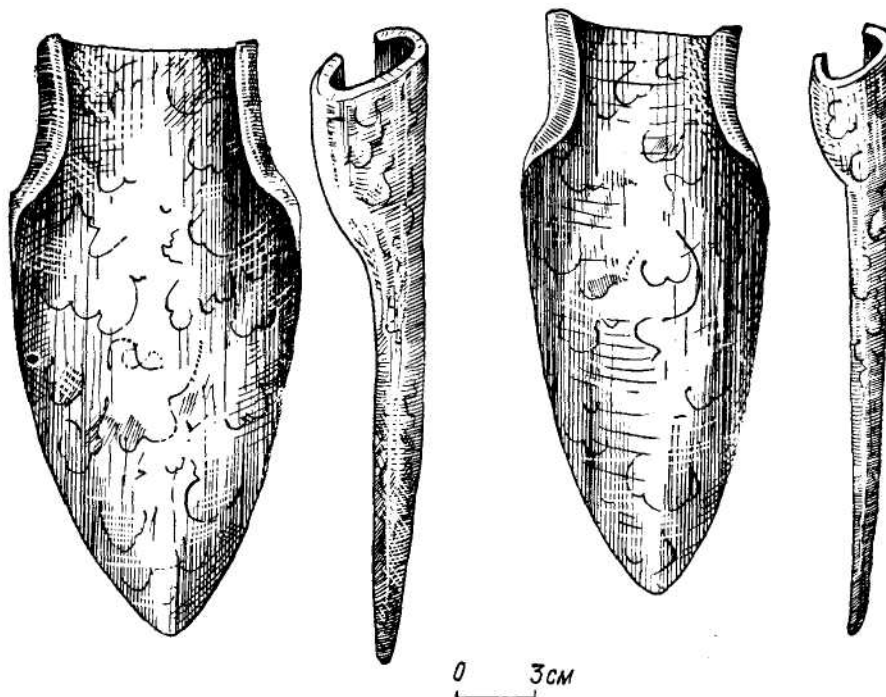

Рис. 50. Наральники с поселения у с. Юдиново Брянской обл. (раскопки Ф. М. Заверняева).

рис. 11] (рис. 51, 1; 52; 1; 53, 11). Интересно отметить, что на двух последних широколопастные наральники были найдены вместе с череслами (рис. 51, 2). Аналогичные находки имеют место на территории Полесья (Хотомель) [121, рис. 35, (4-5)].

Широкое распространение широколопастные наральники получают в эпоху Киевской Руси [84, с. 74—75].

Таким образом, едва ли возможно для второй половины I тысячелетия н. э. противопоставлять в хронологическом плане узколопастные наральники широколопастным, точно так же, как и бесполезные рала орудиям с полозом. Вероятно, и те

и другие существовали одновременно, выполняя узкоспециализированные функции. Так, подошвенные рала с широколопастным наральником, по-видимому, применялись для старопахотных и мягких почв. Аналогичные орудия с узколопастным наральником могли применяться для обработки почвы на освобожденных от леса территориях, а также на маломощных и твердых землях, будучи более маневренными и легко меняющими глубину вспашки. Кроме того, они являлись незаменимыми в качестве культиваторов [115, с. 137].

Подошвенные рала с широким наральником могли служить для вспашки целинных и старозалежных

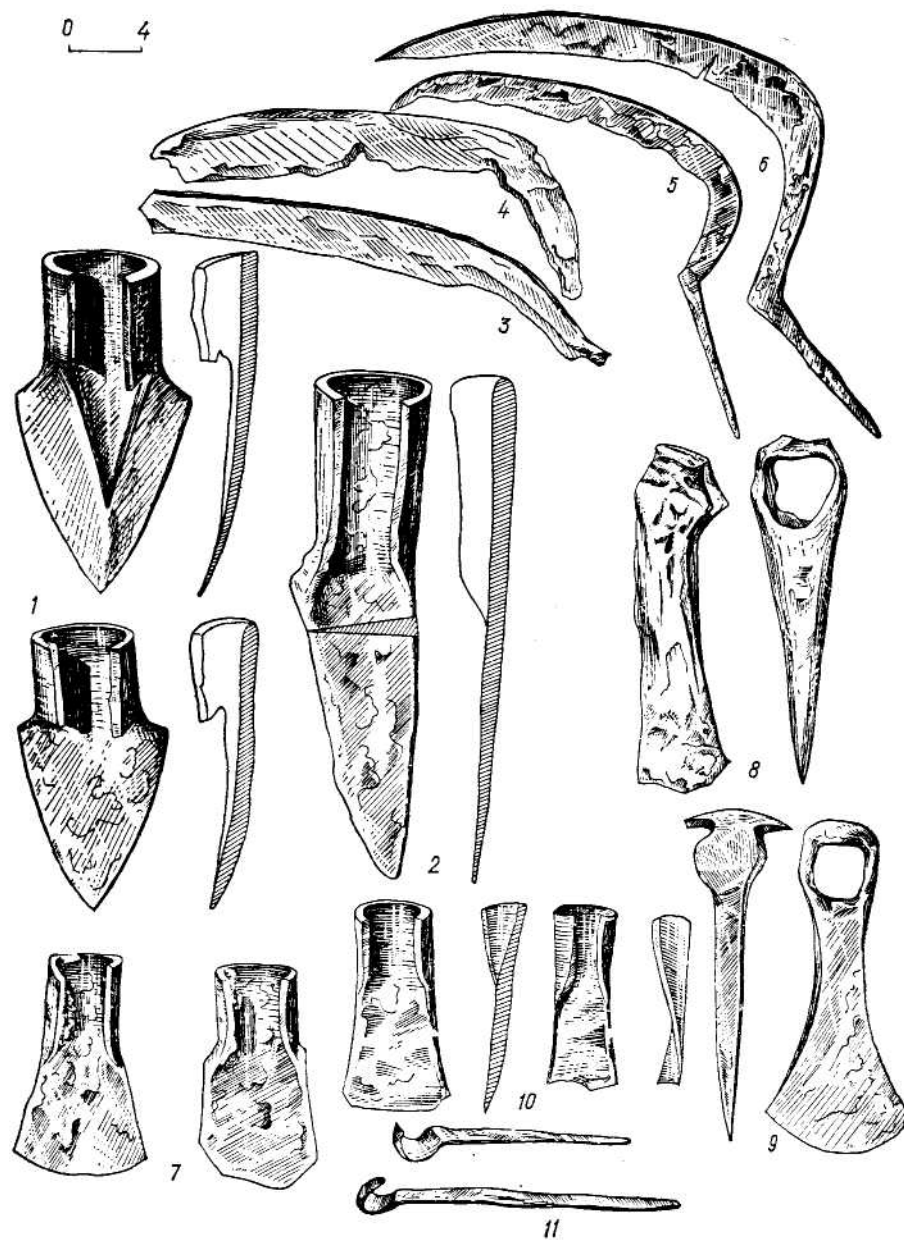

Рис. 51. Поселение у с. Новотроицкое:

1—7—орудия земледелия; 8—11—орудия для обработки дерева (раскопки И. И. Ляпушкина).

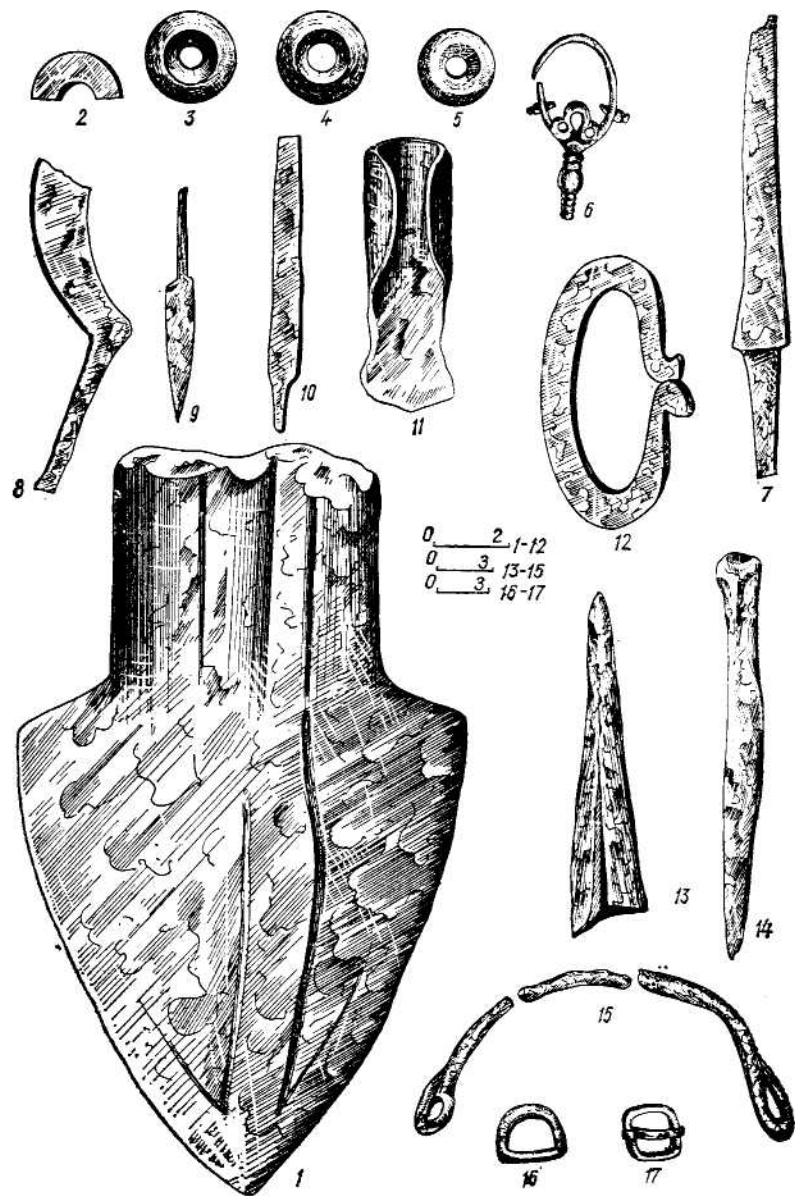

Рис. 52. Находки (1—17) из раскопок поселения волынцевского типа у с. Битица (по И. И. Ляпушкину).

Рис. 53. Украшения, орудия труда и быта из поселения и могильника у с. Волынцево (раскопки Д. Т. Березовца):

1—2—кольчужный пояс и браслеты из раскопок могильника; 3—ложкорез; 4, 7—9—ножи; 5, 6—пинцеты; 10—кресало; 11—наральник; 12—тесло-мотыжка.

земель. Применение их для работы на освобожденных от леса участках, а также на почвах маломощных и твердых — затруднительно [114, с. 19—20]. По-видимому, рала с полозом, типологически близкие к орудиям плужного типа, с появлением широколопастных наральников преобразуются в плуг. Вероятно, характерной деталью таких близких к плугу орудий следует считать широколопастный наральник с загнутым книзу острым концом и расширяющейся трубицей (втулкой) [80, с. 130; 115, с. 142]. Подобные орудия известны в раннесредневековой Польше [339]. С некоторыми усовершенствованиями орудия такого типа применялись еще в XVII в. на юге лесной полосы [158, рис. 7].

Разумеется, обработка почвы не ограничивалась только вспашкой: для посева необходимо было довести ее до агрегатного состояния. Это достигалось путем перекрестной вспашки, а также использованием вспомогательных почвообрабатывающих орудий. Такими были деревянные мотыги, изготовленные из одного куска дерева, причем бойком служила часть ствола, а рукояткой — сук. Судя по археологическим и этнографическим данным [345, с. 13], такие орудия применялись со II тысячелетия до н. э. [49, с. 145; 177, рис. 3] вплоть до XIX в. [245, с. 46].

В это же время появляются, видимо, и бороны различных типов [116, с. 52, рис. 31,55].

Помимо полевого земледелия, население рассматриваемой территории во второй половине I тысячелетия н. э. занималось возделыванием приусадебных участков [141, табл. 1], которые обрабатывались вручную. Орудиями, по-видимому, служили мотыги и мотыжки, часто

встречающиеся на поселениях Левобережья: Волынцево [II, № 1276, 2076, 2077], Новотроицкое [141, рис. 8, 2—3, рис. 7, 6], Битицкое [142, рис. 5], Коробовы Хутора [314, рис. 120, 6] и др. (рис. 51, 7, 52, 11, 53, 12, 54,4).

Применение той или иной системы земледелия определяется условиями географической среды, земледельческими культурами и орудиями обработки почвы. Рассматриваемая нами территория неоднородна, представляя собой Полесье. Вполне естественно, что неодинаковы были и системы земледелия в этих различных географических зонах.

Древнейшей системой земледелия в лесной зоне была подсека, которая в Черниговском Подесенье сохранялась еще в первой половине XIX в. [88, с. 3. В кн.: 188, с. 207].

Простейшей системой земледелия в Лесостепи была переложная, поскольку новейшие исследования показывают, что на территории лесостепной Украины подсечное земледелие не применялось уже в скифское время (VIII—III вв. до н. э.) [319, с. 54]. В конце I тысячелетия до н. э. подсека не была господствующей и в Полесье, а, судя по материалам изучения юхновской культуры (вторая половина I тысячелетия до н. э.), служила лишь средством расчистки [113, с. 19].

Раннеславянские поселения V—VII вв. н. э. располагались на невысоких площадках, в пойменных долинах рек. По-видимому, такое расположение вызывалось не только засушливым климатом того времени, но, вероятно, и потребностями применявшейся в то время системы земледелия. По мнению специалистов, таковой на юге лесной зоны могла быть пойменная система зем-

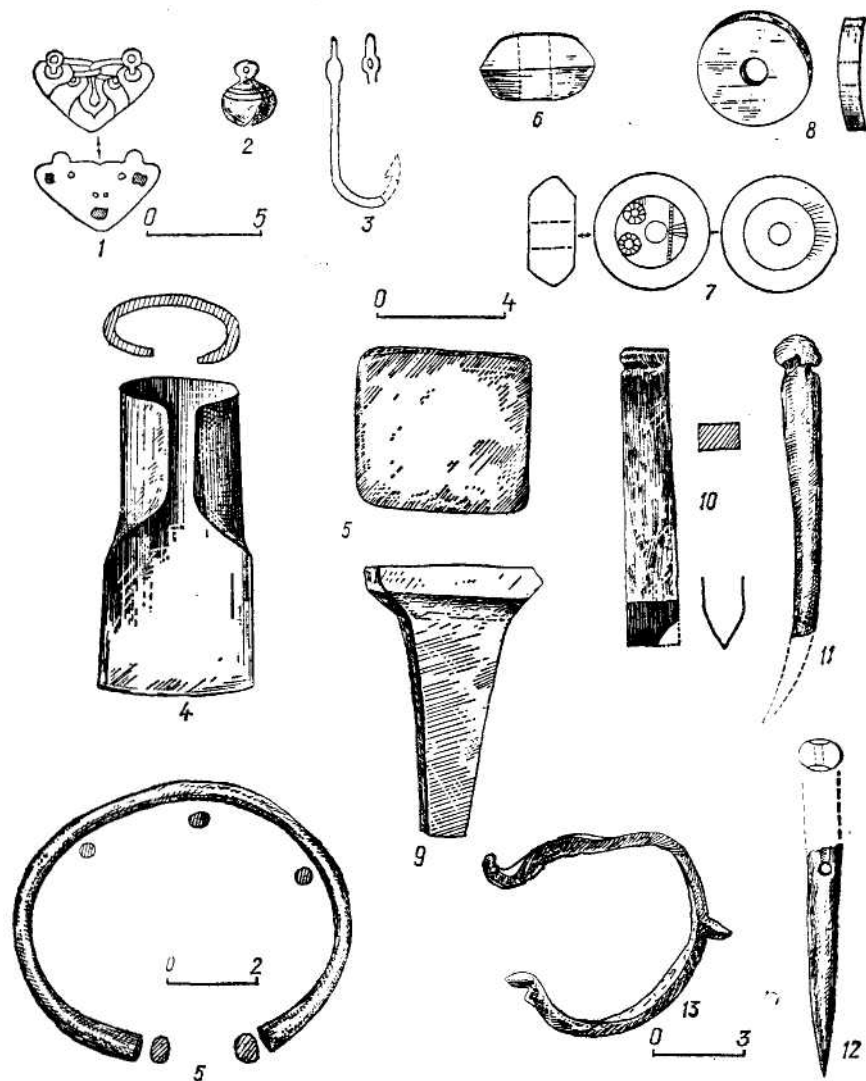

Рис. 54. Отдельные находки с городищ роменского типа в бассейне Северского Донца:

1—2, 5, 11, 12 — Донецкое; 5, 6, 9 — Мохнат, 4, 7, 13 — Коробовы Хутора (по Б. А. Шрамко).

леделия, при которой обрабатывались участки заливаемой поймы. Такая система позволяла пользоваться участками практически неограниченное время [116, с. 63]. С изменением климатических ус-

ловий в конце I тысячелетия н. э. (начало периода увлажнения) [74, с. 53—66, рис. на с. 59], а также в результате совершенствования орудий обработки почвы и техники земледелия появляется необходимость

(и возможность) освоения сухоходольных территорий. Известно, что при полевом земледелии почва в процессе непрерывной экстенсивной эксплуатации теряет плодородность. Вместе с тем известно, что земля улучшается, если ее правильно обрабатывать. В какой-то степени этому отвечала переложная система, тем более что наличие свободных удобных земель благоприятствовало ее применению в условиях лесостепного ландшафта. Сроки пребывания участков под перелогом имеют тенденцию к сокращению, что, естественно, приводит к двухполью, а с сокращением срока перелога до одного года — к трехполью [168, с. 95].

Можно допустить, что уже в I тысячелетии до н. э. на территории Левобережья применяется двухполье: письменные источники указывают на ее существование. Так, автор середины X в. Ибрагим Ибн-Якуб сообщает, что славяне сеют дважды в год — летом (озимые) и весной (яровые) и собирают два урожая [99, с. 54]. Очевидно, это свидетельство касается южных и юго-восточных районов Восточной Европы, то есть рассматриваемой нами территории.

Сообщение Ибн-Якуба подтверждается находками яровых и озимых сортов пшеницы, а также ржи и овса в роменских слоях Донецкого и Новотроицкого городищ [297, с. 8, 140, с. 211, рис. 96, 2].

О двухполье в лесной зоне косвенно говорят сообщения летописи о вымерзании хлебов во время весенних и осенних заморозков [176, с. 21, 31]. Двухпольный севооборот подтверждается также находками среди семян ржи озимых сорняков. По мнению специалистов, эти факты неоспоримо свидетельствуют в

пользу двухполья [106, с. 335—336, с. 340; 321, с. 96—97].

Таким образом, к концу I тысячелетия н. э. население Левобережного Поднепровья уже знало земледельческие культуры и сельскохозяйственные орудия, распространенные в эпоху Киевской Руси. Прогрессивная система земледелия с применением севооборота, сложившаяся накануне образования древнерусского государства, способствовала становлению его экономической базы.

Основным орудием уборки урожая, применявшимся славянским населением во второй половине I тысячелетия н. э., являлся серп, появившийся в Восточной Европе еще в эпоху неолита.

К середине I тысячелетия н. э. славяне выработали совершенный тип серпа, близкий формой и функциональными особенностями к серпам эпохи Киевской Руси и современным. Отличия между ними не существенны и касаются скорее качества металла, внешней отделки, нежели формы и рабочих свойств.

Серпы рассматриваемого времени имеют максимальный изгиб возле длинной черешковой рукоятки и минимальный к концу лезвия. Длина таких серпов колеблется от 20 до 30 см. Известно, что форма серпа определяет эффективность его работы [24]. Практическим путем древние земледельцы установили, что наиболее продуктивным является орудие с таким изгибом, при котором угол резания составляет около 50° между направлением движения и каждой точкой лезвия [124, с. 65]. Близкую форму имеют раннеславянские серпы, обнаруженные на некоторых поселениях второй половины I тысячелетия н. э. на территории Днепровского Левобережья

(Новотроицкое [140, с. XXXVIII] (рис. 51, 5, 6), Битица [141, рис. 13] (рис. 52, 8), Волинцево [34, с. 24], Донецкое [297, с. 9]. Аналогичные серпы найдены также на ряде памятников смежных территорий вместе с керамическими остатками VIII—X вв. [170, с. 64, рис. 4; 173, рис. 7].

С этими серпами во второй половине I тысячелетия н. э. сосуществуют более архаические серпы с пяткой на конце, как у косы-горбуши, хотя изгиб лезвия и его форма такие же, как и у черешковых [32, с. 184]. Такого рода серп автор обнаружил на селище середины I тысячелетия близ с. Курган Азак Сумской области. Серп имеет длину по линии основания дуги лезвия 200 мм, при высоте дуги, равной $\frac{1}{3}$ основания; ширина лезвия в средней части — 20 мм. Пятка посажена под прямым углом к горизонтальной плоскости, ее высота 20 мм, толщина 3,5 мм. Углы резания в различных точках лезвия приближаются к 35° (рис. 14). Ближайшей аналогией нашему серпу является серп с Пастырского городища VII—VIII вв.*

Орудия такого рода на рассматриваемой территории бытуют продолжительное время: с конца I тысячелетия до н. э. до VII—VIII вв. I тысячелетия н. э. [111, с. 63, рис. 2; 116, с. 72; 278, с. 141]. Собранный урожай перед обмолотом необходимо было предварительно просушить. Сушка производилась на солнце либо при помощи огня. В последнем случае для этого применялись специальные сооружения — овины, известные как по этнографическим

[208, с. 102—103], так и по археологическим материалам. По-видимому, одно из таких сооружений было выявлено на раннесредневековом поселении Форостовичи [290, с. 99—101] (рис. 2, IV); известны овины и на поселении VIII—IX вв. близ с. Новотроицкое [140, рис. 115, 2—3] (рис. 40, 5).

Затруднительно что-либо определенное сказать об обмолоте урожая, поскольку среди археологических материалов не сохранилось орудий обмолота. По этнографическим данным известны следующие способы обмолота: выбивание зерна какими-либо орудиями, вытаптывание ногами людей или животных, «волочение» молотильных катков [116, с. 81]. Эти способы уходят в глубокую древность [244, с. 72—77] и, наверное, применялись раннеславянским населением Левобережья, тем более что их существование в эпоху Киевской Руси оставило след в письменных источниках.

Обмолоченное зерно хранилось в специальных сооружениях, известных из письменных источников Киевской Руси как «житные ямы» [199, ст. 43]. Эти ямы зафиксированы на славянских поселениях второй половины I тысячелетия. Известны они и по этнографическим материалам*. Ямы имели самые различные размеры как по глубине, так и в диаметре. Обычная форма их — округлые в плане и колоколовидные в разрезе. Эти хранилища находились в жилищах (Волинцево) и за их пределами (поселения роменского типа). Для предотвращения от засорения и порчи про-

* Хранится в Киевском государственном историческом музее.

* Д. Т. Березовец видел такие ямы в с. Новая Слобода Сумской области [IV, с. 38].

дуктов грызунами принимались профилактические меры: например, стенки ям на Вольтинцевском поселении обмазывали глиной и обжигали [IV, с. 39]. По-видимому, над ямами сооружались какие-то надстройки, навесы, остатки которых в виде горелого дерева, углей и золы были зафиксированы на Новотроицком городище. Основываясь на материалах этого городища, И. И. Ляпушкин предложил удачную реконструкцию этих перекрытий (рис. 40, 5—6) [140, с. 192—210]. Сыпучие продукты (зерно, мука) хранились также в больших сосудах-корчагах. Естественно предполагать, что для хранения продуктов хозяйства раннеславянским населением широко использовались деревянная и берестяная тара, мешки из ткани или рогожи.

Размол зерна во второй половине I тысячелетия осуществлялся посредством ручных жерновов, изготовляемых из кварцита, песчаника и других пород камня.

Ручные жернова состояли из двух камней дисковидной формы до 60 см диаметром, рабочие поверхности их были плоскими. В верхнем, более массивном, камне и в более тонком, нижнем, по центру пробивалось отверстие для насадки на специальный штырь — «веретено». Вращение верхнего камня производилось при помощи рукоятки, укрепленной в отверстии на его внешней поверхности [217, с. 420—422].

Такие жернова известны на Дону [170, рис. 15а], в Побужье [299, с. 123] и на Днепровском Левобережье. Обломки жерновов были обнаружены и на городище Новотроицком [140, с. 46—48], в роменском слое Донецкого городища [314, с. 211], в подъемном материале городища близ с. Сенча [VI, с. 42].

Обломки жерновов автор выявил на месте распаханых жилищ городища у с. Кнышевка *. Вероятно, к I тысячелетию н. э. относятся и жернова с Донецкого городища, обнаруженные А. С. Федоровским, так как на них нет отверстий для порхлицы [297, с. 5—6]. Наряду с жерновами в начале рассматриваемого времени, возможно, применялись зернотерки. Так, каменные зернотерки были обнаружены Д. Т. Березовцом на Вольтинцевском поселении [35, с. 247, т. I (11)] (рис. 55). И. И. Ляпушкин категорически отнес их к скифской поре [146, с. 138], игнорируя то обстоятельство, что жерновов на памятниках ранее VIII в. на Днепровском Левобережье обнаружено не было. Вероятно, прав Д. Т. Березовец, считавший применение зернотерок характерным явлением для раннеславянской культуры дороменского времени [34, с. 24; 116, с. 85]. Зернотерки

Рис. 55. Зернотерка из поселения у с. Вольтинцево.

выявлены на городище Титчиха [170, рис. 15 б] в слоях X—XI вв. Итак, располагая уже к середине тысячелетия необходимым ассортиментом сельскохозяйственных культур и значительными навыками их выращивания, непрерывно совер-

* При раскопках городища у с. Ницаха в хозяйственном помещении мы обнаружили два жернова, находившиеся в конструктивном порядке. Хранятся в Сумском краеведческом музее.

шенствуя орудия, технику и систему обработки почвы, население Левобережного Поднепровья в конце I тысячелетия н. э. имело достаточно развитое земледельческое хозяйство.

Попробуем нарисовать конкретную картину хозяйственной деятельности населения изучаемой территории в это время. Для этого воспользуемся методом палеоэкономического моделирования земледельческо-скотоводческого хозяйства, разработанным С. Н. Бибиковым для раннеземледельческих обществ на материалах трипольской культуры [41].

В качестве условного образца славянских поселений Днепровского Левобережья конца I тысячелетия н. э. примем Новотроицкое поселение. Раскопанное полностью, оно воссоздает картину хозяйственной деятельности его населения, служа основой для палеоэкономической реконструкции раннеславянского земледелия.

При раскопках поселения выяснилось, что из 50 открытых на нем жилищ-полуземлянок 27 погибло в огне [140, т. I, с. 188 и сл.]: это может указывать на их одновременное существование. Аналогичная картина выявлена А. Н. Москаленко на городище Титчиха (Подонье), где на плато, занятом поселением IX—X вв., жителями было оставлено 35 жилищ. В момент ухода населения в огне погибло 22 полуземлянки, что, по мнению автора, говорит об одновременности их существования [170, с. 150]. Несколько иначе обстоит дело на Волынцевском поселении (VII—VIII вв.). Здесь, на площади около 6000 м², выявлены ямы 31 полуземляночного жилища. Однако учитывая, что исследована не вся территория посе-

ления, надо полагать, что таких полуземлянок было больше, но не более 50. В пользу этого говорит планировка поселения: наиболее густо застроена южная часть мыса, на которой жилища расположены в два ряда, параллельно восточному и западному краям площадки на расстоянии 3—10 м друг от друга [IV, с. 35]. Если же принять во внимание относительно небольшой срок существования полуземлянки (не более 25 лет), то количество одновременно существовавших полуземлянок на Волынцевском поселении немногим будет отличаться от числа жилищ Новотроицкого или Титчихи. Исходя из числа одновременно существовавших жилищ, мы можем предположить, что на Новотроицком поселении проживало 27 семей. Небольшие размеры жилища и двора, при учете этнографических данных, позволяют определить среднюю семью, состоящую из пяти — семи человек: два человека старшего поколения, два — среднего и двое-трое детей [84, с. 189]. Безусловно, могли быть отклонения в ту или иную сторону. Так, в 15 полуземлянках могло проживать от 50 до 75 человек. Для удобства расчетов в качестве средней цифры примем семью, состоящую из шести человек. В этом случае на Новотроицком городище проживало одновременно 162 человека.

Пищевую основу оседлого земледельческого населения составляет пшеница, что подтверждается рядом археологических и этнографических наблюдений [84, с. 170—188]. По данным этнографии, норма потребления хлеба составляет 12 пудов на душу в год. При этом следует учитывать, что норма потребления хлеба всех членов семьи будет неодинакова. Тем не менее, с известным

приближением мы можем принять эту цифру в качестве основной. Значит, для прокормления семьи из шести человек необходимо было получить 72 пуда хлеба в год, а для жителей поселения в целом 1944 пуда. Чтобы получить такое количество хлеба, необходимо было обработать значительную посевную площадь, определить количество которой мы и попытаемся.

В эпоху Киевской Руси в условиях существования развитой трехпольной системы земледелия и наличия совершенного пахотного орудия — плуга, переворачивающего подрезаемый пласт земли, средний урожай составлял около 50 пудов пшеницы с десятины [84, с. 187]. Приняв поправку на большую примитивность земледелия в рассматриваемое время и учитывая несовершенство пахотных орудий, что неизбежно снижало урожайность, возьмем ее равной 40 пудам с десятины *. В таком случае для получения необходимого продукта каждая семья должна была обрабатывать и засеять 1,9 десятины (округленно), а все поселение в целом 51,3 десятины. Картина будет неполной, если не принять во внимание посевной запас, который должен состав-

* Нам представляется ошибочным механически использовать данные об урожайности в эпоху Киевской Руси X—XIII вв. с ее усовершенствованными пахотными орудиями плужного земледелия и применением развитого трехполья для палеоэкономического анализа хозяйственного комплекса раннеславянского общества. (См. О. М. Приходнюк. Славяне VI—VII вв. н. э. на Подолии. Автореферат кандидатской диссертации. К., 1971, стр. 17). Подобная ошибка независимо от воли автора приводит к заключению об отсутствии прогресса в земледелии ранних славян второй половины I тысячелетия н. э., без которого не могли бы сложиться экономические предпосылки образования древнерусского государства.

лять не менее 10 пудов на десятину. Для среднего хозяйства, состоящего из семьи в шесть человек, этот посевной фонд будет равным 19 пудам, а для всего поселения — 513 пудам. Для получения такого количества зерна каждому хозяйству нужно было обработать и засеять дополнительно 0,6 десятины пахотной земли, а поселению в целом — 16,2 десятины. Таким образом, общая посевная площадь, обрабатываемая отдельной семьей для получения необходимого количества хлеба будет равной 2,5 десятины, а для всего поселения — 67,5 десятины. В условиях индивидуального земледельческого хозяйства конца I тысячелетия н. э. плуг и тягловая сила в составе одной-двух голов рабочего скота вместе с орудиями обработки земли предполагаются в каждом хозяйстве.

По данным этнографии, с определенными коррективами, перенесенными В. И. Довженком из XIX в. в эпоху Киевской Руси, плугом в парной упряжке за один день можно было вспахать $\frac{1}{5}$ десятины [84, с. 184—185]. Принимая поправку на большую примитивность пахотных орудий в рассматриваемое время, можно допустить, что один пахарь Новотроицкого поселения за один день мог вспахать около $\frac{1}{7}$ десятины. Все работоспособное население Новотроицкого (один пахарь на семью) за один день обрабатывало около 4 десятин; для вспашки всей необходимой площади (67,5 десятины) потребовалось бы около 14,5 дня.

По этнографическим наблюдениям, крестьянскому хозяйству XVII в. на весеннюю и осеннюю пахоту требовалось около 40 дней, из чего следует, что жители рассматриваемого поселения могли обраба-

тывать земли в 2,5 раза больше, чем это было жизненно необходимо для удовлетворения их потребностей в зерне, то есть 158,7 десятины.

Мы отмечали, что во второй половине I тысячелетия н. э. на Левобережном Поднепровье уже применялся двухпольный севооборот при переложной системе с коротким сроком. Таким образом, можно предположить, что жителями Новотроицкого поселения засеивалась только половина всей обрабатываемой площади, в то время как другая половина ее находилась под паром. Итак, под озимые шла лишь $\frac{1}{4}$ всей обрабатываемой площади, то есть 39,62 десятины. Другая часть посевной площади оставалась под яровые, среди которых значительное место, по-видимому, отводилось просу. Вероятно, яровой клин использовался и для посева технических и огородных культур, которые культивировались в последней трети I тысячелетия н. э.

Наши подсчеты воссоздают картину развитого земледельческого хозяйства раннеславянского населения Левобережья во второй половине I тысячелетия. Совершенствование орудий труда для обработки почвы, приведшее в начале II тысячелетия н. э. к появлению плуга, подсечно-переложная система земледелия в сочетании с двухпольным, а в самом конце тысячелетия, вероятно, и с трехпольным севооборотом давали возможность производства не только необходимого, но и прибавочного продукта.

Скотоводство. Основным источником для изучения другой стороны раннеславянского хозяйственного комплекса — животноводства является анализ костных остатков. Судя по опубликованным остеологическим материалам некоторых по-

селений второй половины I тысячелетия н. э., можно заключить, что в это время в хозяйстве населения Днепровского Левобережья были представлены все известные домашние животные, разводимые и ныне [144, с. 214—215; 170, с. 68, 34, с. 25]. Вместе с тем полученный в ходе раскопок остеологический материал не может служить вполне надежным критерием для суждения о месте тех или иных животных в составе стада, поскольку он показывает скорее употребление их в пищу и место в пищевом рационе населения.

Анализ костных остатков с Волынецовского, Новотроицкого, Петровского, Опошнянского поселений показывает, что здесь преобладают кости домашних животных, причем первое место и по количеству остатков и по количеству особей принадлежит крупному рогатому скоту. Это в равной мере характерно как для более раннего [116, рис. 77], так и для роменского времени. Затем следует свинья, на третьем месте мелкий рогатый скот и, наконец, лошадь [146, с. 13]. Несколько иное соотношение домашних животных отмечает Д. Т. Березовец на Волынецовском поселении: здесь на втором месте также свинья, но особей лошади представлено больше (около 20%). Вероятно, в третьей четверти I тысячелетия н. э. лошадь употребляли в пищу чаще, чем в конце тысячелетия. На раннеславянских поселениях обнаружены кости собаки, птицы (курица и утка), а также кошки (только на Волынецовском поселении).

Разводимые животные удовлетворяли самые разнообразные потребности. Крупный рогатый скот использовался как тягловая сила и для получения мясных и молоч-

ных продуктов. Лошадь, как и бык, одновременно служила и тягловой силой и в качестве мясного скота. Постепенно лошадь теряет свое второе значение в хозяйстве ранних славян Левобережья, что вытекает из сравнения костных материалов Волынцевского и Новотроицкого поселений. Свиньи разводились для мяса, а мелкий рогатый скот — для получения мясомолочных продуктов. Эти домашние животные давали также и сырье для домашнего и ремесленного производства: кожу, шерсть, рога, кость. Собака служила скорее всего в качестве охотничьего животного. Кости домашней птицы, найденные на Новотроицком и Опошнянском, а также Волынцевском поселениях, могут указывать на наличие птицеводства у населения Левобережья уже в третьей-четверти рассматриваемого тысячелетия.

Планировка поселений второй половины I тысячелетия н. э. ввиду почти полной застройки городища исключает содержание скота на его территории. Постройки, трактуемые как помещения для скота, вряд ли могли использоваться в этих целях. Не вдаваясь в рассмотрение этого вопроса, требующего специального исследования, приведем мнение Ю. А. Краснова, считающего, что единственно возможной формой животноводства на рассматриваемой территории могло быть оседлое или придомное животноводство [116, с. 120]. При такой форме разведения домашних животных загоны для их содержания в зимний период, судя по данным этнографии, располагались под защитой леса в непосредственной близости от запасов корма, что избавляло от необходимости транспортировки последних.

Содержание животных в зимний период в климатических условиях рассматриваемой территории требует заготовки кормов. В конце XIX — начале XX вв. основными кормами для периода стойлового содержания скота в крестьянском хозяйстве были солома и сено. По-видимому, во второй половине I тысячелетия н. э. с развитием пашенного земледелия и появлением совершенных серпов в конце рассматриваемого времени солома входила в рацион домашних животных. Употребление соломы на корм скоту было значительным прогрессом в животноводстве по сравнению с предшествовавшим временем [116, с. 124]. Однако основным кормом для скота в зимнее время, по-видимому, было сено, возможности для заготовки которого в условиях лесостепного ландшафта, в поймах рек и болот Полесья были практически неограниченными. Появляются специальные орудия для заготовки сена — косы. Появившись в позднем латене в Западной и Средней Европе [343], эти орудия известны в I в. н. э. в Польше [339], а с середины I тысячелетия н. э. получают широкое распространение на территории Поднепровья [84, рис. 8, 9; рис. 20; 192, рис. 38]. Имеются они и в материалах памятников рассматриваемого времени на Левобережье (Новотроицкое, Донецкое *) [140, рис. 7, 4—5; 146, с. 137] (рис. 51, 3, 4). Вероятно, для заготовки сена применялись и какие-то другие орудия типа косарей [116, рис. 68, 69], однако они не обнаружены на памятниках изучаемой территории.

Кроме соломы и сена, очевидно, заготавливались и древесные корма,

* Хранятся в Харьковском историческом музее. См. также [314, рис. 37].

о чем можно судить на основании письменных источников и этнографических данных, приводимых Ю. А. Красновым.

Высказанные положения и приведенные данные дают некоторые основания для установления экономической эффективности скотоводства в хозяйстве населения Левобережного Поднепровья во второй половине I тысячелетия н. э. Вполне понятно, что располагая данными по весьма ограниченному количеству памятников только Левобережной Украины, мы не сможем получить истинной картины для всей рассматриваемой территории. Сложность заключается еще и в том, что в условиях различных географических зон направления животноводства также были различными. Последнее подтверждается анализом остеологического материала с поселений Подонья, сводки которого приводятся для сравнения с собственно левобережными памятниками (табл. 8, 9).

Таблица 8
Сравнительная таблица остеологических материалов памятников второй половины I тысячелетия н. э.

№ п/п	Наименование поселения	Кости животных (в %)	
		дикие	домашние
1	Волынцево (р. Сейм)	19	81
2	Курган (р. Сейм)	28	72
3	Новотроицкое (р. Псел)	20	80
4	Опошня (р. Ворскла)	50,95	49,05
5	Петровское (р. Ворскла)	48,3	51,7
6	Большое Боршево (р. Дон)	63,3	36,7
7	Кузнецова дача (р. Дон)	37,7	62,3
8	Титчиха (р. Дон)	57,8	42,2

Обратимся теперь непосредственно к конкретным материалам. По данным раскопок И. И. Ляпушкина, у жителей Новотроицкого городища скотоводство занимало значительное место; это следует хотя бы из того, что кости домашних животных составляли около 80% всех костных остатков. Иная картина наблюдается на других славянских поселениях, что наглядно подтверждается приводимой сводкой остеологических характеристик некоторых памятников второй половины I тысячелетия н. э.* Особо выделяются памятники Подонья, где по процентному и абсолютному составу костей преобладают остатки диких животных [301].

Следует отметить неполноценность имеющихся данных. Это объясняется спецификой остеологических материалов и неполной изученностью названных памятников **. Но в целом эти цифры могут свидетельствовать об основных источниках мясopодуктов, а также о роли охоты и животноводства на собственно лесостепных памятниках сравнительно с одновременными им поселениями Подонья.

Таким образом, для получения более вероятной картины одновременно содержавшегося стада Новотроицкого городища, следует уменьшить вдвое приводимые И. И. Ляпушкиным цифры. Итак, в стаде Новотроицкого городища имелось

* По материалам раскопок Д. Т. Березовца, В. И. Довженка, И. И. Ляпушкина, П. Н. Третьякова, П. П. Ефименко и А. Н. Москаленко.

** Из перечисленных памятников полностью раскопаны Новотроицкое и Титчиха. Свыше половины площади вскрыто на поселениях близ сел Волынцево и Опошня; на остальных городищах раскопками исследовано менее четверти площади поселения.

Таблица 9

Соотношения различных видов животных на памятниках второй половины I тысячелетия н. э. (по количеству особей)

№ п/п	Виды животных	Волын-цево	Кур-ган	Новотро-ицкое	Опошня	Петров-ское	Большое Боршево	Титчиха
1	Крупный рогатый скот	39,2	19	40	38,5	41	24	33
2	Свинья	24,3	42	25	26,9	26	51	346
3	Мелкий рогатый скот	10,7	20	18	11,5	21	9	15
4	Лошадь	19,6	12	10	7,7	12	9	10,7
5	Собака	4	7	4	—	—	1	3,7
6	Птица	—	—	3	15,4	—	—	—

одновременно 20 голов крупного рогатого скота и 5 лошадей. Полученные нами результаты значительно отличаются от приводимых Ю. А. Красновым для времени раннего железного века *. Это и понятно, если учитывать, что в рассматриваемое время роль животноводства была второстепенной, основой хозяйства являлось земледелие, поставляя подавляющее большинство продуктов питания.

По современным кормовым нормам на полугодное прокормление одной головы крупного рогатого (или тяглого) скота на протяжении весенне-летнего сезона требуется от 0,75 га хороших до 1,5 га средних лугов [43, с. 203]. По этим же нормам на содержание молодняка (до одного года возрастом) необходимо в четыре раза, а для мелкого рогатого скота в десять раз меньше угодий [178, с. 19]. Отсюда следует, что для содержания Новотроицкого стада во время пастбищного сезона требовалось около 20,5 га хороших или 41 га средних лугов.

* По Ю. А. Краснову, в раннем железном веке на поселении с числом в 50 жителей минимальный размер стада составлял 70—100 голов, из них 25—30 крупного рогатого скота, 30—40 лошадей, 10—13 свиней, 5—7 голов мелкого скота [116, с. 146].

Вместе с тем следует учитывать и полугодное (в условиях лесной и несколько меньшее в лесостепной зоне) содержание скота в зимнее время. На этот период заготавливается корм наилучшего качества. По современным нормам средняя корова (около 400 кг весом) в сутки должна получить такое количество кормов, которое было бы эквивалентно девяти кормоединицам [43, с. 203], а за весь период стойлового содержания получить соответственно 1647 кормоединиц. Учитывая, что в 5 кг хорошего сена содержится 2,1 кормоединицы [178, с. 14], мы получим количество сена, необходимое на одну голову крупного рогатого или рабочего скота в течение стойлового содержания, то есть 3,7 т. Для этого необходимо было располагать еще 18,75 га хороших угодий. Таким образом, для круглогодичного стада Новотроицкого поселения общее количество хороших и средних лугов должно было составлять около 65 га (округленно) *. Не исключено, что в какой-то степени в качестве корма использовалась солома. Собранный с

* При расчетах содержание одной лошади приравнено к содержанию одной головы крупного рогатого скота, тем более что нормы потребления кормов этими видами животных почти одинаковы.

22,8 га соломой можно было в течение стойлового периода прокормить около четырех голов крупного рогатого скота. Жители Новотроицкого поселения соломой, собранной со всей засеваемой площади, могли прокормить около 17 голов скота.

Из всех высказанных соображений следует, что жители такого поселения, как Новотроицкое, могли содержать значительное стадо. Это тем более верно, что наличие свободных больших массивов пойменных заливных лугов в непосредственной близости от поселений способствовало развитию скотоводства, практически ограничивая его лишь наличием рабочей силы.

Мы не принимали во внимание содержание свиней, поскольку источником кормов для этого вида домашних животных были такие отрасли хозяйства, как огородничество и собирательство.

Анализ костного материала с горадищ роменского времени при учете индивидуальности хозяйственной единицы дает основание считать, что в ранний период (V—VII вв.) в каждом хозяйстве содержали одну голову тяглого скота, свинью и одну-две особи молодняка. В конце I тысячелетия н. э. количество скота в хозяйстве должно было увеличиться, поскольку возросшие производительные силы давали возможность содержать гораздо больше скота.

Анализ документов XIV—XVI вв. свидетельствует, что в крестьянском хозяйстве Северной Руси, кроме лошади, содержалось несколько голов крупного рогатого скота и несколько (от двух до пяти) единиц мелкого [110, с. 277—283]. Учитывая известную консервативность крестьянского хозяйства, наряду с определенной примитивностью орудий производст-

ва, можно утверждать, что в пределах рассматриваемой нами территории картина была, по-видимому, очень близкой к эпохе Киевской Руси [84, с. 210]. Приведенные выше положения дают основания предполагать, что накануне образования древнерусского государства, то есть в последних веках I тысячелетия н. э., на каждую хозяйственную единицу приходилось по 1,5 особи тяглого скота, а в самом конце тысячелетия — по две особи.

По документам XIII—XVI вв. крестьянское хозяйство выделяло на убой «одну голову крупного рогатого скота и от двух до пяти голов мелкого скота» [110, с. 300]. В данном случае речь идет о крестьянском хозяйстве Северной Руси, где условия для скотоводства менее благоприятны, чем на Днепровском Левобережье. Поэтому можно предположить, что во второй половине I тысячелетия н. э. на рассматриваемой территории в мясной рацион крестьянской семьи входили: одна голова крупного рогатого скота или особь молодняка (соответственно 200—250 и 100—150 кг в живом весе), одна свинья (50—60 кг) и, вероятно, две головы мелкого рогатого скота (по 30—40 кг) [116, с. 145]. Значит, на одного человека ежегодно в среднем приходилось 30—40 кг говядины, 8—10 кг свинины, до 10 кг баранины (округленно).

Из вспомогательных отраслей наиболее продуктивной являлась охота, восполняя недостаток в мясных продуктах. Учесть эффективность рыболовства и собирательства затруднительно, хотя их роль была значительной.

Наши расчеты являются не более как попыткой палеоэкономического анализа хозяйства славян

Днепровского Левобережья во второй половине I тысячелетия. Мы можем утверждать, что уже в это время сельское хозяйство достигло значительной продуктивности, производя продуктов больше, чем это было жизненно необходимо для потребления самих земледельцев и их семей.

Ремесло

Металлургия. Большое значение в экономике раннеславянского общества занимали железоделательное производство и металлообрабатывающее ремесло, следы которых обнаружены на большинстве памятников рассматриваемого времени. Для изучаемой территории мы не располагаем достаточными материалами, позволяющими осветить все стороны металлургического производства и металлообработки. Тем не менее имеющиеся на памятниках Днепровского Левобережья остатки железоделательного и металлообрабатывающего производства (шлаки, остатки горнов, обломки сопел и-т. п.), наряду с широким повсеместным распространением железных орудий труда, предметов вооружения, снаряжения и хозяйственного обихода, определенно позволяют говорить о развитии указанных ремесел у славянского населения во второй половине I тысячелетия.

Исходя из наличия железоделательных горнов у славян Левобережья и в других районах Европейской части СССР, с учетом этнографических данных можно реконструировать процесс добычи железа у восточных славян. Обычным сырьем железоделательного производства в древности служили болотные и дерновые бурые руды (лимониты), широко распространенные на территории Восточной Европы [217,

с. 39], кустарная разработка залежей которых производилась вплоть до начала XX века [107, с. 37, т. 1].

В содержащих от 18 до 40% железа органического происхождения бурых железняках восстановление железа начинается уже при температуре 400°, что делает болотные руды наиболее подходящим сырьем для примитивной металлургии; немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что их добыча облегчается залеганием руд на незначительной глубине [217, с. 125]. Сыродутный процесс добычи железа нуждается в предварительной обработке руды с целью ее обогащения. Данные этнографических наблюдений позволяют предполагать, что в рассматриваемое время славяне для обогащения руды применяли такие операции, как промывка, просушка, обжиг, измельчение и просеивание [55, с. 55 и сл.; 341, с. 13 и сл.]. Как показали лабораторные исследования, обжиг руды является необходимым условием сыродутного способа добычи железа [26, с. 356—369; 108, с. 58]. Сущность сыродутного процесса состоит в восстановлении железа из окислов руды.

Наличие обогатительных печей у восточнославянского населения Европейской части СССР подтверждается археологическими материалами [42, с. 123 и сл.; 296, с. 103, рис. 12, 1]. Остатки горнов выявлены на Волынцевском поселении в помещениях № 12, 14. Горн в помещении № 12 имел круглый под, углубленный на 0,5 м от пола. Диаметр пода был равен 0,2 м. Стены горна изготавливались из материковой глины, на них заметны следы неоднократной обмазки. Они были обожжены на 0,30 м. Перед печью находилась яма, заполненная кусками шлака. В непосредственной

близости от горна была обнаружена железная крица диаметром 20 см. Остатки аналогичного горна выявлены в помещении № 14 [IV, с. 41—42].

Подобные горны емкого типа известны на широкой территории [91, с. 314; 324; 328; 338]. Однако наиболее близкими следует считать железоплавильные печи, выявленные М. И. Артамоновым близ с. Григоровки Винницкой области [15, с. 100—117; 16, с. 25 и сл.]. Эти печи, относящиеся к последним столетиям I тысячелетия н. э., были вынесены за пределы поселения, что вообще характерно для более позднего (VIII—X вв.) времени. Подтверждением такой датировки этого рода печей служит найденная в Подмосковье в одной из предпечных ям восточная монета начала IX в. [217, с. 129].

Печи находились за пределами расположения жилищ, в обрывах на подветренных местах. Так размещались горны у с. Григоровки [16, с. 27] на южном, открытом склоне плато, а также на Гочевском городище [217, с. 208]. По-видимому, необходимый для создания высокой температуры и восстановления железа приток воздуха осуществлялся также и принудительным путем при помощи мехов. Об этом могут свидетельствовать находимые на ряде пунктов глиняные сопла.

Не имея прямых археологических материалов, чтобы судить об устройстве железоделательных печей на рассматриваемой территории, но принимая во внимание относительное однообразие славянских культур Восточной Европы, мы можем воссоздать общий вид металлургических горнов на основании материалов с других территорий. Печи, представлявшие ямы кониче-

ской формы, имели верхний диаметр до 20 см, а нижний — около 40 см; глубина сохранившихся частей достигает 40 см (Григоровка). В нижней части печи имели устье с соплом, отверстие которого (размером 25 X 20—30 см) выходило на склон. Здесь же находилась и рабочая площадка, размеры которой колебались в пределах от 1,5 до 2 м. Как и на Волынцевском поселении, внутренняя часть горнов была покрыта слоем глиняной обмазки, иногда до 20 см толщины. Под таких печей был плоским (Волынцево) либо выпуклым (Григоровка). По мнению И. И. Ляпушкина, такое различие в устройстве пода объяснялось различным технологическим назначением печей. Это вполне вероятно, тем более что печи Григоровского комплекса более совершенны, чем горны Волынцевского поселения. Вместе с тем найденная близ горна в помещении № 12 (Волынцево) крица имела диаметр, равный диаметру пода, что может указывать на ее производство в данной печи, вопреки утверждению И. И. Ляпушкина, будто бы печи с плоским подом служили лишь для обработки готовой крицы, а не для производства железа [146, с. 143].

Вместе с обломками криц на раннеславянских поселениях встречаются глиняные сопла — детали железоплавильных горнов. Выявлены их обломки (Коробовы Хутора на Северском Донце [314, с. 309]) и целые экземпляры (Григоровка). Длина целого экземпляра 40 см, сечение толстого конца — около 6 см, при диаметре отверстия 3,5 см; сечение тонкой части составляет 4,5 см, при диаметре отверстия около 1 см. По форме сечения могли быть круглыми или квадратными. На Григоровском комплексе обна-

ружена печь, в устье которой было вмазано четыре таких сопла [16, с. 29]. Это было естественное местоположение сопел, что подтверждается также материалами раскопок двух полуземлянок с аналогичного устройства горнами на селище Лебедка Орловской области, которые датируются по аналогии с сыродутными горнами в г. Пскове [179, с. 182; 272, с. 57].

Значительное количество шлаков, находимых почти на всех славянских поселениях второй половины I тысячелетия н. э., является «признаком местной выработки металла» [217, с. 130]. Это свидетельствует о широком распространении железоделательного производства на Днепровском Левобережье, хотя находки самих печей на территории всей Восточной Европы единичны.

Можно представить и сам процесс добычи железа. Через широкое отверстие в верхней части печи в нее засыпали уголь и руду. Перед засыпкой руды в печь засыпали сначала древесный уголь, затем до 30 кг предварительно промытой, измельченной и обожженной руды. Древесный уголь при этом выполнял особую роль, поскольку его применение являлось обязательным условием [342].

Неполное сгорание угля давало большое количество СО, служившего основным восстановителем [328, с. 236; 338, с. 137; 341, с. 18]. Вероятно, славянским металлургам была известна плавка под флюсом, в качестве которого служили дробленые кости животных [312]. В пользу этого соображения говорит высокое (1—1,5%) содержание фосфора в крицах (Волинцево [IV, с. 162], Кузнецовское городище [90, с. 105]). Полученный таким образом крицы имели вес до 3 кг, что уда-

лось выяснить В. И. Бидзиле на основании объема печей, необходимого количества топлива и руды на железоплавильном комплексе из Гайворона [42, с. 142]. Каждый раз для добытия крицы приходилось печь частично ломать, и для каждой новой плавки необходимо было достраивать верхнюю часть [217, с. 130—131]. Один такой горн мог дать шесть-семь плавок, после чего ошлаковывался и окончательно выходил из строя [42, с. 135].

Дальнейшая эволюция железоплавильных печей, по мнению Б. А. Рыбакова, шла путем увеличения количества сопел, удлинения корпуса печи вверх для улучшения тяги, отыскания наиболее эффективного внутреннего профиля [217, с. 131].

Масштабы железоделательного производства в это время достигли значительных размеров. Так, свыше 20 печей было обнаружено близ Гайворона (середина I тысячелетия н. э.) [42], 30 горнов выявлено в производственном комплексе близ с. Григоровки (VIII—IX вв.) [16], остатки металлургического производства на Гочевском городище (конец I тысячелетия н. э.) [217, с. 208] занимали площадь свыше 10 тыс. м². Концентрированное металлургическое производство выявлено археологическими исследованиями в Польше [304; 336] и Чехословакии [337]. По-видимому, появление такого рода металлургических центров обусловлено не только наличием сырьевой базы, технологических знаний и навыков занимавшегося железоделательным ремеслом населения, но и уровнем развития общества.

Металлообработка. Сезонный характер железоделательного ремесла и одинаковый набор инструментов

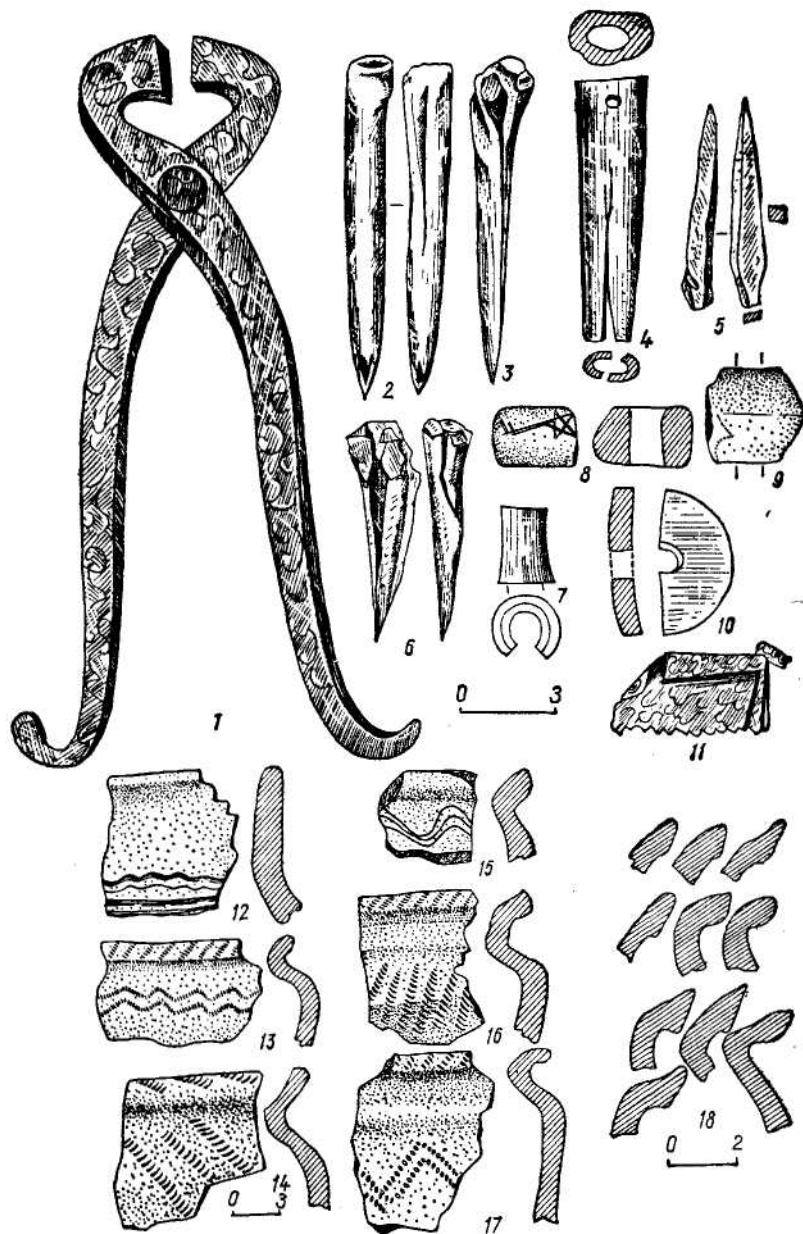

Рис. 56. Материалы с городища у с. Решетняки (раскопки И. И. Ляпушквина):

1 — кузнечные клещи; 2, 3, 6 — проколки; 4 — рукоятка ножа; 5 — наконечник стрелы; 7 — шахматная фигурка (?); 8—10 — глиняные пряслица; 11 — обломок пилы-ножовки; 12—17 — фрагменты лепной керамики роменского типа; 18 — профили гончарной древнерусской посуды (XI—XIII вв.).

позволяют заключить, что производство металла и кузнечное дело находились в руках одного и того же мастера [217, с. 133]. В пользу этого свидетельствует расположение кузниц в непосредственной близости от сыродутного горна, как на Райковецком городище [60, с. 85] и селище Лебедка [173, с. 182]. Следы кузнечного ремесла зафиксированы и на Новотроицком городище [140, с. 219—221]. Орудия металлообработки выявлены на Мохначевском городище роменского времени (рис. 54, 5; 53, 5). Кузнечные клещи обнаружил И. И. Ляпушкин во время раскопок роменского городища у с. Решетняки Полтавской области (рис. 56, 1) *.

Наилучшим доказательством металлообработки служат находимые орудия производства, ремесла и быта, изготовленные из железа. В пользу развитого металлообрабатывающего ремесла свидетельствует также и устойчивость форм металлических орудий земледелия и ремесла, охоты и рыболовства, предметов быта на всей территории Левобережья. Ассортимент изделий из металла при всем своем разнообразии в общем-то невелик, будучи ориентирован на удовлетворение потребностей сельского обитателя, основным занятием которого было сельское хозяйство с его отраслями [146, с. 145].

Уровень металлообработки был довольно высоким. Как показал анализ некоторых предметов с Донецкого городища (наконечник стрелы, топор), кузнецам VIII—X вв. были известны специальные приемы изготовления орудий с повышенной твердостью. Так, наконечник стрелы

* Хранится в Полтавском краеведческом музее в коллекции И. И. Ляпушкина (ДЛ-60, Ршт-ф. № 1018).

был сделан из железа; последующая цементация наконечника дала микротвердость его острия — 300 кг/мм. Лезвие топора имело также повышенную твердость в результате цементации [311, с. 86]. Анализ зубила с Донецкого городища позволил выяснить применение другой технологии: в этом случае повышенная твердость была достигнута за счет наваривания стального лезвия на железную основу [311, с. 79, 84]. Славянские кузнецы владели приемами холодной и горячейковки, кузнечного сваривания, цементации и термической обработки, известными в эпоху Киевской Руси. О мастерстве их говорит высокое качество и чистота сварных швов в местах соединения железной основы со стальными пластинами [311, с. 82].

Вплоть до недавнего времени о ювелирном ремесле у восточных славян второй половины I тысячелетия на территории Днепровского Левобережья судили в основном по разнообразным украшениям, находимым на памятниках этого времени, главным образом в составе кладов и в могильниках. При раскопках Новотроицкого городища впервые выявлены следы обработки цветных металлов. Глиняные льячки были найдены на селище середины I тысячелетия н. э. близ Курган Азак *, Волынцево [III, инв. № 1078], в Посудичах [92, рис. 8], литейные формы известны из материалов Волынцевского поселения [II, инв. № 1076, 1276, 2077], а тигли — на Новотроицком поселении [140, с. 26—29, с. 82—84, 118—121] и в Опошне [144, с. 237] (рис. 57).

На поселении VIII—IX вв. близ

* Материалы раскопок автора. Хранятся в фондах ИА АН УССР.

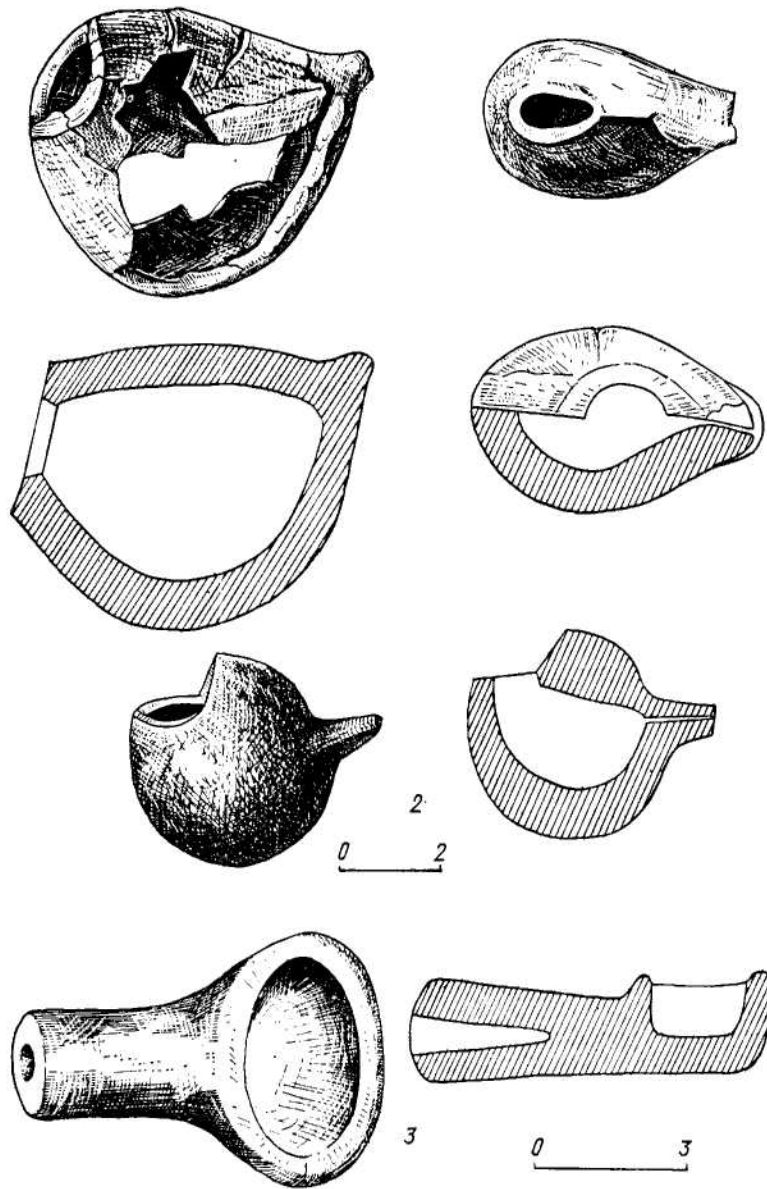

Рис. 57. Льячки для разливки цветных металлов:
 1, 2 — с поселения у с. Новотроицкое; 3 — с поселения у с. Посудичи.

с. Новотроицкое были обнаружены мастерские, в помещениях которых наряду с обычными бытовыми выявлены печи специального назначения. В обеих полуземлянках обнаружены и «прилавки», непосредственно примыкающие к производственным печам. По-видимому, эти сооружения служили своеобразными верстаками, на которых производилась работа с расплавленным металлом.

Плавка металла осуществлялась в глиняных тиглях, один из которых обнаружен непосредственно в развале горна (помещение № 40), два других были найдены на полу близ разрушенной производственной печи (помещение № 18) [141, с. 118—121].

Спектральный анализ обнаружил следы меди на стенке одного из тиглей. Исследовавший Новотроицкое городище И. И. Ляпушкин обращает внимание на то обстоятельство, что около помещения № 13 был найден клад из восточных серебряных монет и серебряных вещей. Характерной особенностью этого клада является отсутствие целых, неповрежденных, экземпляров. На основании этого автор высказал предположение, что данный клад и монеты следует рассматривать как сырье ювелира [140, 219]. Это, очевидно, так: согласно наблюдениям автора раскопок, вес большей части изделий из серебра кратен общему весу монет.

Можно назвать конкретные изделия, происходящие с памятников третьей четверти и конца тысячелетия. Это браслеты, изготовленные из серебряной пластины, склепанной в середине в проволоку, и трапезиевидные подвески с Волынцевского могильника [34, с. 17] (рис. 52, 2), аналогии которым имеются

в Суджанском кладе [218, с. 80, рис. 32, б/]. Из погребений Волынцевского могильника известны бубенчики и перстни, а также оковки поясов. На Новотроицком поселении, кроме указанных изделий, в составе кладов обнаружены шейные гривны, бронзовые браслеты, серьги и т. п. [140, т. ХСІ—ХСІІ].

Находимые украшения позволяют судить и о технологии их изготовления. Так, все найденные на Новотроицком поселении вещи изготавливались путем литья, однако есть находки, говорящие о применении тиснения (бронзовая матрица для тиснения, штампованные бляшки поясного набора).

Технологию изготовления ювелирных изделий характеризует опубликованный Д. Т. Березовцом Харьевский клад, обнаруженный в горшке волынцевского типа и датированный VII—VIII вв. [37, с. 109—119]. На основании анализа предметов этого клада Д. И. Березовец устанавливает следующие технологические приемы: штамповка по матрицам, пуансон, резание ножницами, паяние, обработка напильником, сваривание железа с серебром, спайка серебряных пластин в торец, применение эмали и т. д. Такое разнообразие технологических приемов требует не только специализированных инструментов: молотков, зубил, напильников, один из которых обнаружен на Битицком городище (рис. 51, 10), ножниц, пробойников, пуансонов (известен с Опошнянского поселения — рис. 48, 13) и т. д., но и особых навыков и умения таких, как оценка качества металла, золочение внакладку, огневой способ золочения, техника скани, зерни, эмальерного дела. Хотя прямых свидетельств о производстве вещей перечисленными методами в

виде литейных форм и полуфабрикатов непосредственно на памятниках Левобережья и не найдено, вряд ли можно сомневаться в местном происхождении многочисленных украшений, находимых на памятниках второй половины I тысячелетия н. э.

Технологические приемы и высокое совершенство ювелирных изделий предполагают значительную специализацию ремесленника, что возможно лишь при условии выделения ювелирного ремесла из металлообрабатывающего. Едва ли можно согласиться с И. И. Ляпушкиным, считавшим, что эти отрасли металлообрабатывающего дела могли находиться в одних и тех же руках, «когда кузнец не только ковал сошники, но и лил серебряные височные кольца» [146, с. 147].

Гончарное дело. Мы уже охарактеризовали керамику славянских памятников второй половины I тысячелетия н. э. на Днепровском Левобережье. Остановимся лишь на некоторых сторонах технологии керамического производства. Подавляющее большинство керамических остатков является обломками сосудов, изготовленных от руки, без применения каких-то специальных приспособлений. Это относится, главным образом, к керамике первых столетий второй половины I тысячелетия н. э. К числу технологических приемов, применявшихся при изготовлении этой керамики, следует относить значительные примеси песка, дресвы или шамота в тесте, заглаживание, реже лощение какой-то части поверхности, иногда расчесы, сделанные при помощи пучка травы по сырой глине и т. п. Подобные технологические приемы прослеживаются на некоторых обломках сосудов с поселения середи-

ны I тысячелетия н. э. близ с. Курган Азак Сумской области. Прием расчесывания поверхности характерен для сравнительно тонкостенных слаборасчлененных сосудов тюльпановидной формы. Заглаживание характерно для относительно толстостенных сосудов с толстым (до 2—2,5 см) дном, отличительной чертой которых является более или менее выраженное ребро * (рис. 9, 2, 4, 8—10; рис. 10, 5, 7, 11). Последние известны и в бассейне Северского Донца на поселении Задонецкое ** (рис. 20, 5, 11, 13).

В керамическом комплексе последующего периода (VII—VIII вв.) представлена как лепная, так и изготовленная на круге посуда. Лепную керамику Д. Т. Березовец по техническим качествам подразделил на три группы: сосуды с неровной поверхностью, заглаженной и имитирующей гончарную [IV, с. 47—50]. Наиболее архаичный облик имеет керамика первого типа. Эта архаичность проявляется и в технологических особенностях посуды: несимметричность, крупный шамот в тесте, слабовыраженная расчлененность, а в некоторых случаях отсутствие венчика; примитивность орнаментации в виде пальцевоногтевых вдавлений, насечки и т. п. Такая керамика известна не только на волынцевских памятниках украинского Левобережья, но и в Подесенье, а также в бассейне Оки [173, с. 190, рис 13 (б)].

Гончарная керамика изготовлена тщательнее и орнаментирована комбинациями лощеных и вдавленных линий (рис. 24—27). Основная

* Материалы разведки автора. Частично опубликованы [261, с. 229 и ел.].

** Разведка Б. А. Шрамко. Материалы в Археологическом музее ХГУ.

масса керамики роменского времени также лепная (рис. 43; 44). Мы не будем останавливаться на ее характеристике, так как это сделано в достаточной степени в работах И. И. Ляпушкина [140, с. 32—34; 144, с. 238—240]. Технология производства лепной керамики освещена в работах исследователей [96, с. 91 и ел.; 53; 217, с. 73—76]. Гончарное ремесло находилось на стадии выделения в самостоятельную отрасль хозяйства. Так, на некоторых раннеславянских памятниках, по-видимому, уже применялся какой-то примитивный гончарный круг. В пользу этого говорят случаи находок сосудов с подправленными на круге венчиками (Новотроицкое), а также днища с клеймами (Волинцево, Коробовы хутора).

Обособление керамического производства засвидетельствовано также на Донецком городище, где Б. А. Шрамко раскопал обжигательную печь с роменскими сосудами в заполнении. Обжигательный горн находился в стороне от жилищ, на юго-западном краю городища. Печь в плане имела форму неправильного овала диаметром 120 X X 110 см. От обычных хозяйственных печей эта печь отличалась по конструкции лишь большими размерами пода. Кроме того, она устроена на поверхности, а не в полуземлянке, как печи хозяйственного назначения. Вероятно, над обжигательной печью был сооружен какой-то легкий навес. Уцелевшая нижняя часть печи высотой 15—20 см была вырезана в материковой глине. Верхняя часть сооружения разрушена позднейшей нивелировкой площадки. Внутреннее пространство печи было заполнено обломками обжигавшихся в ней роменских сосу-

дов, часть которых изготовлялась на примитивном гончарном круге. В отличие от обжигательных печей эпохи Киевской Руси здесь не было перегородки, отделявшей топочную часть от обжигательной камеры. По мнению Б. А. Шрамко, в роменскую печь посуда загружалась в два ряда, причем нижний ряд состоял из поставленных вверх дном сосудов. Огонь раскладывался вокруг установленных горшков [316, рис. 2].

Обжигательные печи известны на Райковецком городище, хотя там они более совершенны (с разделением на топочную и обжигательную камеры, но без «козла» — перегородки в топочной части) [60, с. 11].

Таким образом, приведенные данные могут свидетельствовать в пользу предположения об обособлении гончарного ремесла к концу рассматриваемого тысячелетия, что проявилось в наличии обжигательных горнов и оформлении гончарного круга быстрого вращения. Об этом, в частности, говорит наличие на некоторых памятниках группы гончарной керамики, в которой роменская орнаментация сочетается с линейно-волнистыми украшениями киеворусского периода (рис. 47; 58, 14, 21, 28, 34, 35) [156, с. 338]. К сожалению, мы не можем установить преемственности в развитии форм керамики на протяжении всего изучаемого времени. Исключение составляет единственная группа — сковородки, выявленные как на раннесредневековых поселениях, так и на поселениях позднего времени. Их развитие от глиняных дисков-лепешечниц до роменских сковородок с высоким бортиком столь очевидно, что можно построить типологический ряд (рис. 45, 5). Развитие лепной керамики от примитивной к более совершенной, проявля-

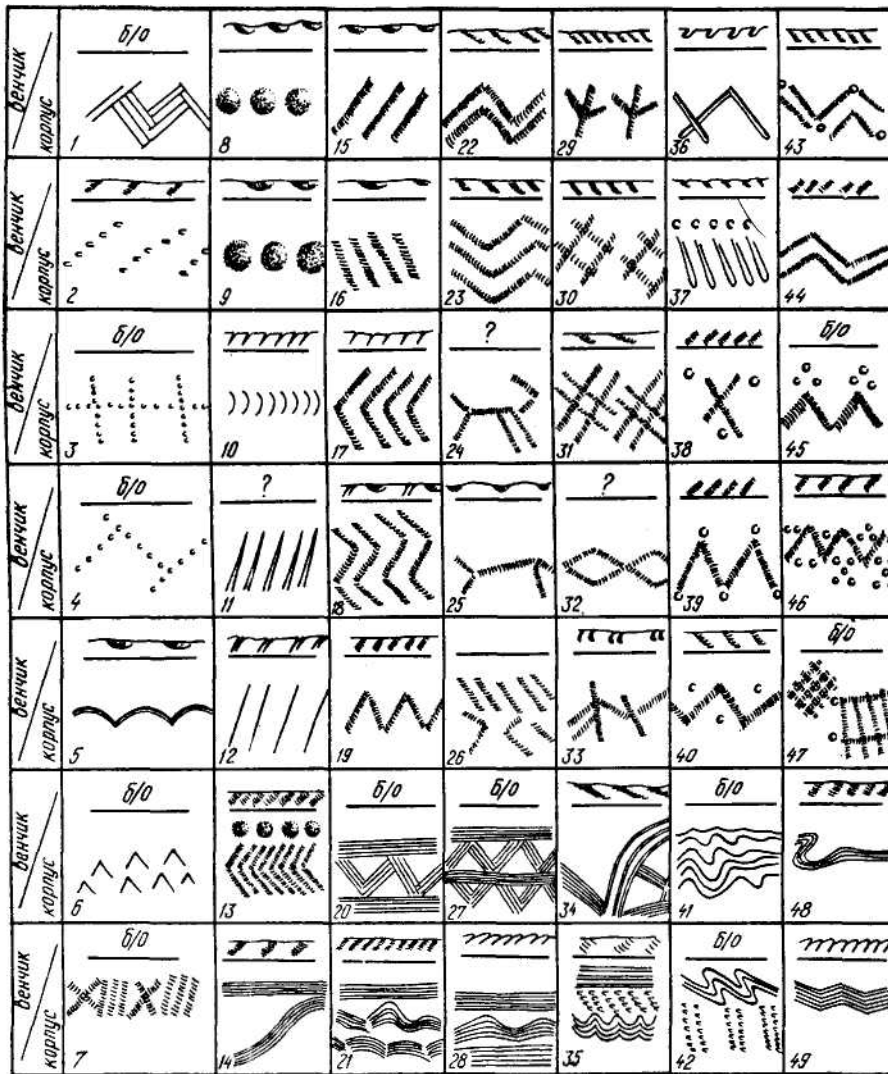

Рис. 58. Сводная таблица орнаментации роменской посуды:

1 — Новотроицкое; 2 — Волянцево; Новотроицкое; 3, 4 — Волянцево (Волянцево — Курган); 5 — Волянцево — Курган; 6 — Монастырище; 7 — Ницаха; 8, 13 — Волянцево — Курган; 9 — Волянцево, Каменное; 10 — Волянцево — Курган, Глинск; 11 — Волянцево — Курган, Вашкевича; 12 — Волянцево, Сосница; 14 — Вашкевича, Глинск; 15 — Волянцево — Курган, Донецкое, Водяное, Коробовы Хутора и др.; 16 — Волянцево, Каменное, Шестовица, Мохнач и др.; 17 — Зарубинцы, Донецкое; 18 — Волянцево, Ницаха; 19 — Волянцево — Курган, Воргол, Донецкое, Хорошевское, Водяное и др.; 20, 21, 27 — Новотроицкое; 22 — Волянцево, Новотроицкое, Донецкое, Мохнач; 23, 24 — Волянцево — Курган; 25 — Полтава; 26 — Глинск, Хотмыжск; 28 — Волянцево, Новотроицкое; 29 — Монастырище, Хорошевское, Хотмыжск; 30 — Заречное, Горки; 31 — Skorobogatyki, Киев; 32 — Заречное, Горки, Полтава; 33 — Полтава; 34 — Монастырище; 35 — Ницаха; 36 — Волянцево — Курган, Донецкое; 37, 38 — Волянцево — Курган, Доршевка; 39 — Ницаха; 40, 42, 45, 47, 49 — Ницаха; 41 — Доршевка, Новотроицкое, Сосница; 43 — Волянцево — Курган, Каменное, Сары, Кнышевка; 46 — Skorobogatyki; 48 — Новотроицкое, Коробовы Хутора, Шестовица.

ющеся в технологии, позволяет говорить о прогрессе этой отрасли ремесла в течение всей второй половины I тысячелетия н. э.

Обработка камня, дерева, кости и рога. Немаловажное место в хозяйственной жизни ранних славян Днепровского Левобережья занимали отрасли домашнего ремесла. По археологическим материалам мы можем судить о развитии у славянского населения второй половины I тысячелетия н. э. на рассматриваемой территории камнеобработывающего, деревообделочного и костерезного ремесла, продукция которых удовлетворяла различные хозяйственные нужды.

Из продукции камнеобработывающего ремесла до нас дошли разного рода точильные камни, зернотерки, жернова и другие поделки. Следует отметить среди них жернова, чаще всего представленные в фрагментированном виде. Известны случаи находок и целых экземпляров (Донецкое городище [314, рис. 121]), позволяющие относить их к жерновам раннего южного типа [314, с. 310]. Этого рода жернова имели округлую форму, диаметр **0,45—0,60 м**, толщину 4—6 см. Изготавливались они из различных пород камня: кварцита (Новотроицкое, Бица) [140, рис. 28 (1—2); 141, с. 58 и ел.], песчаника (Сенча), гранита (Кнышевка *) и т. д. Две пары жерновов были обнаружены во время раскопок городища Малый Балкан в окрестностях с. Ницахи **. Массивный верхний жернов имеет, кроме центрального, на своей нерабочей поверхности одно-два углубления, расположенные эксцентрично.

* Разведки автора и М. П. Кучеры в 1971 г.

** Материалы хранятся в Сумском краеведческом музее.

Такие жернова были обнаружены и на смежных территориях (в Подонье [90, с. 51—52, т. XII], Саркеле [14, с. 52 и ел.]). На Волынцевском поселении Д. Т. Березовец обнаружил зернотерки третьей четверти I тысячелетия [34, с. 7] (рис. 55). Терочники (куранты) выявлены на поселении близ с. Курган Азак Сумской области * (рис. 15, 10—12).

На поселениях второй половины I тысячелетия н. э. найдено много точильных камней (рис. 15, 14—17), многие из которых несут следы предварительной обработки для придания им определенной формы [141, рис. 28, 3—7]. Примечательно, что на городище Новотроицком найдены два круглых камня с прямоугольными отверстиями в центре для крепления их на оси, что может свидетельствовать о применении точильных приспособлений [141, рис. 28, 9—10]. Аналогичные точильные камни обнаружены на городище у с. Ницаха Сумской области.

Кроме того, следует упомянуть серию так называемых утюжков, применявшихся, вероятно, в кожевенном и скорняжном деле. Перечень изделий из камня будет неполным, если не назвать изредка встречающиеся литейные формочки, которые обнаружены Д. Т. Березовцом на Волынцевском поселении [II, инв. № 1276, 2077, фотография 2].

Имеющиеся данные не позволяют говорить о приемах и инструментах, применявшихся в раннеславянском хозяйстве для обработки камня. По-видимому, это были разного рода долота, возможно, трубчатые сверла с употреблением абразивных материалов, как это установлено

* Материалы хранятся в ИА АН УССР.

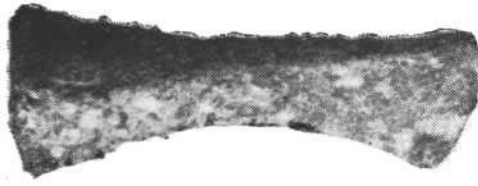

Рис. 59. Топор из раскопок городища Курган у с. Волынцево (раскопки В. И. Довженка).

для салтовской культуры (VIII—X вв.) [165, с. 24] и эпохи Киевской Руси [217, с. 417 и сл.].

Наличие деревообрабатывающего ремесла может быть установлено как на основании строительных остатков, так и по специальным инструментам. Отсутствие изделий из дерева на поселениях второй половины I тысячелетия н. э. объясняется их плохой сохранностью в почвах лесостепной и лесной зон. Природные условия рассматриваемой территории давали возможность широко использовать дерево в различных хозяйственных целях. Из дерева изготавливались детали сельскохозяйственных орудий, ткацкие станки, лодки, рукоятки различных инструментов и т. д. Наконец, дерево являлось основным строительным материалом для жилищ, оборонительных сооружений. По-видимому, есть доля истины в утверждениях некоторых исследователей, связывающих исчезновение гончарной столовой посуды в третьей четверти I тысячелетия н. э. не столько с исчезновением гончарного круга, сколько с появлением токарного деревообрабатывающего станка. Из числа орудий обработки дерева можно назвать долота (рис. 51, 13), топоры [140, рис. 8, 1] (рис. 51, 8; 59), тесла [140, с. 20] (рис. 51, 9) (рис. 52, 14), ложкорезы [140, с. 814] (рис. 51, 11, 12) (рис. 52, 3), стамески [IV, с. 172].

Отпечатки деревянной подставки с характерными годовыми кольцами на глиняной миске с Волынцевского поселения могут говорить о том, что славянское население Левобережья уже в VII—VIII вв. применяло поперечную пилу [IV, с. 170]. Обломок такой пилы, обнаруженный И. И. Ляпушкиным во время раскопок роменского городища близ с. Решетняки в 1961 г., хранится в фондах Полтавского краеведческого музея* (рис. 56, 11). Прослеживаемые в жилищах остатки обтесанных бревен (жилище № 13 Волынцевского поселения), а также соединение бревен «в чашку», зафиксированное автором при расчистке полуземлянки роменского времени на городище Волокитино, свидетельствуют о наличии специальных навыков плотничьего ремесла [264, с. 110].

Многочисленные поделки из кости и рога, находимые на поселениях второй половины I тысячелетия, говорят о развитии обработки этих видов животного сырья. Из кости изготавливали различного назначения острия, проколки, кочедыки (рис. 56, 2, 3, 6), служившие инструментами в кожевенном, скорняжном, сапожном и других ремеслах, удовлетворявших потребности населения в одежде и обуви. Кость и рог применялись также для изготовления рукоятей ножей, грузил, бус [140, рис. 29, 22]. Эти виды сырья трудно поддаются обработке без предварительной подготовки. Исследования по технологии костерезного производства, проведенные советскими и зарубежными специалистами [217, с. 413 и сл.; 308, с. 27 и сл.; 75, с. 95 и сл.; 346; 331; 344], показали, что

* Коллекция И. И. Ляпушкина (ДЛ-60, Ршт-ф).

славяне второй половины I тысячелетия применяли специальные подготовительные операции. Так, для размягчения кости и рога их длительное время мочили в горячей воде или кипятили в закрытом сосуде [100, с. 16, 19; 331, с. 254]. При обработке использовались различные инструменты, применявшиеся и для обработки дерева, такие как топор, пила, ножи, какие-то инструменты для сверления и т. д. Кроме костяных и роговых поделок для нужд хозяйства, следует назвать астрагалы, служившие для какой-то игры. На многих из них имеются просверленные отверстия (рис. 46, 7); некоторые украшены врезным орнаментом [140, рис. 30, 1]. На боршевских памятниках встречаются костяные изделия, покрытые циркульным орнаментом, широко распространенным в эпоху Киевской Руси [170, рис. 24 «].

Костяные изделия на ряде романских памятников количественно преобладают над металлическими, поэтому на первых порах изучения раннеславянских памятников Левобережья сложилось мнение о примитивности славянского населения данной территории [155, с. 22 и ел.; 90, с. 15]. По мере дальнейшего изучения их выяснилось, что изделия из кости и рога вовсе не были призваны восполнять недостаток металлических орудий, а использовались во вспомогательных отраслях хозяйства [329, с. 200].

Полученная в результате земледелия и скотоводства продукция и сырье нуждались в переработке, которая в условиях натурального хозяйства осуществлялась непосредственно в нем. Эту отрасль хозяйственной жизни принято называть домашней промышленностью или домашними промыслами [2, с. 328].

Домашние промыслы, тесно примыкая к хозяйственной деятельности земледельца, составляли неотъемлемую часть быта сельского населения России еще в конце XIX — начале XX вв. Тем более это верно для второй половины I тысячелетия н. э.

Прядение и ткачество. Земледелие и скотоводство давали необходимое сырье для прядения и ткачества, которые должны были удовлетворять потребности населения в одежде. Сырьем для этих видов домашней промышленности служили лен и конопля, а также шерсть животных. По-видимому, способы обработки льна, конопли и шерсти в раннем средневековье существенно не отличались от применявшихся в деревнях дореволюционной России.

Лен и коноплю перед обмолотом сушили, затем замачивали, чтобы отделить волокно, после чего мыли, трепали и чесали. В результате получали льняное или конопляное волокно различных сортов [123, 459—540].

Шерсть получали после стрижки овец. Для этой цели применялись пружинные ножницы, один экземпляр которых был обнаружен на городище Титчиха [170, рис. 5, с. 73]. Полученную после стрижки шерсть очищали механическим путем, а затем сбивали ее в войлок или после тщательной промывки оставляли на пряжу.

Судя по многочисленным находкам пряслиц на памятниках второй половины I тысячелетия на Днепровском Левобережье, прядение было весьма развито среди оставшегося их населения. Так, на Новотроицком поселении найдено свыше полусотни пряслиц. И. И. Ляпушкин отмечает, что наиболее распро-

страненными следует считать глиняные биконические пряслица с уплощенными вершинами, высота которых колеблется от 1,8 до 2,6 см при диаметре среднего сечения 2,4—3,6 см и диаметре отверстия 0,8—1,1 см [140, с. 46]. Такого рода пряслица имеют широкое распространение в пределах всей рассматриваемой территории.

Кроме охарактеризованных выше, известны также глиняные пряслица овальной или круглой формы (Лебяжье, Курской области) [129, с. 67], Донецкое [314, с. 307] (рис. 54, 6—8), а также конусовидные пряслица с уплощенной вершиной (Посудичи) [92, рис. 5] и цилиндрические (Макча) [181, с. 110]. Помимо глиняных пряслиц плоскобиконической формы, на ряде памятников конца I тысячелетия обнаружены аналогичной формы шиферные пряслица (Горки, Бунякино) [II, с. 11 — 12], Красное Утро*, Ницаха Сумской области**, а также изготовленные из мергеля (Макча) [181, с. ПО] и мелкозернистого песчаника (Коробовы Хутора) [314, с. 310]. Следует назвать также пряслица, изготовленные из обломков стенок гончарных амфор. Изделия такого типа встречаются редко и лишь в районах роменско-салтовского пограничья (Ницаха, Коробовы Хутора (рис. 54, 8), Битица (рис. 52, 2), Решетняки (рис. 56, 10)).

Одно из шиферных пряслиц (Горка) найдено совместно с бронзовым пластинчатым браслетом с продольным ребром*** и роменской

керамикой. На городище в Бунякино шиферное пряслице обнаружено совместно с роменской керамикой. Два округленнобиконических и одно остроробристое пряслице выявлено в полуземлянке на городище Красное Утро (рис. 46, 8), в заполнении которой имелись только роменская посуда и керамика скифского времени. В одном из роменских жилищ на городище Малый Балкан у с. Ницаха во время раскопок нами обнаружены округленнобиконические шиферные пряслица в сочетании с исключительно роменскими керамическими остатками. Таким образом, вряд ли справедливо категорическое утверждение И. И. Ляпушкина об отсутствии шиферных пряслиц ранее X в. [140, с. 184].

Прядение шерсти («волны») и льна было занятием женщин; об этом говорят письменные источники [176, с. 129]. Прядение предполагает наличие ткачества. Однако мы не располагаем археологическими находками остатков этой отрасли домашних промыслов. Но известны остатки орудий прядения и ткачества из раскопок-памятников эпохи Киевской Руси, сводка которых дана М. Н. Левинсон-Нечаевой [127, с. 9—37]. По-видимому, они мало чем отличались от не дошедших до нас аналогичных орудий с более ранних памятников, точно так же, как древнерусские орудия обработки сырья для прядения и ткачества весьма близки засвидетельствованным этнографами [123, с. 459 и ел.]. *Обработка кожи и меха.* Развитое скотоводство раннеславянского хозяйства обеспечивало потребности в сырье для изготовления обуви, теплой верхней одежды и т. п. В этой отрасли домашнего производства значительную роль играла охота, поставляя шкуры и меха для

* Материалы хранятся в ИА АН УССР.

** Раскопки автора в 1973 г. Материалы не опубликованы.

*** Аналогии этому браслету имеются в Фативижском кладе, датированном третьей четвертью I тысячелетия н. э.

кожевенного и скорняжного ремесел [196, с. 51 и сл.; 248, с. 196 и сл.] О широком развитии этих видов домашних промыслов в эпоху древнерусского государства убедительно говорят многочисленные находки их продукции во время археологических раскопок [101, с. 199—222; 125, с. 33—60]. Мы не имеем достаточных свидетельств об этих видах домашних промыслов на Днепровском Левобережье во второй половине I тысячелетия н. э. Однако в нашем распоряжении есть некоторые орудия труда. Это скребки и скобели, изготовленные из кости. Сюда же следует отнести и многочисленные острия и проколки, кочедыки, находимые десятками на раннеславянских поселениях*.

Консервативность натурального хозяйства позволяет утверждать, что кожевенное и скорняжное ремесла в рассматриваемую эпоху были не менее развитыми, чем в позднейшее время. В пользу этого можно привести и то обстоятельство, что процесс выработки кожи был не сложен и практически доступен каждому. Можно считать, что большой разницы в процессе выделки кожи между эпохами Киевской Руси, с одной стороны, и второй половины I тысячелетия — с другой, не было [125, с. 52, 53].

Для выделки кожи использовались скребки и скобели из трубчатых и реберных костей животных. В скорняжном ремесле применялись проколки — шилья, различные острия, зашлифованные концы которых говорят о длительном их употреблении. Эти последние преимущественно изготовлялись из костей овцы [140, с. 48 (сноска)].

* На Новотроицком городище их найдено около 80 [141, с. 48].

В скорняжном деле применялись, по-видимому, и так называемые утюжки, изготовленные из различных пород камня и имеющие самую разнообразную форму, но обязательно с тщательно отшлифованной, полированной рабочей поверхностью [170, с. 78—80; 140, рис. 28, 11—14]. Несколько таких орудий полусферической формы найдено при раскопках селища середины I тысячелетия н. э. близ с. Курган Азак. Они предназначались, вероятно, для разглаживания швов.

Промыслы. Помимо земледелия и скотоводства, важное место в хозяйственной жизни славян Левобережья во второй половине I тысячелетия н. э. занимали сельскохозяйственные промыслы, из которых важнейшими следует признать охоту и рыболовство. Природные условия Левобережного Поднепровья — многоводные реки с широкими, часто заболоченными поймами, густые дубовые и смешанные леса, покрывавшие в то время долины и водоразделы*, являлись прекрасной естественной базой для развития этих отраслей.

Охота. Среди вспомогательных отраслей хозяйства особое место занимала охота, роль которой получила освещение в письменных источниках позднейшего времени. Ее место в хозяйстве подтверждается остеологическими материалами. При сопоставлении костных остатков домашних и диких животных видно, что последние занимают второе место как по количеству, так и по чис-

* По мнению специалистов, леса на Левобережной Украине начали сводиться в XVI в., что привело к образованию лесолугового ландшафта, который к концу XIX в. сменился эрозивно-пахотным в результате хищнической вырубki леса [168, с. 171].

ду особей. На основании материалов раскопок поселений третьей четверти и конца I тысячелетия н. э. (Новотроицкое [140, с. 216], Петровское [291, с. 138 и сл.], Опошня [144, с. 273]) можно утверждать, что кости диких животных занимают второе место, составляя от 20 до 25% по количеству всех костных остатков и около 30—40% по числу особей. Примерно такая же картина зафиксирована Д. Т. Березовцом на Волынцевском поселении. Достаточных материалов для освещения вопроса о месте охоты в хозяйстве славян Левобережья в первые столетия второй половины I тысячелетия мы не имеем, но, вероятно, и тогда соотношения были аналогичны. Впрочем, нельзя исключать и того положения, что в начале изучаемого периода по причине более низкого уровня развития земледелия, чем это было в конце I тысячелетия н. э., роль охоты была более значительной. В отличие от левобережных памятников, на поселениях Подонья (IX—XI вв.) ведущее место среди костных остатков принадлежит костям диких животных, указывая тем самым на большую роль охоты и важное значение промысловых животных в пищевом рационе населения*.

Однако костные остатки диких животных не всегда свидетельствуют о главных направлениях охоты [65, с. 60 и сл.], поскольку некоторые виды промысловых животных в пищу не употреблялись. Так, бобр, куница, лисица и другие промышленялись для получения пушнины; шкурка с них снималась, а тушку за ненадобностью оставляли на месте или скармливали собакам. При со-

* Более 57% [170, с. 69; 72, с. 114; 301, табл. 80].

поставлении костей различных видов животных можно видеть, что значительное место занимали остатки крупных животных. Это остатки лося, медведя, оленя, кабана, косули. Кости этих животных сильно раздроблены, что говорит об употреблении их в пищу. Об употреблении в пищу мяса медведя, помимо костей, говорят многочисленные канонические запреты, включающие медведя в число «нечистых» животных [301, с. 134]. Однако мы не можем со всей определенностью судить об основных направлениях охоты, можно лишь предполагать, что промысел с целью получения пушнины играл не менее важную роль, чем для пополнения мясопродуктов в рационе. В пользу этого свидетельствует наличие значительного количества серебряных изделий и монет на памятниках конца I тысячелетия, которые могли быть получены в результате обмена на пушнину [140, с. 216]. Об этом имеются свидетельства у восточных авторов [57, с. 219]. Состояние археологических источников не позволяет судить о способах охоты. О них мы можем говорить лишь на основании письменных свидетельств более поздней поры и опираясь на этнографические материалы и древнерусский фольклор. По-видимому, орудиями охоты служили лук и стрелы, копьё, рогатины, различные самоловные орудия (тенета, сети, ловушки, капканы и др.). О том, что лук и стрелы были обычными орудиями охоты (Новотроицкое [140, с. 192], Владимировка [21], Донецкое [314, с. 120, 6], Ницаха)* говорят фрески Киевской Софии и рельеф на оковке турьего рога из Черной могилы (рис. 60, 11—20).

* Раскопки автора в 1973 г.

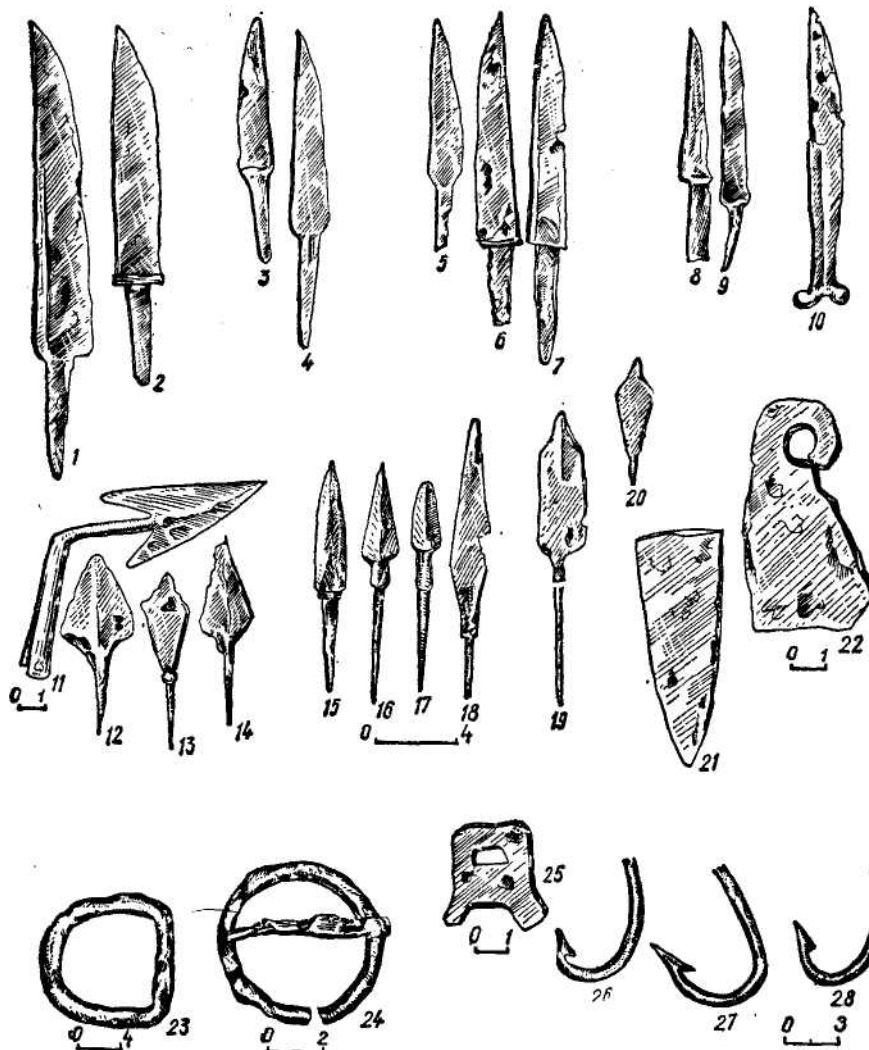

Рис. 60. Вещи с поселения у с. Новотроицкое:

1—10 — ножи; 11—20 — наконечники стрел; 21 — обломок меча; 22 — бабка для отбивки косы; 23, 24 — пряжки; 25 — обломок стремени; 26—28 — рыболовные крючки (раскопки И. И. Ляпушкина).

По вопросу о роли охоты в хозяйстве славянского населения имеются две точки зрения. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, исследовавшие поселения боршевского типа на Дону (IX—XI вв.), отводили охоте второстепенную роль [90, с. 12].

Специально занимавшаяся изучением остеологического материала с этих памятников В. И. Громова пришла к противоположному выводу, считая боршевцев по преимуществу охотниками [72, с. 114]. В пользу последнего говорят и материалы го-

Таблица 10

Соотношение видов диких животных на славянских поселениях второй половины I тысячелетия н. э. *

Вид животных	Волынцево Курган	Новотроицкое	Опошня	Петровское	Большое Боршево	Титчиха
Кабан	7	30,8	7,5	10	12	26
Косуля	10	18	18,5	70,8	8	17
Олень	3	7,6	7,5	2,8	3	10
Лось	10	2,9	11	10,8	16	27
Зубр	—	—	—	—	—	—
Медведь	5	0,5	11,5	2,8	5	13
Заяц	—	1,9	15	—	2	1
Бобр	3	15,6	3,5	—	51	69
Лиса	1	2,9	11,5	2,8	2	3
Волк	—	0,5	—	—	1	2
Птица	1	15	3,5	—	—	—

* Для Новотроицкого, Опошни и Петровского взяты процентные соотношения по числу особей, для других памятников — абсолютные цифры.

родища Титчиха [170, с. 69]. И. И. Ляпушкин на материалах романских городищ пришел к заключению, что охота служила средством разнообразия и пополнения мясного рациона [146, с. 140]. Целиком присоединяясь к мнению И. И. Ляпушкина, считаем необходимым заметить, что к вопросу о роли охоты следует подходить дифференцированно, учитывая географическую среду, в которой находятся те или иные группы раннеславянских памятников.

Безусловно, мясной рацион славянской семьи в рассматриваемое время значительно пополнялся за счет охоты, экономическую эффективность которой мы попытаемся выяснить с учетом поправок, принимаемых для расчета эффективности животноводства. Однако сначала рассмотрим соотношения различных видов диких животных, найденных на памятниках второй половины I тысячелетия, благодаря которым можно проследить основные направления и характер охоты.

На всех раннеславянских памятниках в процентном соотношении по числу особей и абсолютным цифрам преобладают остатки крупных животных, охота на которых велась преимущественно с целью получения мяса (табл. 10). В этом смысле показателен состав остатков диких животных на городище Новотроицком, где по абсолютному количеству особей на первом месте стоят кабан (65) и косуля (38).

Естественно, в условиях Полесья или островов леса в Лесостепи охота, вероятно, являлась экономичным и эффективным средством получения необходимых мясopодуKтов. Это находит отражение в остеологических материалах боршевских памятников. Для лесостепной территории основным направлением охоты являлась добыча крупных животных, в то время как в лесных районах большее значение, очевидно, имела охота на пушного зверя. Последнее подтверждается материалами поселений Подонья. Можно ска-

зять, что в Полесье и в лесостепной зоне охота являлась существенным подспорьем в хозяйстве раннеславянского населения Днепроовского Левобережья рассматриваемого времени, доставляя мясопродукты для питания и сырье для домашних нужд и торговли.

Рыболовство, как и охота, служило серьезным дополнительным источником пропитания. Остатки костей и чешуи рыб, выявленные при раскопках некоторых раннеславянских памятников (урочище Макча, Посудичи и Полужье — в Деснинском Полесье; Красное Утро — р. Сейм; Новотроицкое — р. Псел; Ницаха — р. Ворсклица; Донецкое — р. Северский Донец на украинском Левобережье), позволяют определить употреблявшиеся в пищу виды. Таковыми являлись щука, сазан, судак, лещ, сом, карп и другие более мелкие разновидности [146, с. 140]. Вероятно, ловились и осетровые, кости которых обнаружены на Донецком городище [313, с. 74—83].

О развитии рыболовства у раннеславянского населения свидетельствуют и находки орудий. Так, на Новотроицком городище обнаружены железные рыболовные крючки, длина которых достигала 7—8 см [140, рис. 11, 1—3] (рис. 60, 26—28). По форме и величине они близки к современным крючкам «сомовикам» и имели, по-видимому, те же самые конструктивные детали. От новотроицких рыболовных крючков несколько отличается крючок, найденный в роменском слое Донецкого городища (рис. 54, 3). Общая длина его — около 7 см, длина изогнутой части 4 см, в сечении этот крючок имеет 0,3 см. Его особенностью является специально пробитое отверстие в верхней части для за-

крепления лески [314, рис. 120, 4]. Кроме крючков для рыбной ловли, вероятно, применялись вместе с другими специальными приспособлениями остроги и сети.

На рассматриваемой территории не обнаружено никаких других орудий рыболовства, однако они есть в смежных областях на памятниках второй половины I тысячелетия и в поздние времена — на Днепровском Левобережье. Обломки остроги (боковой зуб) найдены на городище Титчиха [170, рис. 17 ж], на древнерусском селище Лебедка (Орловская область) [172, рис. 8,5], в древнерусских слоях Вщижского, а также Донецкого городища [314, рис. 141, 7; 313, рис. 3, 1—3].

О применении сетей или неводов во второй половине тысячелетия можно судить на том основании, что в костном материале на поселениях этого времени имеются остатки мелких видов рыбы, ловить которую на большие крючки было практически невозможно. В пользу высказанного предположения свидетельствует тот факт, что в роменских слоях Донецкого городища была найдена костяная игла (рис. 54, 12), размеры которой (длина около 10 см при толщине около 1 см) и форма позволяют предположить ее использование для плетения сетей [314, рис. 120, 11].

Применение сетей и неводов немыслимо без челнов. К сожалению, они отсутствуют среди более или менее точно датированных находок. Однако имеются письменные источники, сообщающие, что раннесредневековые славяне изготавливали лодки типа моноксиллов-однодеревок [166, с. 258]. Феофилакт Симокатта сообщает о строительстве каких-то легких судов [166, с. 261], вероятно, более сложной конструкции. О суще-

ствовании у ранних славян челнов говорит хотя бы упоминание летописи о «держании перевоза» как рода занятий.

Вероятно, славянское население знало и способы зимней рыбной ловли, о чем могут свидетельствовать находимые на некоторых памятниках второй половины I тысячелетия пещни [170, рис. 17, 3; 172, рис.9,1; 265, с. 131]. По-видимому, пещней являлось найденное на Битицком городище орудие в виде копьевидного втульчатого наконечника [142, рис. 12]. Мы не знаем, как выглядели челны ранних славян: челны, находимые в торфяниках, датировке не поддаются, их трудно отнести к определенной культуре [IX, с. 39—40].

Таким образом, во второй половине I тысячелетия славянское население Днепровского Левобережья выработало в основном совершенные орудия, приспособления, средства и способы рыбной ловли, применяемые с незначительными изменениями и по сей день [228, с. 208, 539].

Бортничество. Нам очень мало известно о других сельскохозяйственных промыслах. Так, бортничество известно только по письменным источникам, древнейшие из которых восходят ко времени первых сведений о славянах. Славяне второй половины I тысячелетия, по-видимому, занимались бортничеством в его наиболее примитивной форме, суть которой сводилась к отысканию деревьев с дуплами, занятыми дикими пчелами, к изъятию из них воска и меда. Имеются весьма скудные археологические материалы, позволяющие говорить об этой, одной из древнейших сторон хозяйственной жизни. Так, на городище Титчиха (Подонье) в заполнении одного из жилищ был обнаружен комок воска [170, с. 77]. Горшок с остатками со-

тового меда выявлен на городище близ с. Воргол (Посеймье) [35, с. 58—61]. Вероятно, можно допустить и изготовление славянами Левобережья искусственных бортей уже в это время.

В эпоху Киевской Руси мед и воск в глазах чужеземцев считались одним из основных богатств древнерусских земель *. О большой ценности меда говорит и то, что повреждение борти по статьям «Русской Правды» каралось штрафом, равным стоимости коня (3 гривны) [199, т. II, с. 197, § 31], а это лишь на две гривны дешевле жизни смерда [199, т. II, с. 171, § 32, 107].

Кроме описанных выше сельскохозяйственных промыслов, в экономике раннеславянского населения Поднепровья важную роль играло собирательство. Сбор желудей, орехов, ягод, грибов, дикорастущих плодов служил средством разнообразия пищевого рациона сельского населения дореволюционной России. Вполне правдоподобно заключить, что в условиях большой зависимости от природы, в неурожайные годы собирательство, точно так же, как охота и рыболовство, давало возможность земледельцу не умереть от голода. В обычное время сельскохозяйственные промыслы выполняли вспомогательную роль, служа средством пополнения пищевого рациона, источником сырья для домашнего производства и прочих нужд [ПО, с. 297].

Торговля. Наличие в раннеславянском обществе высокопродуктивного сельского хозяйства наряду с существованием самостоятельных отраслей ремесла (железодельатель-

* Арабский автор XII в. Абу Хамид ал-Гарнати, перечисляя богатства русских земель, на первое место ставит мед [167, с. 175].

ное, кузнечное, ювелирное и, вероятно, гончарное) обусловили необходимость внутреннего обмена, предметами которого служила продукция сельского хозяйства и ремесленного производства. По-видимому, в какой-то мере можно говорить и о наличии обмена между земледельческими общинами, с одной стороны, и производственными центрами — с другой. Вместе с тем внутренний рынок сбыта сельскохозяйственной продукции был еще весьма ограниченным, поскольку для этого времени неизвестны города как центры ремесла и торговли. Можно лишь говорить об их появлении. Одним из таких эмбрионов города было пограничное поселение — крепость на р. Уды под Харьковом, известное позднее как древнерусский город Донец *. Это подтверждается рядом отличий Донецкого городища от большинства славянских памятников VIII—X вв., в частности относительно более мощными конструкциями оборонительных сооружений, элементами уличной планировки, особенностями устройства жилищ, наконец, остатками ремесленного производства [314, с. 298—315].

О существовании на Левобережье других поселений городского типа судить трудно, хотя упоминание в источниках Чернигова и Любеча уже в начале X в., наряду с Киевом получавших контрибуцию по договору Олега с Византией (911 год) [197, с. 24], дает возможность говорить о них как об административных центрах. Остатками какого-то административного центра считал Д. Т. Березовец Битицкое городище (VII—VIII вв.), хотя никак

* В Ипатьевской летописи упоминается под 1185 (6693) годом (198, т. II, ч. 3, с. 134).

не аргументировал эту точку зрения [40, с. 53].

Остатки мощных оборонительных конструкций, наряду со значительным салтовским импортом, и само географическое положение городищ у с. Ницаха — в районе пограничья с племенами салтовской культуры также позволяют рассматривать его в качестве административно-торгового центра.

Возникновение такого рода административно-торговых центров обусловлено уровнем экономического развития определенных районов Днепровского Левобережья. Вполне понятно, что их наличие мы фиксируем прежде всего в пограничных районах (Донецкое, Битицкое, Ницаха) или же в районах, примыкающих к восточнославянским центрам (Чернигов, Любеч).

Археологические материалы не дают возможности представить, каким образом происходил обмен в раннеславянском обществе. Трудно судить и о формах обмена между поселениями земледельческих общин и населением городских поселений, существование которых, по крайней мере в IX—X вв., вполне допустимо. По этому вопросу имеются две противоположные точки зрения. Сторонники одной отводят внутреннему обмену незначительную роль, сводя к самым примитивным формам [149, с. 67—72]. Другие считают, что уже в последней четверти I тысячелетия н. э. оформилась русская денежно-весовая система [323, с. 87, 99]. Хотя рассмотрение этого вопроса не входит в нашу задачу, приведем некоторые факты. Известно, что развитые товарно-денежные отношения предполагают массовое производство товаров на рынок, а не на заказ [2, с. 331], возможное лишь при условии

существования центров ремесла и торговли, поэтому в пользу мнения В. Л. Янина может говорить факт находки клада у с. Безлюдовки, в котором лишь несколько дирхемов были подлинными, в то время как количество имитаций достигало 1000 [314, с. 312]. В таком случае допустимо предположить, что дирхемы могли выполнять и свои естественные функции, служа всеобщим эквивалентом, а не только в качестве украшений. Во всяком случае факты многочисленных подражаний восточной монете таковы, что не следует пренебрегать ими, а распространенность поддельной монеты нуждается в объяснении. В связи с этим предложение В. Л. Янина представляется убедительным. Можно говорить если не об оформлении русской денежно-весовой системы, то, по крайней мере, о ее формировании в VIII—X вв., тем более что предпосылки для этого в славянском обществе уже имелись.

Социальные отношения. Проблема социальных отношений в раннеславянском обществе второй половины I тысячелетия н. э. признается одной из сложнейших. Тем не менее характер славянских поселений, размеры хозяйственных и жилых сооружений, а также ряд косвенных данных письменных источников могут быть привлечены для выяснения каких-то сторон или для определения общего характера социальной организации.

Имеющиеся материалы позволяют определять подавляющее количество раннеславянских поселений как поселения территориальных общин, а их членов — как земледельцев-общинников, связанных между собой не столько семейными, сколько экономическими отношениями. Так, относительно небольшие разме-

ры жилых помещений (12—25 м²) и относящихся к ним хозяйственных сооружений дают основание говорить об индивидуальной семье в качестве основной хозяйственной единицы раннесредневекового славянского общества *. Обнаруженные на некоторых памятниках (Волынцево) жилища площадью до 36 м² вряд ли могут указывать на существование в это время большой патриархальной семьи, по крайней мере на территории украинской Левобережной Лесостепи [34, с. 28—29]. Существование большой патриархальной семьи в указанном районе также не «находит подтверждения в материалах могильников. Вероятнее всего, большие размеры отдельных жилищ объясняются большим количеством членов индивидуальной семьи. Вместе с тем наличие нескольких урновых захоронений в оградках под насыпью, зафиксированных в Среднем Подесенье [22, рис. 4] и Подонье [90, с. 79 и сл., рис. 38], отражает определенные родственные связи между погребениями.

По-видимому, существование семейной общины в раннеславянском обществе находит свое отражение в сравнительно небольших размерах поселений роменской культуры (60—200X30—150 м). Такое толкование поселений второй половины I тысячелетия н. э. вполне допустимо, тем более что различные географические условия Днепровского Левобережья (Полесье и Лесостепь) обусловили определенные различия и в уровне развития хозяйства. Вполне естественно объяснять сохранность семейных общин в Полесье существованием более прими-

* «Дым» как единица обложения данью фигурирует в письменных источниках. См. Повесть временных лет — ПСРЛ, т. 1, Л., 1926, стр. 19.

тивных форм и систем земледелия, требовавших усилий больших коллективов, тогда как переход к двух- и трехпольной системе земледелия в Лесостепи, начавшийся в первой половине I тысячелетия н. э. и сопровождавшийся распадом семейных общин, привел к объединению хозяйственно самостоятельных семей по принципу соседства [223, с. 842].

С появлением территориальной, или соседской, общины происходит изменение и в землепользовании. Ф. Энгельс, касаясь древней истории германцев, по отношению к России указывал: «... находившиеся до того в общем пользовании пашни и луга стали подвергаться разделу по уже известному способу между возникавшими теперь отдельными домашними хозяйствами сначала на время, позднее — раз навсегда, тогда как леса, выгоны и воды оставались общими.

Для России такой ход развития представляется исторически вполне доказанным» [1, с. 336].

Именно таким образом возникает собственность на землю у славянского населения рассматриваемой территории. Объединенные в территориальные общины индивидуальные семьи имели своей социальной основой коллективную собственность на землю, но обработка земли осуществлялась силами этой индивидуальной семьи, которая являлась и собственником получаемой продукции. В условиях частного землепользования община путем переделов и закрепления за домовладениями участков общинной земли на определенный срок осуществляла свое право коллективного собственника [84, с. 194].

Если для первой половины I тысячелетия н. э. мы можем говорить о семейной или родовой общине, на-

зывавшейся, вероятно, в то время «вервью», то поселения VII—X вв. отражают вервь переходного периода от родовой общины к общине территориальной, выступающей субъектом юридических статей «Русской Правды» [199, т. 1, с. 71, 402—404, 406, 434, 436].

Раскопки некоторых памятников Днепровского Левобережья (Волинцево, Новотроицкое) позволяют предполагать сосуществование обособленного парцеллярного землепользования с общинным землевладением, индивидуального хозяйства с коллективной собственностью на луга, выпасы, воды.

Сначала ежегодные переделы (как это засвидетельствовано у германцев), а затем переделы общественной пахотной земли через все более удлинявшиеся промежутки времени, закрепляли землю за отдельными хозяйствами, способствуя появлению частной собственности и дифференциации общества. Последнее проследил Д. Т. Березовец по материалам раскопок Волинцевского поселения и могильника. Так, импортная гончарная посуда распространена на городище неравномерно, особенно много ее найдено в жилище № 23; в этом же жилище обнаружен и железный наральник [33, с. 167—168]. Точно такая же неравномерность отмечена и на могильнике: в южной части его расположены наиболее богатые захоронения, материалы которых (оковка ножен меча, обрывок кольчуги, украшения и пр.) [35, табл. I, 1—5, 9] позволяют сделать заключение о принадлежности их представителям общественной верхушки. Д. Т. Березовец усматривает в этих погребениях прототип позднейших дружинных захоронений в курганных могильниках (IX—X вв.).

Наличие кладов на городище Новотроицком также свидетельствует о значительной имущественной дифференциации оставившего их населения [140, рис. 13, 16, табл. ХС, ХСЩ указывая вместе с тем и на существование мастеров-ювелиров, обслуживавших уже выделившуюся верхушку [146, с. 147]. О существовании этой верхушки косвенно может свидетельствовать и то обстоятельство, что Суджанский и Харьевский клады содержат набор вещей, весьма близких по стилю исполнения, что может говорить о работе на заказ [34, с. 30]. Безусловно, заказывать такое количество дорогих украшений могло только очень состоятельное лицо, но не рядовой общинник. Видимо, правы исследователи, усматривающие в кладах вроде Суджанского и Харьевского, как и более поздних (Ивахниковского, Фативижского, Полтавского), не случайное скопление награбленных вещей или склад сырья для ювелира [140, с. 218—219; 144, с. 186; 146, с. 145—146], а наследуемые «фамильные драгоценности», по каким-то причинам зарытые в землю [34, с. 30; 109, с. 68—81; 285, с. 185—187].

Имеющиеся материалы позволяют предполагать, что наряду с городищами—поселениями сельского типа (Волынцево, Новотроицкое), в последней четверти тысячелетия появляются городища, в которых нетрудно видеть эмбрион города как торгово-ремесленного и административного центра: Донецкое, Воргол, Путивль, Рыльск (IX—X вв.). Б. А. Рыбаков обратил внимание на то обстоятельство, что городища VIII—X вв. группируются в гнезда по два—семь вокруг одного, известного позднее как город летописных источников [223, с. 852]. Имен-

но таковыми и являются вышеназванные поселения, бывшие центрами притяжения «миров», представлявших общинные коллективы. Многогранный процесс распада родовых отношений вызывал упрочение связей между «мирами», а укрепление экономического и политического могущества социальной верхушки создавало возможности объединения отдельных племен, состоявших из «миров», в союзы. О такого рода племенных союзах с «великим князем» во главе сообщает «Повесть временных лет», указывая, что свое княжение было у полян, а «в дrevлях свое, а дреговичи свое, а словене в Новгороде, а другое на Полоте, иже полочане»*.

По-видимому, такие же союзы племен северян и радимичей существовали во второй половине I тысячелетия н. э. на Днепровском Левобережье и Верхнем Поднепровье. Союзы состояли из более мелких образований, возглавлявшихся князьями или старейшинами, на существование института которых у древлян прямо указывает начальная летопись [197, т. 1, с. 43]. Принадлежали ли эти старейшины к родовой знати или же были наместниками княжеской власти—судить трудно. Однако существование представителей княжеской власти в X в. засвидетельствовано письменными источниками. Таков, например, воевода Претич из Северянской земли [197, т. 1, с. 47].

Экспансия Хазарского каганата в VIII в. [11, с. 47; 17, с. 286; 222, с. 128; 224, с. 76—88] привела к появлению укрепленных поселений, сменивших открытые селища. Эти укрепленные поселения трансформи-

* Термин употреблен в договоре Олега с Византией (911 год).

ровались в феодальные замки и города либо прекратили свое существование где-то в конце I — начале II тысячелетия. Вместе с тем некоторые из сохранившихся в эпоху Киевской Руси северянских поселений в условиях участвовавших набегов кочевников * служили не только торгово-ремесленными или административными центрами, но и выполняли также функции опорных пунктов оборонительной линии древнерусского государства. Видимо, сле-

* Первое столкновение печенегов со славянами относится к 864 г. См. ПСРЛ, т. IX, СПб, 1862, стр. 9.

дует признать убедительной гипотезу Б. А. Рыбакова, согласно которой на территории Лесостепи существование гнезд укрепленных поселений вокруг таких пунктов, как Путивль, Рильск, Курск и другие, отражает военно-административное деление, вроде сотенно-полковой организации Левобережной Украины в XVI—XVII вв. [227, с. 164]. Это тем более допустимо, что наличие сходных условий (в данном случае — фактора внешней опасности) может вызывать к жизни одного порядка явления в обществах, далеко отстоящих друг от друга как во времени, так и в пространстве.

Глава IV

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС НА ДНЕПРОВСКОМ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

Среди первых сообщений летописи мы находим известия, непосредственно относящиеся к нашей теме: «А друзии седоша по Десне, и по Семи, и по Суде, и нарекошас Сьвер»*. Таким образом, летописец не только в общем очерчивает территорию, но и сообщает имя славянского населения Левобережья. В настоящее время является общепризнанным, что под тем или другим «племенным» названием в летописи выступают не отдельные племена, а догосударственные политические образования — союзы племен или племенные княжения [216, с. 97 и ел.; 276, с. 227 и ел.]. Одним из них и были «Сьверъ» («Сьверы», «Сьверо») «Повести временных лет».

Приведенные выше сообщения летописи о северянах как давнем населении Левобережного Поднепровья находят подтверждение в археологических памятниках предгосударственного периода нашей истории. Эти памятники, датируемые VIII—X вв., известны под названием памятников роменского типа. Однако анализ древнейшей части летописи показывает, что здесь идет речь о событиях VI в., к которому

и следует относить данные известия [225, с. 219—236; 221, с. 59].

Если славянская принадлежность роменских городищ сомнений не вызывает, то этническая интерпретация древностей дороменского времени все еще вызывает различные мнения. Важнейшей причиной этого является характер самих памятников Левобережья рассматриваемого времени, которые отличаются типологической пестротой и кажущимся отсутствием генетической связи между древностями различных периодов и типов. Именно поэтому среди исследователей все еще существует мнение об отсутствии здесь постоянного оседлого населения вплоть до установления Хазарского господства [17, с. 289; 18, с. 62].

Наличие оседлости на данной территории отрицал И. И. Ляпушкин, вообще не признававший существования славянских памятников здесь ранее VIII в. [145, с. 180 и сл.; с. 56]. Между тем последние полевые исследования на изучаемой территории противоречат такой точке зрения. Речь идет о памятниках типа Колочин — Курган Азак [261, с. 229 и сл.]. Эти памятники, состоящие из открытых поселений и бескурганых могильников, довольно распро-

* Лаврентьевская летопись. СПб., 1887, стр. 5—6.

странены на Левобережной Украине и выходят за ее пределы вплоть до верховий Десны на севере и Северского Донца на юго-востоке [69, рис. 3]. Они датируются серединой — третьей четвертью I тысячелетия н. э.

Характер памятников дороменского времени и историческая ситуация в Восточной Европе второй половины I тысячелетия, которая характеризуется общим движением славянских племен на юг, дают основания усматривать в населении, оставившем древности V—VII вв., предков северян. Это население, которое можно назвать протосеверянами, со временем образовало северянское племенное объединение, вошедшее в состав древнерусского государства. Однако этническая атрибуция дороменских памятников, все еще не имеет однозначного решения. Если одни археологи считают древности V—VII вв. на Левобережном Поднепровье безусловно славянскими (Л. Д. Поболь, Г. Ф. Соловьева, Е. А. Шмидт, П. Н. Третьяков, Э. А. Сымонович) [195, с. 215—217; 252, с. 124; 288, с. 179—181; 266, с. 50 и сл.], то другие относят их к числу памятников восточно-балтских племен (В. В. Седов, И. П. Русанова) [240, с. 162—170; 212, с. 189 и сл.; 214, с. 146 и сл.], а третьи утверждают, что эти памятники оставлены аланами, или праболгарами (М. И. Артамонов) [19, с. 8]. Положение усложняется еще и тем, что среди лингвистов также нет четкого мнения относительно гидронимии рассматриваемой территории. Согласно их исследованиям, значительное распространение балтийской номенклатуры на Левобережье дает возможность говорить о восточно-балтском происхождении какой-то части населения этой территории в

начале I тысячелетия н. э. [294, с. 159—173]. Наряду с этим здесь же выявляется слой древней славянской гидронимии, относимой к началу нашей эры [294, рис. 9] (карта 2, I).

Нам представляется, что сложность вопроса об этнической интерпретации дороменских памятников Левобережного Поднепровья наряду с недостаточностью имеющихся материалов в настоящее время не позволяет дать однозначного и общего ответа. По-видимому, вопрос об этническом истолковании этих древностей следует рассматривать отдельно для каждого типа памятников и каждого района изучаемой территории.

Анализ памятников первой половины I тысячелетия н. э. не входит в число задач данной работы. Тем не менее для понимания этнокультурного процесса на Левобережье на протяжении всего тысячелетия мы должны коротко рассмотреть древности первых веков нашей эры. В это время на данной территории известны памятники двух культурно-хронологических групп: зарубинецкой культуры и памятников черняхозской культуры. Древности зарубинецкого типа, основная территория формирования которых находится вне рамок рассматриваемого региона, расположены в северо-западном углу левобережной Лесостепи [283, рис. 58]. За исключением районов, непосредственно примыкающих к Днепру от Киева до Канева, на остальной территории Лесостепи мы не имеем ясно выраженных памятников зарубинецкого типа ранней поры. По мнению П. Н. Третьякова, зарубинецкая культура распространилась на Левобережье лишь в первые века нашей эры [277, с. 27 и сл.]. Эту точку зре-

ния поддержал И. И. Ляпушкин, считавший, что зарубинецкая культура на данной территории не имеет генетических корней [144, с. 351]. Вместе с тем памятники зарубинецкой культуры поздней поры концентрируются главным образом в Подесенье. На территории же Левобережной Лесостепи известны лишь единичные пункты с зарубинецкими материалами (впускные погребения трупосожжений около г. Лубны на Суле, близ сел Верхняя Мануйловка и Дьяченки на Пеле [160, с. 21 и сл.], которые А. Н. Третьяков интерпретирует как сарматские, свидетельствующие о контактах между сарматским и зарубинецким населением. Имеющиеся в верховьях Суды, Ворсклы и в Посеймье поселения зарубинецкого типа, по его мнению, относятся не к Киевской, а к деснинской группе [283, с. 207]. Это памятники типа Харьевки (ур. Трифон), известные по небольшим раскопкам Д. Т. Березовца [35, с. 79 и сл.] и относимые к позднему варианту зарубинецкой культуры. Последние располагаются на сниженных пологих участках речных берегов и топографически отличаются от зарубинецких памятников киевской группы. По своему характеру это открытые поселения с жилищами-полуземлянками прямоугольной в плане формы. Внутри жилищ встречаются остатки очагов из камня и глины. Хозяйственные сооружения представлены ямами колоколовидной в разрезе формы. В керамическом комплексе имеется посуда хорошего качества с темнобурой или чернолощеной поверхностью (кувшины, высокие горшки, широкие миски, кружки), а также сосуды грубой выделки. Обычная орнаментация в виде насечек и зашипов по венчику иногда сочеталась с рельефными валиками и под-

ковообразными налепами — приемом, восходящим к культурам доскифского времени [273, с. 93—111]. Очень редко встречаются украшения в виде зигзага, образованного отпечатками палочки, обмотанной шнурком — широко известным приемом роменской орнаментации. Следует упомянуть и такой технологический прием, как нарочитое ошершавливание поверхности. Фибулы позднелатенской и прибалтийской схем, находимые на памятниках позднезарубинецкого этапа, датируют их первыми веками нашей эры [7, с. 56 и сл.]. Позднезарубинецкие памятники Подесенья (Почеп, Спартак, Синьково и др.) по своей материальной культуре связываются с более поздними поселениями этого района (Посудичи, Жуковка, Белокаменка и др.) [283, с. 226; 258; 93, с. 179]. Памятники типа Харьевки, синхронные деснинским, имели наземные жилища со стенами, плетеными из лозы и обмазанными глиной. В этих жилищах выявлены «глинобитные» печи прямоугольной формы, свойственные памятникам вольтынецкого и роменского типов [34, с. 5—6; 144, с. 228, 230]. В остальном материальная культура Харьевки сходна с позднезарубинецкими поселениями бассейна Десны. Итак, на основании совокупности археологических материалов мы можем говорить о наличии некоторых общих черт между памятниками позднезарубинецкого времени в бассейнах рек Десны и Сейма, с одной стороны, и древностями середины и третьей четверти I тысячелетия н. э. на территории украинского Левобережья — с другой. Этими чертами являются: расположение поселений в низких местах у воды, в поймах или на сниженных участках коренного берега; характер поселе-

ний — селища; определенная преемственность в развитии жилищ и хозяйственных сооружений (полуземлянки и ямы-погребя); проявление позднезарубинецких реминисценций в комплексе посуды памятников середины — третьей четверти тысячелетия н. э. и других сторонах материальной культуры. Общим для этих эпох является погребальный обряд, представляющий трупосожжение на стороне с последующим захоронением останков кремированных в бескурганых грунтовых могильниках. Наконец, общими для памятников этих культурно-хронологических групп являются земледельческие традиции, развитие которых прослеживается археологически на протяжении всего рассматриваемого тысячелетия. Логично предполагать, что позднезарубинецкие памятники Десны и Сейма посредством памятников Колочин — Курган Азак — Артюховка могут быть связаны с позднейшими древностями волынцевского типа. Культурная и генетическая связь последних с памятниками роменской культуры вполне очевидна.

Для полноты картины необходимо обратиться к памятникам Черняховского типа.

Памятники черняховской культуры широко распространены на Днепровском Левобережье, где они представлены главным образом в лесостепной части [159]. При сопоставлении собственно зарубинецких древностей и памятников черняховской культуры (II—V вв. н. э.) бросаются в глаза значительные различия между ними. Высказанная в свое время В. В. Хвойко мысль о том, что зарубинецкая культура преемственно сменяется черняховской, большинством исследователей отвергается [257, с. 53—70; 283, с.

221—223]*. Вопрос о связи памятников черняховской культуры с достоверно славянскими древностями второй половины I тысячелетия нашей эры на Днепровском Левобережье также некоторыми специалистами решается отрицательно [144, с. 351; 34, с. 4]. Не совпадают и ареалы распространения зарубинецкой и черняховской [283, рис. 61], черняховской и роменской культур [144, рис. 81; 88].

Вопрос об этнической принадлежности памятников Черняховского типа, как и об их отношениях к древностям позднейшего времени, все еще нельзя считать решенным. До сих пор вызывают споры отдельные вопросы черняховской проблематики, о ее месте и роли в истории восточного славянства. Яркое своеобразие памятников черняховского типа, их очевидная исключительность среди культурно-хронологических групп древностей эпохи железа на изучаемой территории привели некоторых исследователей к мысли о выпадении ее из процесса формирования славянского населения Левобережья [34, с. 4]. По-видимому, вопрос нельзя решать столь категорически.

В настоящее время обнаружен ряд раннесредневековых памятников, которые в той или иной степени проявляют элементы черняховской культуры. Таковы многослойные поселения у с. Авдеева [10, с. 68—84], Лебяжье-4 [128, с. 61—62; 129, с. 66—70], Воробьевка и Рождественское [304, с. 68] в бассейне Сейма, некоторые поселения в Подесенье [284, с. 61; 290, с. 40—118], в материалах которых прослеживается со-

* См. Материалы второго Всесоюзного совещания по проблемам черняховской культуры.—КСИА, № 121. М., 1970.

существование черняховской и раннеславянской (V—VII вв.) керамики, а также выявлены остатки наземных жилищ. Пока что материалы названных памятников полностью не опубликованы и делать серьезные выводы еще рано. Следует, однако, напомнить, что аналогичная картина переживания Черняховских традиций имеет место на юго-западных и западных окраинах черняховской культуры [28, с. 44—45; 29, с. 118—130; 140—142]. По мнению Э. А. Симоновича, усматриваются определенные черты сходства черняховских и раннесредневековых памятников Поднепровья, прослеживаемые по керамическим и другим материалам [270, с. 49—59]. Дальнейшие исследования памятников Левобережного Поднепровья, несомненно, будут способствовать выяснению этого чрезвычайно важного вопроса.

Историческая ситуация на Левобережье во второй половине I тысячелетия н. э. определялась контактами разнотнических элементов и стыками их культур, точно так же как это происходило и в Верхнем Поднепровье. Аккультурация балтского населения левобережными славянами получила свое отражение в наличии банковидных и цилиндрикоконических форм керамики дороженских памятников (Целиков Бугор, Курган Азак), которые аналогичны горшкам с поселений Среднего Подесенья и Верхнего Поднепровья [271, с. 87 и ел.; 182, с. 208 и ел.; 184, с. 132—135; 290, с. 40 и ел.]. Нет необходимости в данной работе рассматривать все балтские субстратные проявления в культуре славянских племен Поднепровья, поскольку это стало предметом специального исследования [240, с. 84, 88, 105—108, 138—140].

Говоря о памятниках V—VII вв.,

нельзя обойти вниманием еще одну категорию их. Мы имеем в виду клады, известные как «древности русов», большинство из которых находится именно в лесостепной полосе Левобережной Украины [109, карта].

Относительно этнической принадлежности этой категории памятников можно лишь строить различные гипотезы с большей или меньшей степенью вероятности. Рассматривая «древности русов», Б. А. Рыбаков обратил внимание на то обстоятельство, что некоторые клады из восточных районов Левобережной Украины содержат двухспиральные подвески. По его мнению, эти подвески типологически предшествуют спиральным височным кольцам северянского набора украшений XI—XIII вв. [221, с. 90, рис. 22]. Именно такая двухспиральная подвеска была найдена на раннесредневековом поселении позднезарубинецкого времени вблизи с. Спартак в бассейне Десны [284, с. 66]. Можно предположить, что эти клады, по крайней мере какая-то часть их, принадлежали протосеверянам. По-видимому, именно они оставили открытые поселения в бассейнах Десны, Сейма, Пела [283, рис. 64, 5], а также бескурганые урновые и безурновые погребения в грунтовых могильниках по обряду трупосожжения около с. Кветунь на Десне [22, рис. 2—4, 6] и с. Артюховка на Суле [154, с. 118]. Им, вероятно, принадлежали балтийского происхождения украшения с эмалью, обнаруженные в составе кладов, расположенных в верховьях левых притоков Днепра (Шмырево, Ахтырка, Суджа и др.) [254, с. 149—192; 157, с. 80 и ел.; 218, с. 85—90]. По мнению П. Н. Третьякова, эти вещи были позаимствованы славянами у близких сосе-

дей — балтов Верхнего Поднорья во время начального расселения славян на юг и юго-восток [283, с. 254, 273; 285, с. 187].

Славянское население восточной и юго-восточной частей Левобережной Украины, по-видимому, испытало определенные влияния со стороны неславянских племен прилегающих районов Степи, в которых специалисты усматривают ираноязычных обитателей рассматриваемой территории [294, с. 229—230; 226—229; 260, с. 38—42, 55—58, 61—69, 83—84] (карта 2, II).

Указанное мнение вполне вероятно, тем более что на Левобережной Украине ираноязычное население имело долгую историю с середины I тысячелетия до н. э. По-видимому, имели место и контакты оседлого славянского населения Лесостепи с сармато-аланскими [18, с. 62] или праболгарскими [19, с. 8] племенами, создавшими в конце рассматриваемого времени яркую и своеобразную салтовскую культуру. По мнению М. И. Артамонова и В. В. Седова, это неславянское население даже приняло участие в формировании северянского племенного союза [17, с. 289; 240, с. 131]. Видимо, именно с этим ираноязычным населением Лесостепи, но уже в значительной степени подвергшимся ославяниванию, можно связывать памятники волынцевского типа.

Как отмечалось выше, трактовка памятников волынцевского типа до сих пор вызывает споры. По мнению одних исследователей, они являются реликтом черняховской культуры, другие же вообще не признают своеобразия волынцевских памятников, считая их однородными с древностями роменской культуры и одновременно последним [146, с. 61—62]. Д. Т. Березовец выступил с гипоте-

зой, согласно которой волынцевские памятники являются древностями северян, позднее (с VIII века) представленных памятниками роменской культуры [39, с. 49 и ел.; 34, с. 18]. Концепция Д. Т. Березовца представляется нам более убедительной. Действительно, нельзя не видеть имеющихся типологических и хронологических различий между памятниками волынцевского типа и роменскими. Отличительные черты прослеживаются в погребальном обряде, характере и топографии поселений, а также в керамическом комплексе. Поселения волынцевского типа по топографии и характеру — неукрепленные поселения на пологих склонах коренных берегов рек или на всхолмлениях в их поймах — очень близки к памятникам предшествующей культурно-хронологической группы (V—VII вв.), оставленным оседлым населением изучаемой территории. Вместе с этим они типологически отличаются от роменских поселений, представляющих собой городища на крутых останцах коренных берегов рек. Точно так же и погребальный обряд памятников волынцевского типа (бескурганные урновые захоронения с трупосожжением на стороне) очень напоминает погребения более раннего времени на Левобережной Украине, в целом отличаясь от курганных могильников роменской культуры. Существенно отличается волынцевский керамический комплекс как от посуды предшествующих памятников, так и от роменской керамики в целом.

Таким образом можно констатировать, что волынцевские памятники непозволительно относить к роменской культуре. Между тем нельзя согласиться с предположением Д. Т. Березовца, что волынцевские

памятники непосредственно трансформируются в роменские [34, с. 18]. Прежде всего обращает на себя внимание несовпадение ареалов волынцевских и роменских культурных проявлений [263, рис. 1]: волынцевские памятники занимают меньшую территорию на Левобережье Днепра (карта 3), в то время как роменская культура имеет значительно большее распространение, выходя за пределы собственно северянской территории (карта 4). Это обстоятельство, наряду с указанными выше типологическими отличиями волынцевских памятников от роменских, свидетельствует о том, что первые не синхронны роменской культуре и что между ними существует какое-то промежуточное культурно-хронологическое звено. Если это так, то мы должны искать памятники, объединяющие в себе основные черты роменской культуры с характерными особенностями памятников волынцевского типа. По нашему мнению, одним из таких памятников является Опошнянское поселение. Действительно, Волынцевское и Опошнянское поселения сближает отсутствие оборонительных сооружений на них и некоторые особенности керамического комплекса. Так, среди посуды Волынцевского и Опошнянского поселений встречается значительное количество архаических горшков баночной или тюльпановидной формы, которые имеют аналогии среди керамики памятников V—VII вв. На том и другом памятниках существует группа горшков с вертикальными венчиками. Кроме того, керамика Опошнянского и Волынцевского поселений не имеет столь распространенного и характерного для роменской посуды веревочного орнамента, хотя на Опошнянском поселении и находят гор-

шки типично роменских форм с очень четкой профилировкой. Эти последние и связывают памятники типа Опошни, которые на основании ранних салтовских импортов можно датировать серединой VIII в. [145, с. 268; 163, с. 14 и сл.].

Таким образом, связь между волынцевскими и роменскими памятниками является опосредствованной. Наряду с этим следует считать ошибочными утверждения о тождестве и синхронности этих памятников.

Происхождение роменской культуры до сих пор остается невыясненным. По этому вопросу в настоящее время существуют две основные концепции. Автором одной из них является П. Н. Третьяков. Вопрос происхождения культуры славян Левобережного Поднепровья он посвятил одну из работ [287, с. 79 и ел.]. По его мнению, истоки генезиса роменской культуры следует искать на территориях, расположенных к северу и северо-западу от Левобережной Украины. Свою точку зрения П. Н. Третьяков обосновывает ссылками на материалы Троицкого городища под Москвой и керамический комплекс из «длинных» курганов Смоленской области. Эти материалы он считает очень близкими между собой в морфологическом и хронологическом плане. Они якобы были оставлены предками носителей роменской культуры и будто бы отражают их путь на Левобережную Украину из бассейна р. Москвы [287, с. 891].

С этой гипотезой П. Н. Третьякова нельзя согласиться. Прежде всего мы должны указать на значительный промежуток времени, отделяющий роменскую культуру от верхней границы существования Троицкого городища. Автор раскопок И. Г. Розенфельдт датирует этот

памятник III—VI вв. н. э. [207, с. 192], в то время как П. Н. Третьяков считает возможным датировать его лишь VI в. н. э. [287, с. 88].

В названной *статье* П. Н. Третьякова речь идет не столько о происхождении роменской культуры в целом, сколько о керамике, точнее, о свойственном роменской посуде веревочном орнаменте, образованном при помощи отпечатков палочки, обмотанной шнурком. Однако формы керамики Троицкого городища (рис. 61) в целом существенно отличаются от роменских горшков, которые характеризуются четким профилем, коническим туловом, резко отогнутым или вертикальным венчиком и узким дном (рис. 42; 43; 48). В составе теста роменской посуды наиболее характерной примесью является шамот и почти отсутствует дресва, употребляющаяся для отощения глины при изготовлении горшков жителями Троицкого городища.

Сходство в орнаментации керамики роменского типа и посуды Троицкого городища также кажущееся. Оно заключается лишь в использовании веревочного штампа. Но орнаментальные композиции керамики Троицкого городища, которые характеризуются наличием горизонтальных поясков [207, рис. 2; 4, 5—6] (рис. 61), разительно отличаются от украшений на роменской посуде, представленных чаще всего косыми или зигзагообразными отпечатками (рис. 58) [276, рис. 52; 140, рис. 18]. Совершенно отсутствует на посуде Троицкого городища волнистый орнамент, бытующий на роменской керамике совместно с веревочным и иногда встречающийся в сочетании с веревочным зигзагом или продолженными линиями [140, рис. 21, 7] (рис. 47, 7). Сосуды

из «длинных курганов» Смоленской области отличаются от роменских горшков своими пропорциями, будучи приземистыми и слабо расчлененными (рис. 62, 4—17). В качестве примеси в тесто этой керамики добавлялись песок и дресва, что, как отмечалось выше, несвойственно собственно роменской посуде.

Весьма близкой аналогией сосудам из «длинных курганов» является керамический комплекс вятических поселений Подонья [170, рис. 30—35; 90, табл. III, XIII].

Совокупность датирующей вещей, обнаруженных с указанной керамикой в «длинных курганах» (рис. 62, 8—19), не выходит за рамки нижней границы существования роменской культуры на Украинском Левобережье. Уже поэтому эти памятники не могли быть прототипом роменских древностей. Одни лишь бронзовые литые бляшки аварского типа (рис. 62, 18—19), обычно датируемые VI—VIII вв., датируют эти могильники более ранним временем*. Но бляшки этого типа не могли появиться в Верхнем Поднепровье ранее VIII в., поскольку эта территория не имела контактов с областями, занятыми аварами.

Таким образом, в то время, когда население Смоленщины хоронило своих покойников в длинных курганах, роменская культура уже существовала, и население, оставившее длинные курганы, не могло оказать влияния на формирование культуры населения Левобережья. Рассмотренные выше аргументы П. Н. Третьякова по вопросу происхождения роменской культуры Подмосковья и попытка решения этой

* П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 186, рис. 3, 22—24.

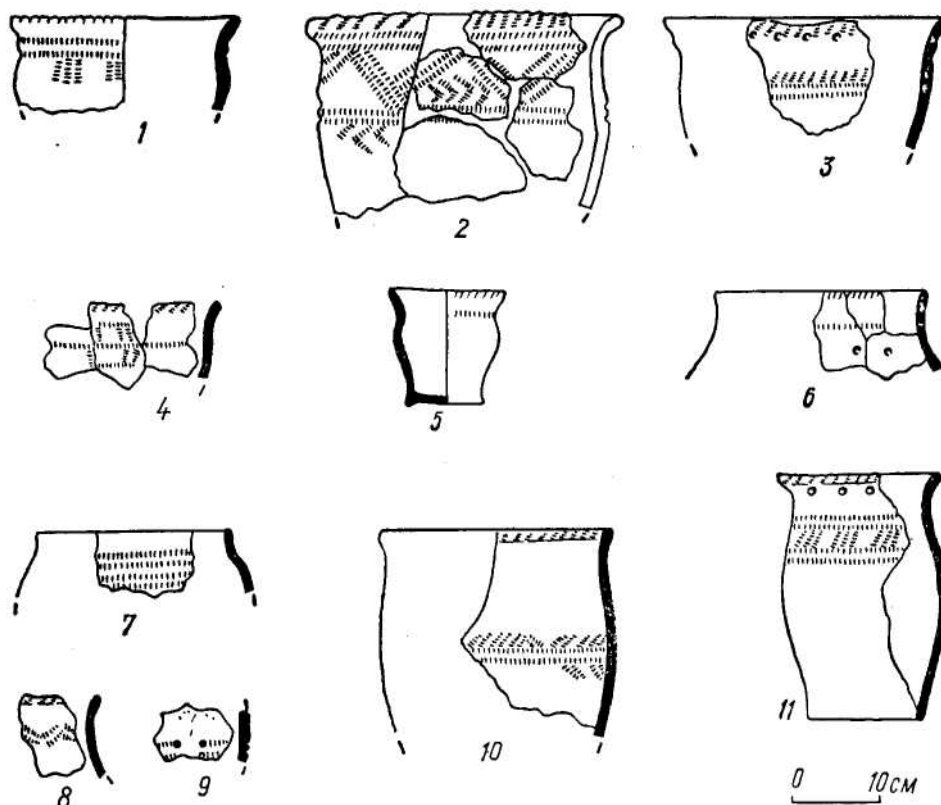

Рис. 61. Керамика из раскопок Троицкого городища в Подмосковье (по И. Г. Розенфельдт).

проблемы на основании лишь позднедьяковских керамических материалов Троицкого городища и Смоленских длинных курганов не могут быть признаны убедительными. В противоположность П. Н. Третьякову, Д. Т. Березовец отстаивал мысль об автохтонности роменской культуры на украинском Левобережье, усматривая свойственные этим памятникам черты в древностях волынцевского типа [34, с. 21]. Не разделяя гипотезы Д. Т. Березовца о прямой «трансформации» последних в роменскую культуру, мы согласны с тем, что истоки этой культуры следует искать на территории

ее распространения, то есть на Днепровском Левобережье. Проанализированные выше археологические материалы дают, на наш взгляд, необходимые основания для такого утверждения.

Действительно, генетическая и культурная преемственность между памятниками волынцевского типа и роменской культуры, проявляющаяся в существовании промежуточных памятников типа Опошни, представляется несомненной. Связь между памятниками обоих типов четко прослеживается в основных проявлениях материальной культуры: в наличии одинаково ориентированных од-

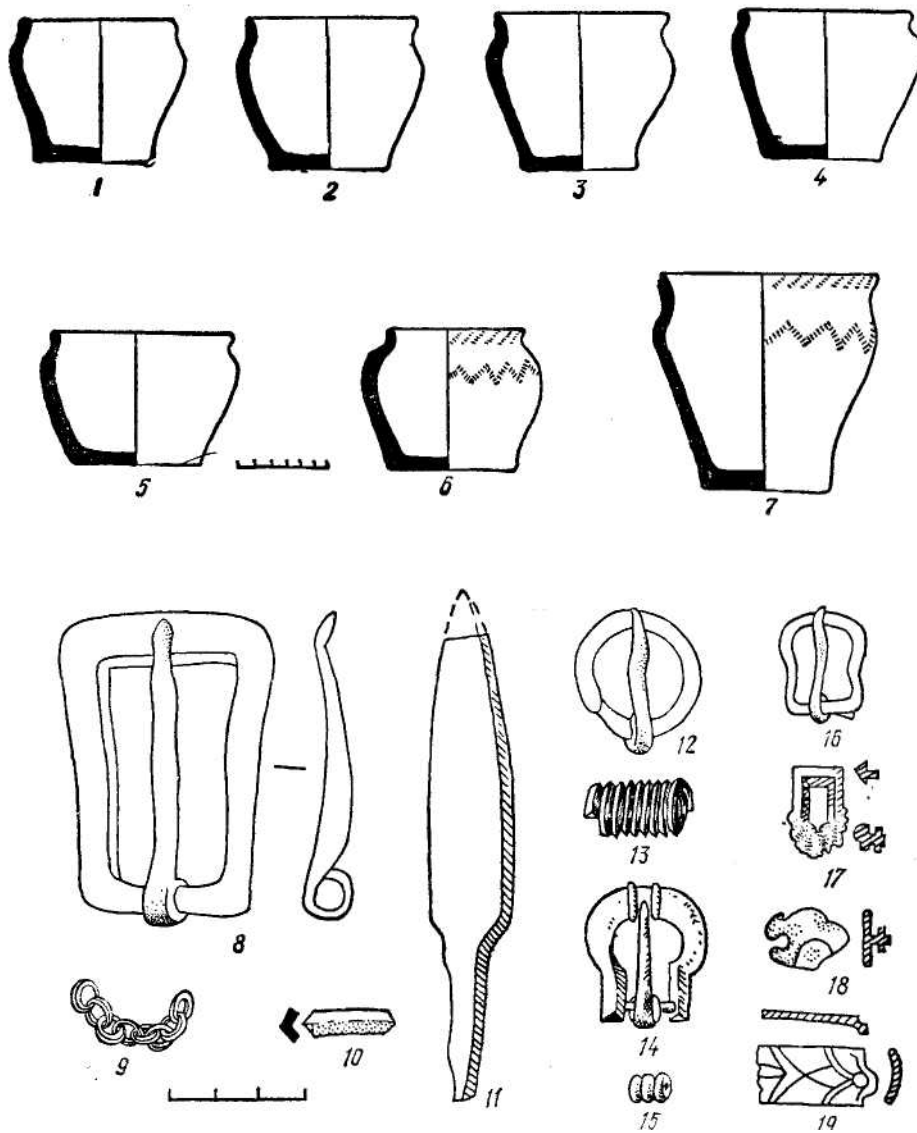

Рис. 62. Находім (1—19) из раскопок «длинных» курганов Смоленщины (по Е. А. Шмидту).

нотипных полуземляночных жилищ срубной или столбовой конструкции с печами из камня или глиняных останцов (рис. 63, 24, 50) и в наличии однотипных хозяйственных сооружений (рис. 63, 26, 51), а также одинаковых форм лепной посуды (рис. 63, 31, 54; 35, 57; 32, 55; 30, 53). Редко употреблявшиеся на лепных горшках волынцевского типа скупые украшения в виде оттисков веревочного штампа по венчикам получают широкое распространение в керамике роменской культуры, образуя подчас целые композиции на плечиках и корпусе сосудов (рис. 63, 31, 54, 55; 58). При этом на роменской посуде венчики орнаментируются оттисками веревочного штампа (рис. 63, 56).

Гончарная керамика памятников волынцевского типа по технике исполнения и характеру орнаментации (горизонтальные желобчатые фризы на плечиках, сплошное или вертикально-полосатое, а иногда перекрестно-полосатое лощение, украшения в виде густой зигзагообразной волны, нанесенной при помощи многозубчатого гребенчатого штампа) (рис. 63, 34) может быть связана с керамикой пастырского типа. И ту и другую посуду роднят перечисленные технические приемы и орнаментальные мотивы. Но различие в формах керамики памятников волынцевского и пастырского типов настолько очевидно, что не может быть речи о типологическом родстве этих групп памятников.

Вероятно, можно предположить, что именно в третьей четверти I тысячелетия население Левобережного Поднепровья выработало некоторые типы личных украшений, свойственные летописным северянам. Однако на основании малочисленных нахо-

док такого рода (63, 39, 40, 42—43, 45; 53, 61, 64—69, 71—72, 79) судить об этом наборе со всей определенностью затруднительно. Исключение составляют двухспиральные височные кольца, считающиеся характерной деталью северянского набора украшений [218, с. 75 и ел.; 221, с. 68 и ел.].

Различия в характере поселений волынцевских и роменских памятников вероятнее всего объяснять фактором внешней опасности, вызванным появлением в Северном Причерноморье Хазарского каганата и его экспансией. Это, в свою очередь, вызвало возникновение укрепленных поселений роменского типа, которые, располагаясь на крутых берегах левых притоков Днепра, образовывали линии общей восточнославянской оборонительной системы [226, с. 14; 227, с. 163—164; 132, с. 133—134]. Следует учитывать и роль климатических изменений, в частности наступление в начале VIII в. периода увлажнения, что сделало невозможным дальнейшее существование поселений в пойменных долинах рек. Изменения в характере поселений необходимо также связывать и с причинами социально-экономического порядка.

Относительно различий в погребальном обряде обеих групп памятников можно заметить, что различия эти касаются не только территории Днепровского Левобережья, но и всей территории обитания славянских племен [22, с. 85, рис. 2; 242; 307; 210; 187; 330; 326]. Процесс смены грунтовых могильников курганными, по-видимому, отражает определенные закономерности в социальном и идеологическом развитии славянского населения. Вместе с тем можно проследить некото-

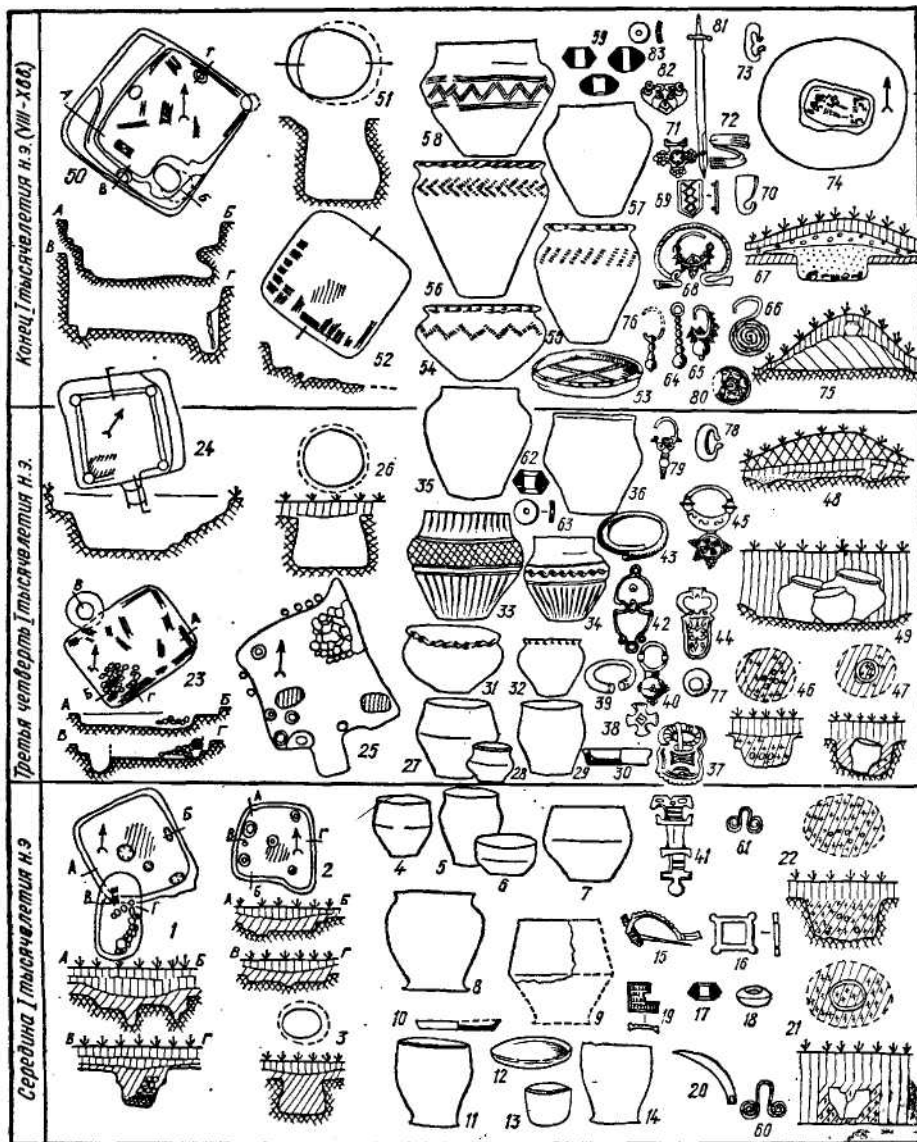

Рис. 63. Славянские древности Днепровского Левобережья второй половины I тысячелетия н. э.:

1 — Форостовичи; 2, 8 — Левкин Бугор; 3—6, 18—19 — Посудичи; 7, 14, 16, 17 — Щеликов Бугор; 9—13, 20 — Курган Азак; 15 — Жуковка; 21 — Кветуны; 22 — Щеликов Бугор; 60 — Спартак; 23, 29 — Щеликов Бугор; 24, 26, 30—35, 49, 62, 63 — Волянцево; 25, 27 — Макча; 28, 37, 38, 41, 46 — 48 — Кветуны; 36 — Волокитино (ур. Старый Кирпичный Завод); 39 — Большие Будки; 40, 42 — 45 — Харьевка; 61 — Суджа; 77—79 — Битца; 50—56, 58, 59, 64, 65, 67—69, 70—72, 76 — Новотронцкое; 57 — Полужье; 66, 81 — Донецкое; 73, 80 — Опощня; 75 — Дорошевка; 74 — Шестовицы; 82 — Мохнач; 83 — Коробовы Хутора.

рую преемственность в погребальном обряде населения волынцевских и роменских памятников (рис. 63, 46, 75). Так, если в волынцевских могильниках урны ставились на специально подготовленные площадки, расчищенные в дерновом слое, то в роменских курганных могильниках (Дорошевка) такие площадки прослеживаются в верхней части насыпи кургана [IV, с. 65, 98, 99]. Кроме того, для волынцевских и роменских могильников характерно трупосождение на стороне, что, по мнению Г. Ф. Соловьевой, является специфической особенностью северян [250, с. 140—141, рис. 3].

Таким образом, волынцевские и роменские могильники преемственно сменяют друг друга, будучи связаны между собой культурной и генетической близостью. Своеобразие волынцевских памятников, проявляющееся главным образом в наличии своеобразной гончарной керамики с лощением, привело некоторых исследователей к предположению, что они оставлены славянизированными потомками древних ираноязычных племен, вошедших в состав северянского племенного союза [18, с. 60—62; 240, с. 131].

Следующий период истории населения Левобережного Поднепровья связывается с археологическими памятниками VIII—X вв., известными под названием «роменско-боршевских». Следует остановиться на правомерности термина «роменско-боршевская культура». В свое время И. И. Ляпушкин предложил объединить две группы славянских памятников различных территорий и принадлежащих различным этнографическим общностям под единым названием [135, с. 126—127; 138; 139, с. 54]. Термин прижился и в настоящее время является общепот-

ребительным. По мере изучения памятников восточных славян, некоторые исследователи [222, с. 135; 226, с. 17; 38, с. 37; 170, с. 155] неизбежно пришли к выводу о неправомерности такого объединения, поскольку, несмотря на определенное сходство, роменские (северяне кие) и боршевские (вятические) памятники имеют существенные различия. По наблюдениям А. Н. Москаленко, специфические черты боршевских памятников прослеживаются в керамическом материале и деталях устройства жилищ. Разница в керамическом комплексе, по ее мнению, видна как в формах и пропорциях посуды, так и в составе теста и технике орнаментации боршевской лепной керамики *. Устройства жилищ роменцев и боршевцев имеют ряд отличий (рис. 64), что, по-видимому, следует объяснять также и этнографическими причинами, а не только наличием строительного материала [144, с. 230—231; 146, с. 184]. Согласно исследованиям П. А. Раппопорта, конструкция жилищ и печей с VIII в. становится постоянным этнографическим признаком [205, с. 39 и сл.]. Определенные различия усматривает А. Н. Москаленко и в специфике хозяйственной деятельности боршевского населения, в которой охота и рыболовство играли более значительную роль, чем у ро-

* Специально занимавшийся разработкой керамического материала с боршевских памятников А. З. Винников в своей диссертации особо отмечает в качестве отличительных признаков роменского керамического комплекса разницу в ассортименте посуды, в пропорциях и формах (А. З. Винников. Славяне Верхнего и Среднего Подонья VIII—X вв. (По керамическому материалу). Автореферат кандидатской диссертации. М., 1974, стр. 25—26.

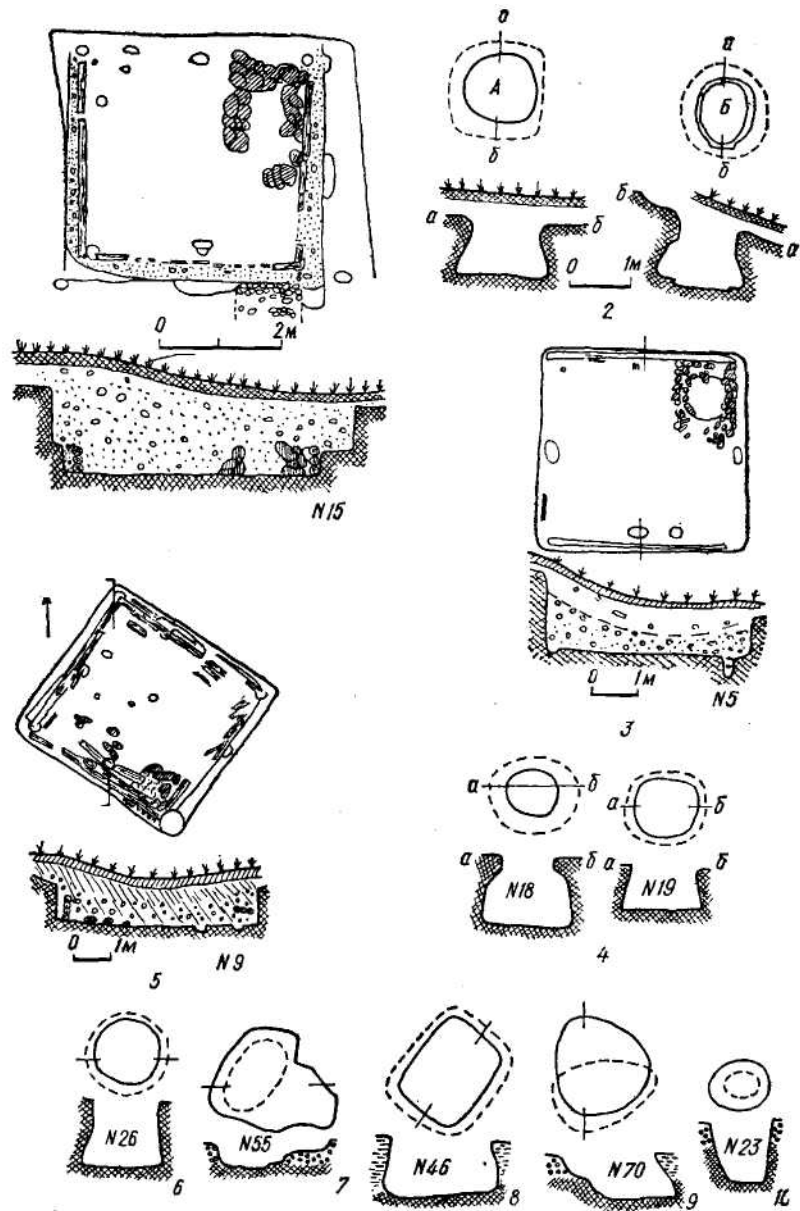

Рис. 64 Жилые и хозяйственные сооружения славянских поселений боршевского типа:
 1—3 — Большое Боршевское городище (раскопки П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова); 4—10 — городище Гитчиха (по А. Н. Москаленко).

менцев [170, с. 69—73;]. Указанные различия между памятниками роменского и боршевского типов отражают различные этнографические образования восточного славянства — северян на Левобережном Поднепровье и вятичей в Подонье.

Вероятно, можно предположить различное происхождение определенных составных частей населения Подонья и собственно Левобережной Украины. По П. Н. Третьякову, северяне и вятичи возникли на базе различных культурных субстратов. Если вятичи сформировались на основе памятников мощинского типа, являвшихся результатом влияния славян зарубинецкой культуры на население верхнеокских городищ, то субстратом культуры северян были, по-видимому, памятники юхновского типа [279, с. 46]. Насколько это так, судить трудно ввиду слабой изученности как юхновской, так и роменской культуры. Между тем данные антропометрических исследований серий черепов славян Подонья, как считают специалисты, указывают на наличие у вятичей специфических антропологических признаков. Действительно, черепа вятичей относятся к долихокранному узколицему типу (черепной указатель 74,1 при скуловом диаметре 129,3) [4, с. 140—143]. Согласно наблюдениям антропологов, наиболее близким вятичам населением являются мордовские племена [200, с. 225, табл. 58]. Очевидно, в формировании славян Подонья приняло участие и какое-то тюрко-болгарское население смежных территорий [6, с. 187]. Во всяком случае, сопоставление средних размеров черепов мужчин из могильников Левобережного Поднепровья и Подонья позволяет говорить о существенных различиях в

их антропологической характеристике.

По-видимому, именно за счет влияния иноэтнических включений следует относить и различия в погребальном ритуале поздних северян и вятичей. Анализ могильников территории Левобережья и Подонья достаточно ясно показывает существенные различия между ними (рис. 65, 1—2) [250, с. 148, 161—165]. Относительно сходства погребальных обычаев этих двух восточнославянских племенных группировок [250, с. 164—165], то оно касается лишь обряда трупосожжения, свойственного всем славянам. Курганы с урновыми захоронениями останков кремированных в своеобразных «домиках мертвых» на Днепровском Левобережье обнаружены в Верхнем Подесенье [146, с. 81—86; 142, с. 74, 86], то есть в районе радимичско-северянско-вятического пограничья и, несомненно, объясняются инфильтрацией вятичей в Подесенье. Поэтому следует считать справедливыми мнения П. Н. Третьякова, Д. Т. Березовца, Г. Ф. Соловьевой и А. Н. Москаленко, связывающих эти культуры с двумя различными племенами или союзами племен. Правильнее говорить о роменской и боршевской культурах как проявлениях северянско-вятичской этнографически различных общностей.

По вопросу о принадлежности роменской культуры славянам разногласий среди исследователей нет [276, с. 242 и сл.; 146, с. 122 и сл.; 216, с. 81—95; 240, с. 128; 34, с. 12]. Сообщения летописца о территории обитания и обычаях славянского населения Левобережного Поднепровья подтверждаются полевыми исследованиями. Согласно последним, характер и топография роменских поселений на крутых останцах

Таблица 11

Средние размеры мужских черепов из славянских могильников Левобережья и Подонья

№ по Мартину	Признак	Антропологические типы	
		долихокран- ный узколи- чный	мезокранный среднеличный
		Подонье *	Днепровское Левобережье **
1	Продольный диаметр	183,3	185,6—185,9
8	Поперечный диаметр	135,2	137,8—138,5
8:1	Черепной указатель	74,1	74,7—75,0
17	Высотный диаметр	135,3	135,0—135,1
9	Наименьшая ширина лба	95,3	95,8—96,1
45	Скуловая ширина	129,3	130,9—131,62
48	Верхняя высота лица	66,8	68,6—68,4
48:45	Лицевой указатель	52,4	52,1—52,1
54:55	Носовой указатель	50,9	51,1—50,7
52:51a	Орбитный указатель	76,9	81,1—81,6
72	Общий угол профиля лица	84,3	83,8—84,0
75/1	Угол носовых костей к линии профиля	27,4	29,5—30,1
	Назомаллярный угол	137,8	137,5—137,5
	Зигомаксиллярный угол	127,9	125,7—125,4
Д:ДС	Дакриальный указатель	56,8	56,7—57,0
	Симотический указатель	48,0	47,6—49,6

* По Т. И. Алексеевой.

** По Г. Ф. Дебецу [77, приложение 25, А, Б].

и мысах коренных берегов Десны, Сулы, Сейма и других левых притоков Днепра, устройство жилищ в виде полуземлянок, земледельческие занятия населения, урновые погребения трупосожжений на стороне и захоронение их в курганах — решительно все соответствует свидетельствам письменных источников о северянах.

Вряд ли нуждается в обосновании то положение, что памятники VIII—X вв. Левобережной Украины отражают культуру не «племени» северян, а одноименного племенного союза [151, с. 14, 95—108; 276, с. 179, 283 и сл.], состоявшего, вероятно, из более мелких этнических единиц, проследить которые археологически крайне затруднительно в силу большой степени их интеграции в рамках политического образо-

вания. В условиях роменско-салтовского пограничья имело место существование славянского и алано-болгарского населения, тем более что в материалах некоторых памятников, наряду со славянскими чертами, прослеживаются взаимовлияния салтовской и роменской культур. Мы уже отмечали, что часть керамического комплекса памятников волынцевского типа имеет ближайшие аналогии среди керамики салтовского круга [192, рис. 31, 3, 4]. Речь идет о горшках с высоким вертикальным венчиком, которые почему-то принято считать сосудами «славянских» форм [141, с. 33—39; 192, с. 121, 134]. На наш взгляд, это ошибочное мнение проистекает из-за кажущегося сходства указанных сосудов с горшками пражского или корчакского типов. На самом деле

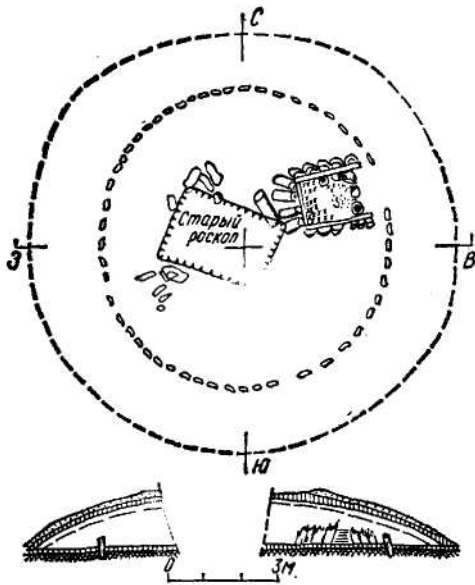

Рис. 65. Боршевский курганный могильник: план и профили кургана № 2.

профилировка обеих групп керамики, пропорции, технология ее изготовления, техника и приемы орнамента не обнаруживают ничего общего. Вероятнее всего относить появление на славянских памятниках Днепровского Левобережья горшков с вертикальным венчиком, орнаментированных пролощенными полосами, а также имитаций подобной посуды за счет культурного влияния этнически близкого салтовцам населения.

Чересполосное, а в районах пограничья и непосредственно близкое размещение поселений салтовского и роменского типов приводило к взаимовлиянию, смешению культурных традиций. Общеизвестно наличие в материалах роменских городищ гончарной керамики салтовского типа. По мнению С. А. Плетневой, имелись и явления обратного порядка, когда славянскую керамику

находили в материалах чисто салтовских памятников [191, с. 83 и ел.]. В верховьях Донца, в Дмитровском катакомбном могильнике салтовской культуры было обнаружено несколько славянских горшков, интерпретированных как урновые захоронения трупосожжений [193, с. 62; 194, рис. 3—5]. С аналогичным явлением встретился Ю. А. Липкинг: в 1970 г. при раскопках волынцевского могильника в одном из погребений, состоявшем из шести сосудов, он выявил типично салтовскую кружку с лощением вертикальными полосами*. Известно, что кружки составляют неотъемлемую и одну из характерных особенностей салтовского керамического комплекса и не типичны для роменского ассортимента посуды. Анализ салтовских поселений, в частности изучение жилищ алано-болгарского населения Левобережья, привели С. А. Плетневу к выводу, что эти племена позаимствовали у славян жилища в виде полужемлянок [192, с. 20].

Таким образом, территориальная близость славянского населения Левобережного Поднепровья с соседними иноэтничными племенами этого региона находит отражение в материальной культуре салтовских и роменских памятников. На наш взгляд, это может говорить не только о каких-то отношениях между населением названных культур, но и об участии ассимилированных неславянских элементов в формировании северян. В пользу этого могут свидетельствовать результаты краниологического изучения северян и алан.

Обращает на себя внимание сходство средних показателей кра-

* Материалы не опубликованы.

Таблица 12

Средние размеры мужских черепов из северянских и аланских могильников Левобережья

№ по Мартину	Признак	Местонахождение, название серии			
		Шестовицкая	Лубенская	Обоянская	Салтовская
		северяне			аланы
1	Продольный диаметр	189,9	186,8	184,3	185,2
8	Поперечный диаметр	142,2	140,2	134,6	138,8
8:1	Черепной указатель	75,0	72,2	73,3	75,3
17	Высотный диаметр	133,7	135,4	134,6	135,8
9	Наименьшая ширина лба	97,7	96,2	94,1	97,1
45	Скуловая ширина	127,7	131,4	129,0	131,3
48:45	Лицевой указатель	54,2	53,4	—	55,5
54:55	Носовой указатель	47,5	50,1	53,6	47,7
52:51a	Орбитный указатель	86,7	82,0	77,9	81,2
72	Общий угол профиля лица	86,6	84,7	82,8	85,0
75/1	Угол носовых костей к линии профиля	23,0	30,9	—	31,6
	Назональный угол	144,0	—	—	136,9
	Зигмаксиллярный угол	133,5	—	—	121,4
	Дакриальный указатель	65,9	—	—	62,6
	Симотический указатель	44,4	—	—	52,4

* Данная таблица построена на основании работ Г. П. Зиневич [97] и В. П. Алексеева. В таблицу Г. П. Зиневич внесены изменения: опущены Леплявская и Суджанская серии черепов.

ниологических серий. Представляя две различные в этническом отношении группы, все они относятся к мезокранному, среднелицевому антропологическому типу. Наибольшую типологическую близость обнаруживают Лубенская и Обоянская серии, с одной стороны, и салтовская — с другой. Интересно, что близкие по времени шестовицкая (IX—X вв.) и салтовская (VIII—IX вв.) серии при одинаковом черепном указателе имеют значительное различие по скуловой ширине. Более поздние (X—XIV вв.) лубенская и обоянская серии по скуловой ширине очень близки к салтовской; различия по

черепному указателю между ними незначительны.

Такое усреднение показателей для более поздних серий черепов, по-видимому, происходит за счет непосредственного участия племен салтовской культуры в формировании населения Левобережья.

Итак, данные археологического и антропологического изучения северян роменской культуры и алан-болгар салтовской, наряду с некоторыми данными гидронимии, не противоречат гипотезе о культурно-язычном элементе в развитии населения Левобережной Украины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение славянских древностей Днепрового Левобережья, начатое еще в 30-х годах XIX в., было успешно продолжено советскими исследователями. Всю историю изучения археологических памятников населения рассматриваемой территории можно расчленить на ряд этапов, важнейшим из которых является послеоктябрьский. Хотя открытие памятников роменской культуры относится к началу текущего столетия, именно в советское время были развернуты широкие систематические полевые исследования, охватившие всю территорию Левобережья, что способствовало появлению ряда ценных работ, с марксистских методологических позиций рассматривающих историю, материальную и духовную культуру одного из славянских племенных союзов — северян. Работами советских археологов Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова, И. И. Ляпушкина, Д. Т. Березовца, Б. А. Шрамко и других была уточнена датировка роменской культуры, определены ее границы, выделены древности предшествующего времени. В настоящее время, благодаря, главным образом, работам послевоенного периода, на Днепровском Левобережье известно около 250 городищ, селищ, курганных и грунтовых могильников, кладов, от-

носящихся ко второй половине I тысячелетия н. э.

Картографирование памятников Днепровского Левобережья эпохи железного века впервые провел И. И. Ляпушкин. Однако его сводка ограничивалась лишь достоверно славянскими памятниками роменского типа на территории Левобережной Украины, что неоправданно сужало круг славянских древностей. Используемые в данной работе археологические источники охватывают период с V по XI в. н. э., включая древности как догосударственного периода, так и времени образования Киевской Руси, на территории собственно Левобережной Украины и прилегающих к ней с севера и северо-запада областей РСФСР. Картографирование памятников третьей четверти I тысячелетия н. э. проводится впервые, что не только расширяет круг славянских памятников, но и иллюстрирует определенные этапы истории развития населения Левобережья во второй половине рассматриваемого тысячелетия.

Как известно, изучение жизни и быта восточных славян догосударственного периода усложняется почти полным отсутствием письменных источников и относительно слабой изученностью памятников этого вре-

мени. Это прежде всего относится и древностям первых двух культурно-хронологических групп. Памятники роменской культуры изучены лучше, но все еще недостаточно. Появляясь в результате длительного развития оседлого населения, памятники этого типа непосредственно увязываются с древностями эпохи сложения Киевской Руси на рассматриваемой территории.

Археологические источники второй половины I тысячелетия н. э. на Днепровском Левобережье констатируют отсутствие перерывов оседлости в Лесостепи. Гипотеза о неоднократных нарушениях оседлой жизни земледельческого населения указанной области во второй половине I тысячелетия н. э. (Г. Ф. Корзухина), в свое время критически встреченная некоторыми специалистами (Д. Т. Березовец), ныне должна быть отвергнута как историографический пережиток. Будучи в известной степени рабочей схемой, эта «гипотеза катастроф» не находит подтверждения в археологических материалах. Напротив, можно утверждать, что эта гипотеза, признанная, объяснить видимое отсутствие преемственности исторического развития на территории Левобережья и отвечавшая уровню тогдашнего изучения раннеславянских памятников (середина 50-х годов нашего столетия), возможно, верная для объяснения гибели черняховской культуры, не может быть в настоящее время применима к древностям второй половины I тысячелетия н. э. По-видимому, правильнее считать, что смена археологических культур не всегда свидетельствует о смене населения, а скорее всего обусловлена законами внутреннего социально-экономического

развития одного и того же этнического массива [20; 34, с. 33].

В связи с этим особое значение приобретает вопрос о происхождении роменской культуры, славянская принадлежность которой признается всеми исследователями [139, с. 58—59; 144; 283, с. 250 и ел.; 240, с. 133]. Значительные разногласия вызывает вопрос о генетической связи этой культуры с памятниками предшествовавшего времени. По мнению некоторых археологов, роменская культура на Левобережной Украине является пришлой (И. И. Ляпушкин, П. Н. Третьяков). И. И. Ляпушкин, считая волынцевские памятники синхронными рокенской культуре, вообще отрицал возможность существования славянских памятников на рассматриваемой территории ранее VIII в. Между тем он не выяснил генетические корни роменской культуры.

Мы разделяем мнение Д. Т. Березовца об автохтонном, местном происхождении населения, оставившего памятники волынцевского и роменского типов. Попытки отыскать истоки роменской культуры за пределами ее распространения (П. Н. Третьяков) не находят подтверждения при анализе материалов.

Соотношения между памятниками середины тысячелетия и волынцевскими древностями выступают не вполне отчетливо. Тем не менее имеются некоторые основания усматривать сходные черты между ними. Дальнейшее изучение недавно выявленных на Левобережном Поднепровье древностей середины тысячелетия позволит определенно судить о генетических связях этого рода памятников и их соотношениях с памятниками последующего времени.

Одной из важнейших проблем

признается проблема взаимоотношения славянского населения Днепропровского Левобережья с иноэтничными племенами, обитавшими на этой территории. В связи с этим некоторые специалисты (М. И. Артамонов, В. В. Седов), рассматривая этноисторический процесс на изучаемой территории, допускают возможность участия неславянских племен в формировании славянских племенных союзов. Другие (С. А. Плетнева) относят установление контактов между этими группами Левобережного населения ко времени более позднему, усматривая культурные взаимовлияния носителей салтовской культуры со славянами VIII—X вв. Нам представляется, что территориальная близость и политическая экспансия Хазарского каганата, в состав которого входили алано-болгарские племена салтовской культуры, должны были отразиться не только в известных сообщениях летописи об уплате дани хазарам славянскими племенами, но и в археологических источниках. Не пытаясь решить эту проблему окончательно, отметим, что данный вопрос нуждается в дополнительной разработке, а взаимоотношения славянского и алано-болгарского населения Левобережья могут служить предметом специального исследования.

В результате углубленного изучения славянских памятников VIII—X вв. как на территории собственно Левобережной Украины, так и Подонья возникает вопрос о правомерности термина «роменско-боршевская культура». По нашему мнению, материалы новейших раскопок памятников боршевского типа (А. Н. Москаленко) наряду с данными, полученными при последних исследованиях поселений и могиль-

ников роменской культуры, в сочетании с анализом керамических материалов этих групп памятников и существенными различиями в погребальных обрядах северянского и вятического населения допускают постановку вопроса о неправомерности этого термина.

Освещению основных сторон хозяйственной деятельности раннеславянского населения Днепропровского Левобережья были посвящены разделы упоминавшихся монографий И. И. Ляпушкина, диссертации Д. Т. Березовца; отдельным вопросам экономики славян рассматриваемой территории уделял внимание Б. А. Шрамко. На основании работ указанных авторов и привлечения публикаций и архивных материалов нами была предпринята попытка нарисовать общую картину многогранной хозяйственной деятельности населения Левобережья во второй половине I тысячелетия н. э. и конкретизировать ее методом палеоэкономического моделирования, разработанным С. Н. Бибиковым для эпохи развитой трипольской культуры. Палеоэкономический анализ экономики раннеславянского общества накануне образования Киевской Руси позволяет утверждать, что уже в это время сельское хозяйство левобережных славян достигло значительной продуктивности, производя продуктов больше, чем это было жизненно необходимо для потребления самих земледельцев. Развитие сельского хозяйства, наряду с развитием ремесел, домашних промыслов, охоты, рыболовства и собирательства, экономическую эффективность которых мы пытались показать, явилась той экономической базой, которая способствовала осуществлению процессов разложения родоплеменного строя, имуществен-

ной и социальной дифференциации, зарождения феодальных отношений. Дальнейшее развитие этих процессов привело к сложению древнерусского государства.

Политическая история носителей роменской культуры — северян неоднократно привлекала внимание исследователей. С возникновением Хазарского каганата славянское население Днепроовского Левобережья попадает под эгиду каганов, власть которых на местах осуществлялась наместниками — тудунами. Хазарское господство над восточнославянскими племенами нашло отражение в письменных источниках. Так, «Повесть временных лет» прямо говорит о даннических отношениях северян, вятичей и родимичей к хазарам [197, с. 18, 20, 46—47]. Безусловно, степень подчиненности этих племен каганату во многом зависела от их территориальной близости к нему. В этой связи весьма показательным является рассказ летописи о том, что поляне решили выплатить дань хазарам мечами, в результате чего захватчики вынуждены были уйти ни с чем [197, с. 16—17]. Как бы мы ни расценивали это сообщение, несомненным остается факт хазарского влияния на судьбы восточнославянских племен, что особенно отразилось на тех из них, которые находились в непосредственной близости к каганату. Находясь в сфере влияния Хазарского каганата, славянское население Левобережного Поднепровья и Подонья неизбежно отставало в своем развитии от других восточнославянских племен. Это нашло отражение в определенной архаичности древностей роменского и боршевского типов [56, с. 41]. Вместе с тем какая-то часть северянского населения очень рано (начало IX в.) оказалась втя-

нутой в процесс культурной, социально-экономической и, по-видимому, политической интеграции, вызванной образованием Киевской Руси. Интеграция роменской культуры в общерусскую наиболее интенсивно протекает в районах, прилегающих к зарождающимся городам — Чернигову и Любечу, упоминание о которых мы находим в первых русских договорах с Византией. Таким образом, по сравнению с вятичами северяне оказались в гораздо лучших условиях и органически влились в процесс образования древнерусского государства.

Следует согласиться с теми исследователями, которые считают присоединение северян к Киевскому государству добровольным, после чего между ними устанавливаются союзнические отношения. Ни письменные, ни археологические источники не дают оснований говорить о каких-то военных конфликтах между ними. Сообщение летописи о походе Святослава на северян, по-видимому, следует рассматривать как демонстрацию военной мощи Киевской Руси, что и вызвало отпадение северян от Хазарского каганата и их присоединение к другим славянским племенным союзам, объединившимся вокруг Киева. Иначе непонятно, почему Святослав наложил на северян «дань легку».

С образованием древнерусского государства и становлением его культуры, в течение некоторого времени роменская культура сосуществует с киеворусской, оставаясь культурой отдаленных, преимущественно сельских, левобережных районов Киевской Руси. Начавшись в междуречье Днепра и Десны, процесс вхождения роменской культуры в общерусскую протекал не везде столь интенсивно, как в этом райо-

не. Археологический материал дает основание считать этот процесс довольно длительным в отдаленных районах Левобережья (Посеймье, Поворсклье, бассейн Северского Донца), где поселения и могильники сохраняют своеобразные роменские черты вплоть до XI в.

Войдя в состав Киевской Руси, северяне выполняли тяжелую и ответственную повинность, служа надежным заслоном на пути кочевников к Киеву. Видимо, эта роль северян, находившихся на передовой линии общегосударственной обороны, нашла отражение в гнездах городищ, вытянувшихся вдоль правых берегов левых притоков Днепра и образовавших, таким образом, глубоко эшелонированный оборонительный район на Левобережье. Ве-

роятно, их можно считать прообразом военной сотенно-полковой системы, служившей в XVII—XVIII вв. тем же задачам [227, с. 164].

Ценой продолжительной кровопролитной борьбы, результатом которой было запустение целых районов и гибель большинства роменских городищ, печенеги, а позднее — половцы, получили доступ в Киевское Поднепровье. Прямое подтверждение этому мы находим у летописца, сообщающего, что Владимир приступил к строительству новой линии укреплений: «Нача ставити города по Десне, и по Трубеже, и по Суле, и по Стугне. И поча на рубати муже лучшие от словен и от чуди, и от вятич, и от сих насели грады, бе бо рать от печенег».

Литература

1. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— *К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в трех томах*, т. 3. М., 1966.
2. *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России.— Полное собрание сочинений, т. 3.
3. *Алексеева Т. Я.* Антропологическая характеристика славянских племен бассейнов Днепра и Оки в эпоху средневековья.— *ВА*, вып. 1. М., 1960.
4. *Алексеева Т. Я.* Краниология средневекового населения верховьев бассейнов Волги и Днепра.— *ВА*, вып. 8. М., 1961.
5. *Алексеев В. П.* Антропология Салтівського могильника.— *МАУ*, вип. 2 Київ, 1962.
6. *Алексеев В. П.* Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969.
7. *Амброз А. К.* К истории Верхнего Поддесенья в I тысячелетии н. э.— *СА*, 1964, № 1.
8. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. *СА*, 1971, № 2-3.
9. *Алихова А. Е.* Авдеевское селище.— *КСИИМК*, вып. XXXVIII, 1951.
10. *Алихова А. Е.* Авдеевское селище и могильник.— *МИА*. М.— Л., № 108, 1963.
11. *Артамонов М. И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937.
12. *Артамонов М. И.* Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии.— *СА*, VI. М.— Л., 1940.
13. *Артамонов М. И.* К вопросу об этногенезе.— *КСИИМК*, вып. XXIX, 1949.
14. *Артамонов М. И.* Белая Вежа.— *СА*, XVI, 1952.
15. *Артамонов М. И.* Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг.— *КСИИМК*, вып. 59, 1955.
16. *Артамонов М. И.* Славянские железоплавильные печи на Среднем Днестре.— *Сообщения ГЭ*, в. VII. Л., 1955.
17. *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
18. *Артамонов М. Я.* Вопросы расселения славян и советская археология.— *ПВИ*. Л., 1967.
19. *Артамонов М. И.* Этническая принадлежность и историческое значение на пастырската культура.— *Археология*, т. IX, БАН, № 3. София, 1969.
20. *Артамонов М. И.* Археологическая культура и этнос.— *ПИФР*. Л., 1971.
21. *Артишевская Л. В.* Разведка в верховьях Десны.— *КСИИМК*, вып. 68, 1957.
22. *Артишевская Л. В.* Могильник ранне-/славянского времени на р. Десне.— *МИА*, No 108. М.— Л., 1963.
24. *Арциховский А. В.* К методике изучения серпов.— *ТСА РАНИОН*, т. IV, 1928.
25. *Багaley Д. И.* Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губернии.— *Труды XII АС*. М., 1905, т. 1.
26. *Вайков Л. А.* Физико-химические основы способов прямого восстановления железа из руд.— *Избранные труды*, т. II. М., 1961.
27. *Барсов Н.* Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885.
28. *Баран В. Д.* Деякі підсумки досліджень поселень черняхівського типу у верхів'ях Дністра і Західного Бугу.— *Слов'яно-руські старожитності*. Київ, 1966.
29. *Баран В. Д.* Ранні словени між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972.
30. *Беления С.* Древняя металлургия железа в Центральной Польше.— *СА*, 1958, № 1.
31. *Березовец Д. Т.* Археологические памятники летописных северян.— *КСИА*» вып. 2. Киев, 1953.

32. *Березовец Д. Т.* Поселения уличен ва Тясмине.—МИА, № 108 М.—Л., 1963.
33. *Березовец Д. Т.* Новые раскопки в с. Волынцево.—АИНУ, вып. 1. Киев, 1967.
34. *Березовец Д. Т.* Северяне (перед образованием Киевской Руси).—Автореферат кандидатской диссертации. М., 1969.
35. *Березовец Д. Т.* Дослідження на території Путивльського району Сумської області.—АП, т. III. Київ, 1952.
36. *Березовец Д. Т.* Плуг з Токарівського торфовища.—Археологія, т. VII. Київ, 1952.
37. *Березовец Д. Т.* Харівський скарб.—Археологія, т. VI. Київ, 1952.
38. *Березовец Д. Т.* До питання про літописних сіверян.—Археологія, т. VIII. Київ, 1953.
39. *Березовец Д. Т.* Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр.—АП, т. V. Київ, 1955.
40. *Березовец Д. Т.* Слов'яни й племена салтівської культури.—Археологія, т. XIX. Київ, 1965.
41. *Бибиков С. Я.* Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья.—СА, 1965, № 1.
42. *Бідзіля В. Л.* Залізоплавильні горни середини I тисячоліття н. е. на Південному Бузі.—Археологія, т. XV. Київ, 1963.
43. *Богданов Е. А.* Спутник техника-животновода по кормлению сельскохозяйственных животных. М., 1922.
44. *Бранденбург Н. Ф.* Журнал раскопок 1882—1902 гг. СПб, 1908.
45. *Брюсов А. Я.* Археологические культуры и этнические общности.—СА, XXVII, 1956.
46. *Будников П. П., Бережной А. Е.* Технология керамических изделий. М, 1946.
47. *Бучинский И. Е.* О климате прошлого Русской равнины. Л., 1957.
48. *Бучинский И. Е.* Климат Украины в прошлом, настоящем и будущем. Киев, 1963.
49. *Ванкина Л. В.* Древнее поселение в Сарнатском торфянике.—«Древние поселения и городища. Археологический сборник». Таллин, 1955.
50. *Веселовский Н. И., Спицын А. А.* Записки об исследованиях собственно русских курганных древностей.—ЗРАО, т. 12, вып. 1—2. СПб, 1901.
51. *Виноградский Ю. С.* Раннеславянские памятники в окрестностях г. Соснвда.—КСИД вын. 1. Киев, 1952.
52. *Винокур И. С.* Горох медного века.—«Природа», № 8, 1960.
53. *Воеводский М. В.* К истории гончарной техники народов СССР.—Этнография, т. IV, М., 1930.
54. *Воеводский М. В.* Городища Верхней Десны.—КСИИМК, вып. XXIV, 1949.
55. *Гайдук Л. А.* Производство сыродутного железа в Якутском округе.—Журнал Русского Metallургического Общества. Спб., № 3, 1911.
56. *Гапусенко Г. М.* Борьба славян за выход до Черного моря. Київ, 1966.
57. *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русах. Спб., 1870.
58. *Глазов В. Н.* Отчет о раскопках, проведенных в 1900 г. в Опоченском и Новоржевском уездах.—ЗРАО, XII, вып. 1—2. Спб., 1901.
59. *Голубовский Я. В.* История Северной земли до половины XIV ст. Киев, 1881.
60. *Гончаров В. /С.* Райковецкое городище. Киев, 1950.
61. *Гончаров В. /С.* Лука-Райковецкая.—МИА, № 108. М.—Л., 1963.
62. *Гончаров В. К.* Розкопки древнього Городська.—АП, т. III. Київ, 1952.
63. *Городец В. А.* Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г.—Труды XIV АС, т. III. М., 1911.
64. *Городец В. Л.* Результаты исследований, произведенных научными экспедициями XII Археологического Съезда.—Труды XII АС, т. 1. М., 1905.
65. *Горюнова Е. И.* К вопросу об «остеологической статистике».—КСИИМК, вып. XXXV, 1950.
66. *Горюнов Е. А.* Разведки в Среднем Подесенье.—АО 1968 г. М., 1969.
67. *Горюнов Е. А.* Разведка на Черниговщине.—АО 1970 г. М., 1971.
68. *Горюнов Е. А., Пескова А. А.* Работы в Днепровском лесостепном Левобережье.—АО 1972 г. М., 1973.
69. *Горюнов Е. А.* Некоторые вопросы истории Днепровского лесостепного Левобережья в V—начале VIII вв.—СА, 1973, № 4.
70. *Горюнов Е. А.* Работы на Полтавщине.—АО 1973 г. М., 1974.
71. *Горюнов Е. Л.* Некоторые древности I тысячелетия н. э. на Черниговщине.—РВД, Л., 1974.
72. *Громова В. Л.* Остатки млекопитающих из раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа.—МИА, № 8. М.—Л., 1948.
73. *Гумилев Л. Н.* Этнос как явление. ДОКГО СССР, в. III. Л., 1967.

74. Гумилев Л. Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии.—История СССР. 1967, № 8.
75. Давидан О. И. Гребни Старой Ладogi.—«Археологический сборник», № 4. Л., 1962.
76. Даниленко В. Н. Славянские памятники I тысячелетия в бассейне Днепра.—КСИА, в. 4. Киев, 1955.
77. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948.
78. Деопик В. Б. Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв.—МИА, № 114. М., 1963.
79. Діброва О. Т. Географія Української РСР. Київ, 1958.
80. Довженко В. И. К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси.—МИЗ СССР, сб. 1. М., 1952.
81. Довженко В. И. Об уровне развития земледелия в Киевской Руси.—История СССР. М., 1960, № 5.
82. Довженко В. И. Розкопки біля с. Волинцевого Сумської області.—АП, т. III. Київ, 1952.
83. Довженко В. И. Феодальный масток в эпоху Київської Русі.—Археологія, т. VIII. Київ, 1953.
84. Довженко В. И. Землеробство древньої Русі. Київ, 1961.
85. Дмитриюков А. Городища и курганы в Суджанском и Рьльском уездах.—Вестник РГО, 1854, ч. II, кн. 4. СПб., 1854.
86. Дмитриюков А. Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рьльском уездах.—Труды КГСК, вып. 1. Курск, 1863.
87. Еременко П. М. Могильники и городища Глуховского и Суражского уездоз. Труды МПК по устройству XIV АС, вып. I М., 1906.
88. Есимонтовский Я. Описание Суражского уезда Черниговской губ., ч. 1. СПб., 1846.
89. Ефаменко П. П. Раннеславянские поселения на Среднем Дону.—Сообщения ГАИМК, № 2, 1931.
90. Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону.—МИА, № 8. М.—Л., 1948.
91. Ефимова А. М. Черная металлургия города Болгара.—МИА, № 61. М., 1958.
92. Жебелев С. А. Маврикий. Известия о славянах VI—VII вв.—Исторический архив, т. II. М.—Л., 1939.
93. Заверняев Ф. М. Селища бассейна р. Судости.—СА, 1960, № 3.
94. Заверняев Ф. М. Почепское селище.—МИА, № 160. М.—Л., 1969.
95. Завитневич В. З. Вторая археологическая экспедиция в Припятское Полесье.—ЧИОНЛ. Киев, 1892.
96. Загорульский М. Археология Белоруссии. Минск, 1965.
97. Зеленин Д. К. Прimitивная техника гончарства налепом.—Этнография, № 1. М., 1927.
98. Зиневич Г. П. До антропології Шестовицького могильника.—МАУ, вип. 2. Київ, 1962.
99. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. 1. СПб., 1878.
100. Изюмова С. А. Техника обработки кости в дьяковское время и в Киевской Руси.—КСИИМК, XXX. М.—Л., 1949.
101. Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесла Новгорода Великого.—МИА № 65. М., 1959.
102. Ильинская В. А. Новые данные о памятниках середины I тысячелетия н. э., в Днепровской Лесостепи.—Славяне и Русь. М., 1968.
103. Іллінська В. А. Розвідка пам'яток скіфського часу на Посуллі 1946 р.—АП, I. Київ, 1949.
104. Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, III. М., 1857.
105. Историко-статистическое описание Черниговской епархии, кн. 5, 6. Чернигов, 1874; кн. 7. Чернигов, 1875.
106. Кирьянов А. В. История земледелия Новгородской земли X—XV вв.—МИА, № 65. М., 1959.
107. Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (домонгольский период).—МИА, № 321 М., 1953.
108. Колчин Б. А., Круг О. Ю. Физическое моделирование сыродутного процесса в производстве железа.—В кн. «Методы естественных и технических наук в археологии». М., 1963.
109. Корзухина Г. Ф. К истории Среднега Поднепровья в середине I тысячелетия н. э.—СА, XXII, 1955.
110. Кочан Г. Е. Сельское хозяйство ва Руси конца XIII—нач. XVI вв. М.—Л., 1965.
111. Краснов Ю. А. К истории земледелия в лесной полосе европейской части СССР.—СА, 1965, № 2.
112. Краснов Ю. Л. Из истории железных серпов в лесной полосе европейской части СССР.—КСИА, вып. 107. М., 1966.

113. *Краснов Ю. А.* О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы.—СА, 1967, № 1.
114. *Краснов Ю. А.* О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы.—СА, 1968, № 2.
115. *Краснов Ю. А.* К проблеме эволюции рала (об одном широко распространенном заблуждении).—МИА. JSfe 176, 1970.
116. *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы.—МИА, № 174. М., 1971.
117. *Кравченко Н. ЛГ, Абашина Н. С, Гороховский С. Л.* Нові пам'ятки I тисячоліття н. е. на Київщині.—Археологія, вип. 15. Київ, 1974.
118. *Куза А. В.* Рыболовство у восточных славян во второй половине I тысячелетия н. э.—МИА, № 176. М., 1970.
119. *Кухаренко Ю. В.* О памятниках раннеславянского времени на Полесье УССР.—КСИА, вып. 4. Киев, 1955.
120. *Кухаренко Ю. В.* Славянские древности V—IX вв. на территории Припятского Полесья.—КСИИМК, вып. 57. М., 1957.
121. *Кухаренко Ю. В.* Раскопки на городище и селище Хотомель.—КСИИМК, вып. 63. М., 1957.
122. *Кухаренко Ю. В.* Средневековые памятники Полесья.—САИ, вып. Е1-57. М., 1961.
123. *Лебедева Н. Я.* Прядение и ткачество у восточных славян в XIX—начале XX вв.—ТИЭ, т. XXXI. М., 1956.
124. *Левашева В. П.* Сельское хозяйство. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.—Труды ГИМ, вып. 32. М., 1956.
125. *Левашева В. Л.* Обработка кожи, меха и других видов животного сырья. Труды ГИМ, вып. 33. М., 1957.
126. *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Я.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области.—СЭ, 1953, № 4.
127. *Левинсон-Нечаева М. Н.* Ткачество.—Труды ГИМ, вып. 33. М., 1959.
128. *Липкинг Ю. А.* Раннеславянские памятники у с. Лебяжье под Курском.—АО 1968. М., 1969.
129. *Липкинг Ю. А.* Далекое прошлое Соловьиного края. Воронеж, 1971.
130. *Липкинг Ю. А.* Могильники третьей четверти I тысячелетия н. э. в Курском Посеймье.—РВД. Л., 1974.
131. *Липкинг Ю. О.* Про призначення роменських городищ.—Матеріали Подільської історико-краєзнавчої конференції. Львів, 1968.
132. *Ляскоронский В. Г.* Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы.—Труды XI АС, т. I. М., 1901.
133. *Ляскоронский В. Г.* Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Пела и Ворсклы.—Труды XII АС, т. II. М., 1907.
134. *Ляпушкин Я. Я.* Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв.—КСИИМК, вып. XII. М.—Л., 1946.
135. *Ляпушкин Я. И.* О датировке городищ роменско-боршевской культуры.—СА, IX, 1947.
136. *Ляпушкин И. И.* Из истории Левобережной Украины эпохи железа.—СА, XI, 1949.
137. *Ляпушкин И. Я.* Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья.—СА, XVI, 1952.
138. *Ляпушкин И. И.* Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей.—Вестник ЛГУ, № 20, Л., 1956.
139. *Ляпушкин Я. Я.* О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII—X вв.—КСИИМК, вып. 68. М.—Л., 1957.
140. *Ляпушкин И. Я.* Городище Новотроицкое.—МИА, № 74. М.—Л., 1958.
141. *Ляпушкин Я. Я.* К вопросу о памятниках вольтынецовского типа.—СА, XXIX, XXX, 1959.
142. *Ляпушкин И. Я.* Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны.—КСИИМК, вып. 74. М., 1959.
143. *Ляпушкин И. Я.* К вопросу о культурном единстве славян.—«Исследования по археологии СССР». Л., 1961.
144. *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа.—МИА, № 104. М.—Л., 1961.
145. *Ляпушкин Я. Я.* Некоторые вопросы из предыстории восточных славян.—КСИА, вып. 100. М., 1965.
146. *Ляпушкин И. Я.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства.—МИА, № 152. Л., 1968.
147. *Ляпушкин Л. I.* Старослов'янське поселення VIII—XIII ст. на території м. Полтави.—АП, т. 1. Київ, 1949.
148. *Ляпушкин І. I.* Дослідження Дніпровської Лівобережної експедиції 1947—1948 рр.—АП, т. III. Київ, 1952.

149. *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР, т. 1. М., 1940.
150. *Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940.
151. *Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.
152. *Макаренко И. Е.* Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г.—ИАК, вып. 22. СПб., 1907.
153. *Макаренко Н. Е.* Материалы по археологии Полтавской губернии.—Труды ПУАК, вып. 5. Полтава, 1908.
154. *Макаренко Н. Е.* Археологические исследования 1907—1909 гг.—ИАК, вып. 43. СПб., 1911.
155. *Макаренко М. О.* Городище Монастирище.—Науковий збірник історичної секції УАН, XIX. Київ, 1925.
156. *Макаренко М. О.* Орнаментация керамических виробів в культуре городищ роменского типа.—Niederlu sbornik. Praha, 1925.
157. *Макаренко М. О.* Борзенські емалі і старі емалі України взагалі,—«Чернігів і Північне Лівобережжя». Київ, 1928.
158. *Мамонов В. С.* Старинные орудия обработки почвы из с. Староселья.—СЭ, 1952, № 4.
159. *Махно Е. В.* Памятники черняховской культуры на территории УССР.—МИА, № 82. М., 1960.
160. *Махно Е. В., Самойловский И. А.* Зарубинецкие памятники в лесостепном Приднепровье.—МИА, № 70. М.—Л., 1959.
161. *Махно С. В.* Успенський могильник. Про один із основних обрядів поховань черняхівської культури.—Матеріали XIII конференції ІА АН УРСР. Київ, 1972.
162. *Махно Е. В.* Кантемирівське поселення та могильник полів поховань.—АП, т. III. Київ, 1952.
163. *Мерперт Н. Я.* О генезисе салтовской культуры.—КСИИМК, вып. XXXVI, 1951.
164. *Мерперт Н. Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье.—СА, XXIII, 1955.
165. *Михеев В. К.* Достижения ремесленников салтовской культуры. Харьков, 1968.
166. *Мишулин А. В.* Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.—ВДИ. № 1. М.—Л., 1941.
167. *Монгайт А. Л., Абу Хамид ал-Гарна-*ти и его путешествие в русские земли в 1150—1153 гг.—История СССР. М., 1959, JSfe IN
168. *Монин С. А.* География почв (с основами почвоведения), 1957 г.
169. *Морозов Ю. А.* О городищах Харьковской губернии.—Труды ХПКУ XII АС, т. 1. М., 1902.
170. *Москаленко А. И.* Городище Титчиха. Воронеж, 1965.
171. *Москаленко А. И.* К вопросу о погребальном обряде древнерусского населения среднего и верхнего Дона.—МИА, № 176. М., 1970.
172. *Найдич-Москаленко Д. В.* О принципах классификации русских пахотных орудий.—СЭ, 1951, № 4.
173. *Никольская Т. Я.* Древнерусское селище Лебедка.—СА, 1957, № 3.
174. *Никольская Т. Н.* Шуклинское городище.—КСИИМК, вып. 72. М., 1958.
175. *Никольская Т. И.* Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э.—МИА, № 72. М., 1959.
176. Новгородская первая летопись. М.—Л., 1950.
177. *Орлов С. Н.* Остатки сельскохозяйственного инвентаря VII—X вв. из Старой Ладogi.—СА, XXI, 1954.
178. *Орлов А. А.* Памятка пастуха. М., 1944.
179. *Орлов Р. С.* Поселення з керамікою волинцевського типу на Київщині.—АДУ, вип. 4. Київ, 1972.
180. *Падин В. А.* Поселения домонгольского времени в районе Трубчевска.—КСИИМК, вып. XXIII. М.—Л., 1948.
181. *Падин В. Д.* Роменское поселение в Трубчевском районе.—КСИИМК, вып. XVI. М.—Л., 1951.
182. *Падин В. А.* Раскопки поселения в урочище Макча близ Трубчевска.—СА, 1969, № 4.
183. *Падин В. А.* Ранние курганы Кветунского могильника.—МИА, № 176, 1970.
184. *Падин В. А.* Древности VI—VII вв. н. э. в окрестностях Трубчевска.—РВД. Л., 1974.
185. *Пассек В. В.* Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов.—РИС, т. III, кн. 2. М., 1839.
186. *Пачкова С. П., Янушевич З. В.* Землеробство племен зарубинецької культури.—Слєв'яно-руські старожитності. Київ, 1969.
187. *Петров В. П.* Памятники корчакского типа.—МИА, № 108. М.—Л., 1963.
188. *Петров В. П.* Подсечное земледелие. Киев, 1968.

189. *Плетнева С. А.* Керамика Саркела-Белой Вежи.—МИА, № 75. М., 1959.
190. *Плетнева С. А.* Средневековые поселения верховьев Северского Донца.—КСИИМК, вып. 79. М., 1960.
191. *Плетнева С. А.* О связях алаано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв.—СА, 1962, № 1.
192. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура).—МИА, № 142. М., 1967.
193. *Плетнева С. А.* Работы Северско-Донецкого отряда.—АО 1967 г. М., 1968.
194. *Плетнева С. А.* Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья.—«Новое в археологии». М., 1972.
195. *Поболь Л. Д.* Основные итоги изучения памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в Белорусском Поднепровье.—ДБ. Минск, 1966.
196. *Поварниц Г.* Промыслы по обработке животной шкуры.—Кустарная промышленность России, разные промыслы, т. 1. СПб., 1913.
197. Повесть временных лет. ч. 1, II. Под ред. В. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.
198. Полное собрание русских летописей, изд. 2-е. СПб., 1908.
199. Правда Русская, I, II. Тексты. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940.
200. Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным. М., 1965.
201. *Попко О. О.* Слов'янські археологічні пам'ятки у нижній течії Десни.—СВУ, вип. 1. Київ, 1971.
202. *Равдоникас В. А.* Старая Ладога.—СА, XII, 1950.
203. *Равдоникас В. А.* К вопросу о древнем пашенном земледелии Старой Ладоги.—КСИИМК, вып. 65. М. 1956.
204. *Раппопорт П. А.* Основные этапы развития древнерусского военного зодчества.—VII Международный конгресс историков и протоисториков. М., 1966.
205. *Раппопорт П. А.* Основные итоги изучения восточнославянских жилищ лесостепной зоны.—Тезисы докладов советской делегации на II Международном конгрессе славянских археологов в Берлине в 1970 г. М., 1970.
206. *Розенфельдт Р. Л.* О производстве и датировке шиферных пряслиц.—СА, 1964, № 4.
207. *Розенфельдт И. Г.* Керамика Троицкого городища.—СА, 1965, № 1.
208. *Руденко С. И.* Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. II. Л., 1925.
209. *Рудинський М.* Археологічні збірки Полтавського музею.—Збірник, присвячений 35-річчю музею, т. 1. Полтава, 1928.
210. *Русанова И. П.* Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян.—СА, 1958, № 4.
211. *Русанова И. П.* Поселение у с. Корчак на р. Тетерева.—МИА, i08. М., 1963.
212. *Русанова И. П.* Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. на северо-западе Украины и юге Белоруссии.—ДБ. Минск, 1966.
213. *Русанова И. П.* Курганы полян X—XII вв. М., 1966.
214. *Русанова И. П.* О керамике ранне-средневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья.—Славяне и Русь. М., 1968.
215. *Рыбаков Б. А.* Анты и Киевская Русь.—ВДИ, 1939, № 1(6).
216. *Рыбаков Б. А.* Поляне и Северяне.—СЭ, VI—VII, 1947.
217. *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948.
218. *Рыбаков Б. А.* Новый Суджанский клад антского времени.—КСИИМК, вып. 27. М.—Л., 1949.
219. *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова.—МИА, № 11, М.—Л., 1949.
220. *Рыбаков Б. А.* Русские земли по карте Идриси 1154 года.—КСИИМК, вып. 43. М.—Л., 1952.
221. *Рыбаков Б. А.* Древние Русы.—СА, XVII, 1953.
222. *Рыбаков Б. А.* К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси.—СА, XVIII, 1953.
223. *Рыбаков Б. А.* Предпосылки образования древнерусского государства.—Очерки истории СССР III—IX вв. М., 1958.
224. *Рыбаков Б. А.* Русь и Хазария.—Сб. статей в честь академика Б. Д. Грекова. М., 1958.
225. *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь, сказания, былины, летописи. М., 1963.
226. *Рыбаков Б. А.* Первые века русской истории. М., 1964.
227. *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.
228. *Сабанеев Л. П.* Жизнь и ловля пресноводных рыб. Киев, 1959.
229. *Савельев Г. Б.* Производство крицы. М., 1963.
230. *Самоквасов Д. Я.* Историческое значение городищ.—Труды III АС. Киев, 1878.
231. *Самоквасов Д. Я.* Северянские курганы

- ны и их значение для истории.— Труды III АС. Киев, 1878.
232. *Самоквасов Д. Я.* Древние земляные насыпи и их значение для науки.— Древняя и новая Россия, 1876, № 4.
 233. *Самоквасов Д. Я.* Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908.
 234. *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли. М., 1908.
 235. *Самоквасов Д. Я.* Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии. М., 1916.
 236. *Самоквасов Д. Я.* Могильные древности северянской Черниговщины. М., 1916.
 237. *Седов В. В.* Кривичи.— СА, 1960, № 1.
 238. *Седов В. В.* Дреговичи.— СА, 1963, № 3.
 239. *Седов В. В.* Балто-иранский контакт в Днепровском Левобережье.— СА, 1965, № 4.
 240. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— МИА, № 163. М., 1970.
 241. *Седов В. В.* Вивчення етногенезу слов'ян.— «Народна творчість та етнографія», вип. 4. Київ, 1967.
 242. *Сербау І. А.* Археологічні абсьєдованні у вадазборах рэк Прони і Ухлясыцы у Магілеушчане.— Працы секііі археологіі БАН. Менск, 1932.
 243. *Середонин С. М.* Историческая география. Пг., 1916.
 244. *Сергеенко М. Е.* Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М., 1958.
 245. *Сержпутовский А. К.* Земледельческие орудия белорусского Полесья.— МЭР, т. 1. Спб., 1911.
 246. *Сизов И. А.* К истории льноводства в СССР.— МИЗ, т. 2. М., 1956.
 247. *Смирнов А. П.* К вопросу об археологической культуре.— СА, 1964, № 4.
 248. *Соколов А.* Скорняжный промысел.— «Кустарная промышленность России, разные промыслы», т. 1. Спб., 1913.
 249. *Соловьев Л. И.* Стоянки, селища и городища окрестностей г. Курска.— Известия КГОК, № 4. Курск, 1927.
 250. *Соловьева Г. Ф.* Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. (вятичи, радимичи, северяне).— СА, XXV, 1956.
 251. *Соловьева Г. Ф.* Памятники конца I тысячелетия н. э. в Верхнем Поднепровье.— МИА, № 176. М., 1970.
 252. *Соловьева Г. Ф.* О роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья.— СА, 1971, № 2.
 253. *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным.— ЖМНП. СПб., 1899, август.
 254. *Спицын А. А.* Предметы с выемчатой эмалью.— ЗОРСА, т. V, вып. 1. СПб., 1903.
 255. *Спицын А. А.* Историко-археологические разыскания.— ЖМНП, XIX. СПб., 1909.
 256. *Спицын А. А.* Русская историческая география. Пг. 1918.
 257. *Спицын А. А.* Поля погребальных урн.— СА, X, 1948.
 258. *Станкевич Я. В.* Шестовицька археологічна експедиція 1946 р.— АП, т. 1. Київ, 1949.
 259. *Стаскова Н. Н.* Появление железа и первоначальные способы его получения.— Труды Института истории естествознания и техники, т. 33. М. 1960.
 260. *Стрижак О. С.* Назви річок Полтавщини. Київ, 1963.
 261. *Сухобоков О. В.* Поселение середины I тысячелетия н. э. близ с. Курган Азак Сумской области.— АИНУ 1968 г., вып. III. Киев, 1971.
 262. *Сухобоков О. В.* Населення Дніпровського Лівобережжя перед утворенням Київської Русі.— «УІЖ», № 6. Київ, 1971.
 263. *Сухобоков О. В.* Про деякі проблеми вивчення роменської культури.— Археологія, 1971, № 3.
 264. *Сухобоков О. В.* Рятівні розкопки городища біля с. Волокитина.— Археологія, № 13. Київ, 1974.
 265. *Симонович Э. А.* Городище Колочин I на Гомельщине.— МИА, № 108. М., 1963.
 266. *Сымонович Э. А.* О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья.— СА, 1966, № 3.
 267. *Сымонович Э. А.* Форостовичи — раннесредневековое поселение в Подесекье.— АО 1967 г. М., 1968.
 268. *Сымонович Э. А.* Поселения VI—VII вв. на Чернигэвшине.— КСИА, вып. 120. М., 1969.
 269. *Сымонович Э. А.* Разведки и раскопки памятников I тысячелетия н. э. в Курской области.— АО 1972 г. М., 1973.
 270. *Сымонович Э. А.* Племена Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э.— Автореферат докторской диссертации. М., 1971.
 271. *Симонович Е. О.* Два ранньосередньовічних поселення на Чернігівщині.— Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969.
 272. *Тараканова С. А.* Новые материалы по

- археологии Пскова.—КСИИМК, вып. XXXIII. А1—Л., 1950.
273. *Тереножкин А. И.* Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье.—ВССА. М., 1954.
274. *Третьяков П. Я.* Подсечное земледелие в Восточной Европе. Л., 1930.
275. *Третьяков П. Я.* Северные восточнославянские племена.—МИА, № 6. М., 1941.
276. *Третьяков П. Я.* Восточнославянские племена. М.—Л., 1953.
277. *Третьяков П. Я.* Итоги археологического изучения восточнославянских племен.—IV международный съезд славистов. Доклады. М., 1958.
278. *Третьяков П. Я.* Чаплинское городище.—МИА, №70. М.—Л., 1959.
279. *Третьяков П. Я.* Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура.—СА, 1960, jNb 1.
280. *Третьяков П. Я.* Итоги археологического изучения восточнославянских племен.—Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961.
281. *Третьяков П. Я.* Этногенетический процесс в археологии.—СА, 1962, № 4.
282. *Третьяков П. Я.* О древностях середины и третьей четверти I тысячелетия н. э. в южных частях Верхнего Поднепровья.—СА, 1965, № 4.
283. *Третьяков П. Я.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. Л., 1966.
284. *Третьяков П. Я.* Зарубинецкая культура и поднепровские славяне.—СА, 1968, № 4.
285. *Третьяков П. Я.* О древнейших русах и их земле.—Славяне и Русь. М., 1968.
286. *Третьяков П. Я.* Исследования в Среднем Подесенье.—АО 1967 г. М., 1968.
287. *Третьяков П. Я.* Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки.—СА, 1969, № 4.
288. *Третьяков П. Я.* Вопросы и факты археологии восточных славян.—«Ленинские идеи в изучении истории первобытнообщинного строя, рабовладения и феодализма». М., 1970.
289. *Третьяков П. Я.* Селище в Лавриковом лесу.—«Новое в археологии». М, 1972.
290. *Третьяков П. Я.* Древности второй и третьей четвертей I тысячелетия н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье.—РВД. Л., 1974.
291. *Третьяков П. М.* Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскли.—Археологія, т. 1. Київ, 1947.
292. *Третьяков Я. М.* Старожитності I тисячоліття н. е. в Середньому Подзсенні.—Середні віки на Україні, вип. 1. Київ. 1971.
293. *Трофимова Т. А.* Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья.—СЭ, 1946, № 1.
294. *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
295. *Успенская А. В.* Металлургическое производство по материалам древнерусских селищ.—Труды ГИМ, вып. 33. М., 1959.
296. *Федоров Г. Б.* Население юго-запада СССР в I — нач. II тысячелетия н. э.—СЭ, 1961, № 5.
297. *Федоровський А. С.* Археологічні розкопки в околицях Харкова. X, ч. 1. Київ, 1930.
298. *Филиппов Я. А.* Кустарные промыслы в России. Промыслы по обработке дерева. СПб., 1913.
299. *Хавлюк П. И.* Славянские поселения VIII — нач. IX вв. на Южном Буге.—Археологический сборник, вып. 4. Л., 1962.
300. *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения в Семенках и Самчинцах в среднем течении Южного Буга.—МИА, № 108. М.—Л., 1963.
301. *Цалкин В. И.* Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М., 1966.
302. *Шафонский А.* Черниговского наместничества топографическое описание. К., 1861.
303. *Ширинский С. С.* Курганы полян у с. Седнев.—АО 1967 г. М., 1968.
304. *Ширинский С. С.* Разведка в Курской области.—АО 1968 г. М., 1969.
305. *Шмидт Е. А.* Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленской области.—СА, 1958, № 3.
306. *Шмидт Е. А., Заверняев Ф. М.* Археологические памятники бассейна верхней Десны.—МИСО, 3. Смоленск» 1959.
307. *Шмидт Е. А.* Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н. э.—МИА, № 108. М.—Л., 1963.
308. *Шовкопляс А. М.* Некоторые данные о костерезном ремесле в Киеве.—КСИА, вып. 3. Киев, 1954.
309. *Шрамко Б. А.* Новые детали устройства раннеславянских жилищ.—СА 1960, Кя 4.
310. *Шрамко Б. А.* К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе.—СА, 1961» № 1.

311. *Шрамко Б. А., Петриченко П. М., Солнцев Л. О., Фомин Л. Д.* Дослідження древньоруських залізних виробів Донецького городища. — «Нариси з історії техніки», вип. 7. Київ, 1961.
312. *Шрамко Б. А.* Новые данные о добыче железа в Скифии. — КСИА, вып. 91. М., 1962.
313. *Шрамко Б. А., Ценкий Е. А.* Рыболовство у жителей/ Донецкого городища в VIII—XIII вв. — СА, 1963, № 2.
314. *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
315. *Шрамко Б. А.* Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника (в связи с проблемой возникновения пашенного земледелия в Восточной Европе). — СА, 1964, № 4.
316. *Шрамко Б. А.* Раннеславянское поселение VIII—X вв. на Донецком городище. — МИА, № 176. М.—Л., 1970.
317. *Шрамко Б. А.* Работы скифо-славянской экспедиции Харьковского Университета. — АО 1970 г. М., 1971.
318. *Шрамко Б. А.* Кераміка салтівської культури. — Учені записки ХДУ. Праці історичного факультету, т. 7. Харків, 1959.
319. *Шрамко Б. А.* Господарство лісостепових племен на території України VII—III ст. до н. е. — «УІЖ», 1971, № 1.
320. *Черных Е. Н.* О термине «металлургический центр», «очаг металлургии» и др. — СА, 1967, № 1.
321. *Юренис Ю. М.* О земледельческой системе, предшествовавшей трехполью. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962.
322. *Эдинг Д. Н.* Экспедиционные работы московских археологов в 1937 г. — ВДИ, № 1(2). М., 1938.
323. *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.
324. *Aitchison L.* A history of metals, v. 1. London, 1960.
325. *Въжарова Ж.* Славянски и славяно-български селища в Българските земи V—XI в. София, 1965.
326. *Cehak-Holubowiczowa H.* Próbnе wykopaliska w pow. Zbaraskiem. — WA, XIV. Warszawa, 1935.
327. *Fettich N.* Archäologische Studien zur Geschichte der späthunnische Metallkunst. — AN, XXXI. Budapest, 1951.
328. *Grenier G.* La siderurgie primitive. — «Mines et metallurgie», Bruxelles, 1965, N 3595.
329. *Hruby W.* Slovenske kostene predmety a jejich vyroba na Morave. — PA, c 1, 1957.
330. *Karpinska A.* Kurhany z okresu rzymskiego w Polsce ze szczególnym uwzględnieniem typu siedleńskiego. Poznań, 1926.
331. *Kavan J.* O spracovani a vyzdobe kosfi u zapadnich Slovanü v době hradistni. — Vznik a pocatky Slovanu. II, Praha, 1958.
332. *Kavan J.* Liberec. Severoceske museum. Nektere z vlásnosti v Konstrukcii valu slovanskyh hradist, IX a X st. — AR, 1960, s. 2.
333. *Kothe H.* Die völkerkundliche Agrarforschung in Rahmen der Ethnohistorie. — EAF, b. 4. Berlin, 1956.
334. *Molderhauer K.* Rzecztki roślinne z wczesnego okresu żelaznego w Biskupinie. — III sprawozdanie z prac wykopaliskowych w grodzie kultury żyzyckiej w Biskupinie. Poznań, 1950.
335. *Nestor I. si Zagaria E.* Sapaturile de la Sarata — Monteoru. — MCA, IV. Bucaresti, 1957.
336. *Piaskowski I.* Cechy charakterystyczne wyrobów żelaznych producowanych przez starożytnych hutników w górach Świętokrzyskich w okresie wpływów rzymskich (I—IV w, n. e.). — Studia dziejów górnictwa i hutnictwa, t. VI. Kraków, 1964.
337. *Pleiner R.* Zakłady slovenskeho zelezarskeho hutnictvi v ceskych zemich. Praha, 1958.
338. *Pleiner R.* Das Eisenhüttenwesen bei den Slawen im frühen Mittelalter. Schaffhausen, 1965.
339. *Podwinska Z.* Technika uprawy roli w Polsce średniowiecznej. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1953.
340. *Radwan M.* Wzloty i upadki polskiego hutnictwa żelaznego. — Przegląd naukowo-techniczny Akademii górniczo-hutniczej w Krakowie, 4, s. 1, 1959.
341. *Radwan M.* Starożytne hutnictwo świętokrzyskie. — Metody badań i wyniku. Rozprawy, 57. Kraków, 1966.
342. *Sadzot L.* Les debuts de la fabrication du fer. — Industrie, Belgique, N 9, 1956.
343. *Steensberg A.* Ancient harvesting implements. Kobenhavn, 1943.
344. *Tomev T.* За обработка на кост в средновековно България. — Археология, Болгарская Академия наук. София, 1963, кн. 3.
345. *Zelenin D.* Russische (Ostslawische) Volkskunde. Berlin — Leipzig, 1927, H. 13.
346. *Zurowski K.* Uwagi na temat obróbki rogu w okresie wczesnesredniowiecznym. — PA, IX, z. 2. Poznań, 1953.

Архивные материалы

- I. *Березовец Д. Т.* Отчет о раскопках раннеславянского поселения и могильника около с. Волянцево Путивльского района Сумской области в 1948 г.—НА ИА АН УССР, ф. № 866, 1948/10.
- II. *Березовец Д. Т.* Отчет о работе славянского отряда Сеймско-Деснинской экспедиции 1950 г.—НА ИА АН УССР, ф. э. № 1147, 1950/2а.
- III. *Березовец Д. Т.* Отчет об археологических работах на Путивльщине в 1953 году.—НА ИА АН УССР, ф. э. № 2080, 1953/86.
- IV. *Березовець Д. Т.* Сіверяни перед утворенням Київської Русі, Рукопись кандидатской диссертации.—НА ИА АН УССР.
- V. *Горюнов Е. А.* Отчет о работе Днепровского левобережного отряда ЛОИА АН СССР в 1972 г.—НА ИА АН УССР, ф. э. № 6287, 1972/90.
- VI. *Котилів Б. Б.* Давньоруські городища басейна р. Сули.—НА ИА АН УССР, рукописний фонд 12, № 223.
- VII. *Кучера М. П., Сухобоков О. В.* Звіт про роботу Лівобережного загону ІА АН УРСР за 1971 р.—НА ИА АН УССР, ф. э. № 5994—5995, 1971/17а.
- VIII. *Макаренко Я. ф.* Письмо к В. В. Хвойко.—НА ИА АН УССР, ф. 03, № 242.
- IX. *Телегин Д. #., Круц В. А.* Отчет о работе Киевской экспедиции в 1966 г.—НА ИА АН УССР, ф. № 4575, 1967/1.
- X. *Сухобоков О. В.* Отчет о разведках Левобережной группы Раннеславянской экспедиции за 1968 г.—НА ИА АН УССР, ф. № 5339-5342, 1868/13в.
- XI. *Шрамко Б. А.* Отчет об археологических разведках и раскопках ХГУ в 1953 году.—НА ИА АН УССР, ф. № 1859, 1953/19.
- XII. *Шрамко Б. А.* Археологические исследования ХГУ им. А. М. Горького в Харьковской и Полтавской областях в 1954 г.—НА ИА АН УССР, № 2221, 1954/14.
- XIII. *Шрамко Б. А.* Отчет об археологических разведках и раскопках Северско-Донецкой археологической экспедиции ХГУ в 1956 г.—НА ИА АН УССР, № 2625, 1956/19.
- XIV. *Шрамко Б. А.* Разведки и раскопки Северско-Донецкой археологической экспедиции ХГУ в 1958 г.—НА ИА АН УССР, № 3103, 1958/16.

Список сокращений

АЛЮР	— Археологическая летопись южной России	ИИМК	— Институт истории материальной культуры
АО	— Археологические открытия	ПМК	— Інститут історії матеріальної культури АН УРСР
АДУ	— Археологічні дослідження на Україні	ИСОХЕ	— Историко-статистическое описание Харьковской епархии
АИНУ	— Археологические исследования на Украине	ИСОЧЕ	— Историко-статистическое описание Черниговской епархии
АП	Археологічні пам'ятки УРСР		
АС	— Археологический съезд		
БАН	— Болгарская Академия Наук	КГОК	— Курское губернское общество краеведения
БАН	— Белорусская Академия Наук	КГУАК	— Курская губернская ученая архивная комиссия
ВА	— Вопросы антропологии	КГСК	— Курский губернский статистический комитет
ВАУ	— Вопросы антропологии Украины	КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР, АН УССР
ВГУ	— Воронежский госуниверситет	МАУ	— Матеріали з антропології України
ВДИ	— Вестник древней истории	МАО	— Московское археологическое общество
ВИ	— Вопросы истории	ЛГУ	— Ленинградский госуниверситет
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии	МАР	— Материалы по археологии России
ВУАК	— Всеукраинский Археологический комитет	МГУ	— Московский госуниверситет
»ЭС	— Восточнославянский этнографический сборник	МИЗ	— Материалы по истории земледелия СССР
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры	МИСО	— Материалы по истории Смоленской области
ГИМ	— Государственный Исторический музей	МПК	— Московский подготовительный комитет по устройству Археологических съездов
ГЭ	— Государственный Эрмитаж	МЭР	— Материалы по этнографии России
ДБ	— Древности Белоруссии	НА ИА АН УССР	— Научный архив Института археологии АН УССР
ДОК ГО СССР	— Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР	НАЭ	— Новгородская археологическая экспедиция
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей	ПВИ	— Проблемы всеобщей истории
ЗРАО	— Записки Российского археологического общества	ПВЛ	— Повесть временных лет
ЗОРСА	— Записки отделения русской и славянской археологии		
ЖМНП	— Журнал министерства народного просвещения		
ИАК	— Известия археологической комиссии		

ПДКМ	— Полтавський державний краєзнавчий музей	СА	— Советская археология
ПИДО	— Проблемы истории доклассовых обществ	СЭ	— Советская этнография
ПИФР	— Проблемы истории феодальной России	ТИЗ	— Труды Института этнографии АН СССР
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей	ТСА РАНИОН	— Труды секции археологии РАНИОН
ПУАК	— Полтавская ученая архивная комиссия	ХГУ	— Харьковский госуниверситет
ОАК	— Отчет археологической комиссии	ХИФО	— Харьковское историко-филологическое общество
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук	ХПКУ	— Харьковский подготовительный комитет по устройству XII археологического съезда
РВД	— Раннесредневековые восточнославянские древности	ЧИОНЛ	— Чтения в историческом обществе Нестора-летописца
РГО	— Русское географическое общество	АН	— Archeologica Hungarica
РИС	— Русский исторический сборник	AR	— Archeologicke Rozhledy
САИ	— Свод археологических источников	EAF	— Ethnographisch — archaeologische Forschungen
		MCA	— Materiali cercetari archeologie
		MS	— Materiały starożytnie
		PA	— Pamatki archeologicke
		PA	— Przegląd archeologiczny
		WA	— Wiadomości archeologiczne

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
<i>Глава I</i>	
ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕ- РИСТИКА ПАМЯТНИКОВ	6
<i>Глава II</i>	
ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУ- РЫ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э	23
<i>Глава III</i>	
ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СО- ЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПО- ЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э	87
<i>Глава IV</i>	
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС НА ДНЕПРОВ- СКОМ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э	132
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	150
Литература	155
Архивные материалы	164
Список сокращений	165

Олег Васильевич Сухобок

СЛАВЯНЕ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ
(роменская культура и ее предшественники)

*Печатается по постановлению
ученого совета Института археологии
Академии наук Украинской ССР*

Редактор *В. П. Лагодзкая*
Художественный редактор *С. П. Квитка*
Оформление художника *В. М. Флаксы*
Технические редакторы *Г. С. Мельник,*
А. М. Капустина
Корректор *Я. И. Зубко*

Сдано в набор 15 IV 1975 г. Подписано в печать
13.XI 1975 г. БФ 37368. Зак. 5—1025. Изд. № 35.
Тираж 1700. Бумага № 1. 70×90^{1/8}. Физ. печ. лис-
тов 10,5. Условн печ листов 12,28. Учетно-издат.
листов 12,43. Цена 1 руб 39 коп.

Издательство «Наукова думка». Киев, Репина, 3.

Изготовлено Нестеровской городской типографией Львовского
облполиграфиздата (г. Нестеров, ул. Горького, 8) с матриц
Головного предприятия республиканского производственного
объединения «Полиграфкнига» Госкомиздата УССР (г. Киев,
Довженка, 3), зак. 7904.